

Михаил КОЖАЕВ

**ПОНЕВОЛЕ
СВОБОДНЫЙ**

2018

Глава 1

Старость

На экране, показывающем вход на территорию особняка, показался старик лет шестидесяти пяти. Охранник небрежно нажал кнопку ответа и спросил:

– Кто?

– Полянский, Антон Викторович. Пришёл к Хану.

Ханом никто хозяина не называл, только такие же авторитеты, как и он сам, или выше. Даже среди приближённых Ханом его называли, только если знали, что рядом точно нет лишних ушей. Поэтому охранник насторожился, но старика впустил: мало ли кто сюда заходит. По одежке этак встретишь деда неласковым словом, а окажется, что он после двадцатилетней отсидки к хозяину пришёл. Лучше перестраховаться.

– Здравствуйте. По какому делу?

– По личному. Переговорить с ним надо.

Охранник сообщил о госте по рации в дом.

– К хозяину мужчина идёт, Полянский...

– Антон Викторович, – подсказал старик, не моргнув глазом. Держался он уверенно.

– Антон Викторович. Ждите!

И он обыскал посетителя на предмет оружия или подозрительных предметов. Ничего такого при нём не оказалось. Старика принял другой охранник, который провёл его непосредственно в кабинет Хана. Трижды постучался и скрылся на мгновение внутри, доложил. Через секунду вышел наружу и впустил посетителя вперёд, после чего плотно закрыл за ним дверь.

– Присаживайтесь!

Хозяин любезно пригласил гостя сесть за массивный дубовый стол в центре кабинета. Сам он восседал за ещё более массивным столом, который был установлен на возвышении, из-за чего любые посетители ощущали себя как перед грозным судьёй. Впрочем, многие предпочли бы суд с обвинительным приговором, чем стальной взгляд Хана, который впивался в жертву, как клинок в

плоть, в то время как на лице двигались только желваки неохватных скул, на коже которых содрогались пунцовые рубцы – последствия давно минувших дел и дней.

– Чем могу служить? – Хан любил формулировать фразы так, словно бы это не у него на посылках, а он сам прислуживать должен.

Старик вздохнул и, глядя грозному собеседнику прямо в глаза, начал:

– Меня зовут Антон Викторович Полянский. Мне 68 лет, вдовец. Всю жизнь я проработал на местном заводе, сейчас на пенсии. У меня есть дочь, она замужем за хорошим человеком, у них подрастает сын, мой внук, тоже Антон. Он смыслённый парень, поступил на очное отделение в университет. До недавнего времени мы жили неплохо. У меня хорошая пенсия, а ещё я подрабатываю. Но недавно у сестры зятя сгорел дом, в котором они жили семьёй: муж, двое детей, мать-старушка. Все они были вынуждены переехать к моей дочери, бабушку отдали мне, я за ней ухаживаю. Взяли кредит, живут всемером в двухкомнатной квартире.

Полянский снова вздохнул и перешёл к делу:

– В армии я служил в автороте, имею разряд по боксу. В отличной форме, до сих пор по утрам бегаю, подтягиваюсь восемь раз. Я своё уже пожил и хочу только одного – устроить жизнь своим детям и родственникам. Я готов выполнить любое ваше задание вплоть до смерти. Если останусь в живых – даю слово, что вас не выдам ни под какими пытками. И уж тем более сейчас никто не знает ни о моей просьбе, ни о нашей встрече. Со своей стороны я готов на любую подготовку и тренировку. Взамен я прошу десять миллионов рублей. Я считаю, это достойная оплата моих услуг, если вам понадобится, например, избавиться от конкурента, но без скандала. Согласитесь, если немощный старик споткнётся и сбросит через парапет ресторана на двадцатом этаже посетителя, какого-нибудь крупного бизнесмена, – это будет выглядеть совсем не так, как если его застрелят из снайперской винтовки.

Хан внимательно осматривал старика, пока тот говорил, и продолжил исследовать его, даже когда тот умолк, ожидая ответа или какой-либо реакции.

– Скажите, – после небольшой паузы спросил он, – а на что вам десять миллионов?

– Пожалуйста! – с готовностью разъяснил Полянский. – В эту сумму входят: двухкомнатная квартира для погорельцев, это шесть миллионов рублей.

Он загнул первый палец и продолжил перечисление, загибая последующие:

– Однокомнатную студию для внука, три миллиона. Новый автомобиль для него же, недорогой, семьсот тысяч. Норковая шуба для дочери, сто тысяч. Сто тысяч на мои похороны: не хочу, чтобы меня абы как, на последние средства, закапывали. И сто тысяч – для ровного счёта.

Антон Викторович впервые за встречу улыбнулся, но тут же его лицо приняло прежнее – деловое и даже весьма суровое выражение.

Хозяин снова помолчал, а затем вновь спросил, в ещё большей задумчивости:

– А как вы себе представляете передачу всех этих квартир, машин и шуб вашей семье? Сегодня вы сталкиваетесь с двадцатого этажа моего конкурента, а завтра я дарю вам движимого и недвижимого имущества на десять миллионов?

– Конечно, нет! – поспешно предупредил его опасения Полянский. – Вы – либо кто-то из ваших подчинённых – примет моих родственников на работу и будет выплачивать им зарплату в течение, скажем, года-двух. А квартиры можно оформить в ипотеку, я специально завысил их стоимость с учётом переплат по процентам. Вы же в любом случае, я думаю, останетесь в большем выигрыше, если вам удастся избавиться от крупной рыбы...

Хан задумался в третий раз и на всякий случай уточнил:

– Скажите, Антон Викторович, а вы знаете, как меня зовут?

Старика этот вопрос, казалось, поставил в тупик, но только на одно мгновение. Он собрался с духом и признался.

– Буду с вами откровенен, я знаю вас как Хана. Как и все здесь, наверное, кто не сталкивался с вами лично и просто знает, что вы местный авторитет.

– Авторитет? – Хан тоже улыбнулся впервые за весь разговор и так же скоро вернул прежнюю маску суровой строгости и влияния. – Это слово значит слишком многое и ничего одновременно. Антон Викторович, а вы не задумывались, что, придя ко мне с такой просьбой, вы ставите меня в безвыходное положение. По сути, я не могу вам отказать, потому что в противном случае буду должен обезопасить себя в том плане, чтобы о нашем разговоре никто не узнал. Ведь, если я откажу, вы не остановитесь и пойдёте к кому-то другому?

– Совершенно верно, – подтвердил Полянский.

– К тому же, судя по всему, вы совсем не представляете конъюнктуру современного бизнеса. Вы думаете, кто-то до сих пор уничтожает людей физически? Это экономически необоснованно, сейчас всё ведётся совсем иначе, более цивилизованно. С чего вы вообще взяли, что у меня есть с кем-либо недопонимание?

– Честно говоря, я в этом не был уверен, когда шёл к вам. Но вы видите, насколько безвыходно моё положение, иначе я бы к вам не обратился. Поэтому я готов на любое поручение и любую работу, какой бы опасной она ни была.

Хан повертел в руках серебряную зажигалку.

– Вы с порога заявили о том, что готовы пойти даже на смерть. Это ваше обязательное условие или, скажем так, более дорогостоящая опция?

Старик на секунду замялся.

– Скажу вам откровенно. У меня диагностировали рак на третьей стадии. Лечиться у меня нет ни средств, ни моральных сил. Я знаю, что моё лечение окончательно убьёт мою семью, так что после моей смерти обо мне будут вспоминать как про обузу, которая навалилась в самый неподходящий момент. Мне осталось около полугода, и я не хочу провести их в больничной койке, обрекая моих родных на страдание и нищету. Повторюсь: я прожил счастливую и насыщенную жизнь, пусть не такую яркую, как могло быть, но поистине счастливую. Я не хочу портить конец. Напротив, я хочу, чтобы мои родные зажили в достатке и радости, хочу избавить их от наблюдений за моей немощью.

– Ясно. – Хан встал со своего места и прошёлся из угла в угол. На секунду он остановился и пристально посмотрел в окно. – Вот что я могу предложить вам, Антон Викторович.

Хозяин снова сел за стол и продолжил:

– Я так понял, что самая неотложная проблема, которую бы вы хотели решить, – найти жильё для ваших родственников-погорельцев. Я могу найти небольшую квартиру поблизости и оплатить её, скажем, на ближайшие полгода. А вы скажете, что ваши знакомые вынуждены на полгода переехать в другой город и готовы принять тихих, некурящих жильцов на этот период, чтобы они оплачивали только коммунальные услуги. Это позволит вам уладить неотложные дела хотя бы на время. Аренду я оплачу из собственных средств. Взамен я могу подобрать вам работу, на неполный рабочий день. Что скажете?

Казалось, старик не ожидал такого поворота. Он замялся и сумбурно ответил:

– Спасибо большое за это предложение...

– Тимур Керимович.

– ...Тимур Керимович! – повторил его имя старик, а про себя хорошенько запомнил его. – Но что же будет через полгода? Возможно, меня уже не будет, а как же дальше мои жить будут? Всё-таки я хотел бы попросить вас о более ответственной работе, чем на неполный рабочий день...

– Я подумаю! – прервал его Хан. – Но ничего не обещаю, хочу это подчеркнуть. И ничего более сказанного пока предложить не могу. Оставьте свой адрес охраннику, по нему к вам завтра придёт человек по поводу квартиры. На этом всё, Антон Викторович.

– Спасибо, Тимур Керимович! – Полянский встал со своего места и поклонился, как старик из той сказки про золотую рыбку. – Ещё раз повторю, что о нашем разговоре никто не знает и не узнает.

– Очень хорошо, я на это надеюсь!

И Хан отпустил посетителя. Антон Викторович проследовал обратным путём, оставил охраннику в будке свой адрес и вышел на улицу. Хозяин в это

время вызвал к себе начальника охраны и приказал вошедшему мужчине в строгом костюме:

– Установите слежку за стариком: куда ходит, с кем общается, не связан ли с ментами? Понаблюдайте за ним месяцок. Если окажется чистым – есть у меня задумка одна, как его можно использовать. Обо всех инцидентах докладывать сразу.

– Так точно, Тимур Керимович!

– И пробейте на него досье: родился, учился, женился, где служил? И в особенности – нет ли какой связи с МВД. Не обязательно, чтобы он сотрудником был: скорее всего, и не был. Важнее друзья, одноклассники, любые связи с органами, одним словом. Если это засланный казачок, то вне зависимости от того, как мы решим проблему с ним, это тревожный звоночек. Не копает ли под нас кто... Короче, ты понял: пробей, отследи, доложи. Свободен.

Начальник охраны вышел от хозяина и поспешил собрать своих подчинённых. Одного он сразу отправил вести наружное наблюдение, благо старик ещё не ушёл далеко, да и возраст не позволял ему передвигаться быстро. Остальным отдал приказ посменно следить за его квартирой, во сколько и куда выходит, кто приходит к нему и тому подобное. Сам же начальник уединился в своём кабинете, чтобы изучить биографию Полянского по актуальной базе МВД, которую ему регулярно обновляют в обмен на небольшую материальную благодарность и стройматериалы для загородного дома: всем же хочется хорошо жить.

По документам выходило всё так, как и рассказал Полянский. В юности занимался боксом, даже побеждал на районных и городских соревнованиях. В армии служил водителем грузовой спецтехники, а права получил ещё в шестнадцать при ДОСААФ. В двадцать один год женился на Марии Юрьевне Светловой, дочери простого рабочего и учительницы. Через год они ждали мальчика, но врачи диагностировали поражения сердца, и мальчик умер спустя сутки после рождения. Несмотря на все больничные запреты, Полянский провёл в палату священника, и малыша успели покрестить с именем Антон.

После известия о священнике Полянского отчислили из комсомола и уволили с работы. Восемь лет он трудился дворником и подрабатывал сторожем, прежде чем его восстановили в должности инженера. Когда ему и его жене было по тридцать, у них родилась дочь Ксения, по мужу – Хохлова. От этого брака у них родился сын, которого называли в честь деда Антоном. У Хохлова-старшего, Дмитрия, действительно, есть сестра, за мужем которой числится дом в деревне, недавно сгоревший. К кому переехали погорельцы, в деле проверки обстоятельств происшествия не сказано, но можно предположить, что сейчас они живут у дочери Полянского. По крайней мере, проверить это легко. В первом приближении сведения старика оказались достоверными. Но хорошенько всё перепроверить никогда не помешает, как говаривал Берия. С этой мыслью начальник ханской охраны отошёл от компьютера и сел в мягкое кресло, чтобы хорошенько всё обдумать.

Глава 2

Слежка

– Кто там?

– Добрый день, обработка квартир от насекомых!

Дверь квартиры отворилась, и внутри показалась женщина лет тридцати пяти.

– Добрый день, проводим запись на обработку от тараканов, клопов, клещей. У вас нет проблем с насекомыми?

– У нас и не было особо, – призналась хозяйка, – к тому же у нас месяц назад или около того уже проводили.

– Правда? Тогда извините! Хорошего дня!

– Спасибо! И вам тоже!

Молодой человек для вида покрутился ещё на площадке, позвонил соседям, переговорил с ними и поспешно вышел на улицу. Зашёл за угол, сел в поджидавшую его машину и сообщил водителю:

– Всё верно, хозяйка дома, ещё одну женщину видел, бельё несла развешивать. С кухни был слышен старушечий голос, а из комнаты доносился рэп – вряд ли кто-то из женщин его поставил, значит, подросток дома. Потому что в школе ещё каникулы, а в вузах уже нет. Старшего Хохлова и зятя Полянского мы видели выходящими на работу, младшего и его двоюродную сестру – в университет. Дед, правда, говорил, что старушка живёт у него. Но, может быть, зашла в гости, что ей с незнакомым стариком тусоваться? Получается – правда, живут всемером в двухкомнатной квартире. Жесть, конечно. Ты бы смог так жить?

– Я? – водитель повёл настолько мощными желваками, что мог бы ими расколоть в процессе вопрошания грецкие орехи. – Меня мать в детдом отдала, я бы в любой хате всемером согласился жить! Тем более если кормить будут.

– Да что ты всё о еде?

– Потому что жрать охота!

– «Жрать»! Ты бы ещё «хавать» сказал! Что за выражения вообще? Мы солидные люди, а ты так выражаешься! Ты вообще в курсе, что глагол «жрати» в славянском языке относился к сфере сакрального? Священник съедал то, что приносили идолам, поэтому и назывался «жрец».

– Серьёзно? – водитель расхохотался во все свои четыреста зубов. – Вот умора! Это получается, с девяти до десяти вечера я жрец «Бургер-кинга»?

– Это когда у них скидки на бургеры?

– Ага!

– Ты мне иногда напоминаешь героев мультфильма: двое из ларца, одинаковы с лица. «Вы что, за меня ещё и есть будете?» – «Ага!». А ведь где-то, наверно, живёт твой брат-близнец, который тоже думает только о еде...

– Так ведь с утра ничего не ели!

– Так сейчас и есть утро! – разразился насмешливой тирадой пассажир. – Я понимаю, если бы ты в десять вечера это сказал, но сейчас-то только десять утра! Двигай к Никону, нам его менять уже пора, он всю ночь за дедом следил.

– Да чего за ним следить-то? Куда он ночью ходит? Сидит дома, смотрит телевизор, типичный пенсионер. И что это Хан так за ним присмотреть приказал?

– Главное, что приказал, а для чего – не нашего ума дело. К тому же он совсем не типичный пенсионер. Ты в курсе, что он каждый день бегает в парке по сорок минут? А потом отжимается, подтягивается и всё такое. А мужику семьдесят лет. К тому же он в молодости боксом занимался. Эдакий престарелый советский Рокки: на пенсии, а в бубен съездить может.

– Молодец дед! Вот таких я уважаю. Мне только не нравится, что из-за него я поесть нормально не могу...

– Да опять ты о еде! Сколько в тебя помещается! И куда всё это уходит?

– В мышцы! – возмутился водитель.

– Точно? Если бы у тебя всё в мышцы уходило, ты бы уже, как Валуев, был.

– Вот и буду!

– Ладно, давай поступим так. Сейчас мы сменим Никона, и после этого ты пойдёшь купишь себе поесть, а я посторожу Полянского. Но не больше двадцати минут, а то я знаю тебя: сначала пиццу делали час, потом счёт несли сорок минут – и в итоге тебя не было полдня!

Гастроном хотел было возразить, но они уже подъехали к дому объекта, и прежний наблюдатель, Никон, дал им понять, что им давно пора было его сменить. Вскоре любитель сытно поесть отправился в ближайшее кафе, а оставшийся дозорный бóльшую часть времени плевал в потолок и разгадывал сканворды. Наконец напарники воссоединились и готовы были продолжать наблюдение за Полянским, как он сам вышел во двор и завёл свою старую «шестёрку». Сначала он что-то подвинтил под капотом, а затем из «Жигулей» повалил сизый дым, который портил жизнь соседям и прохожим минут десять, пока двигатель не прогрелся до рабочей температуры. Когда же это случилось, старик сдал назад, осторожно выехал на тротуар и неспешно двинулся в сторону проезжей части. Наблюдатели – в большей степени раздосадованные, чем удивлённые, – направились за ним.

Удивляться им пришлось совсем скоро. Полянский неспешно добрался до загородной трассы, а затем его мотор задымил во всю Ивановскую, да так, что ребятам также пришлось покоптить небо, выжимая всю дурь из трёхлитрового турбодизеля их вполне респектабельного авто. Но даже в таком режиме им еле-еле удавалось держаться в хвосте престарелой «шестёрки», которая пылила по левой полосе, обгоняла тонированные BMW и играла в шашки с навороченными джипами, чтобы обойти их в неравной борьбе поколений и классов.

Спустя десять минут погони Полянского потеряли из виду. Это произошло настолько стремительно, что водитель и пассажир даже не успели заметить тот момент, когда это случилось. Вроде бы шли сто сорок по чуть загруженному шоссе, как вдруг в открывшейся на километр перспективе не оказалось ни намёка на старую «шестёрку», которая, стало быть, свернула на съезд и замела следы. Преследовавший её водитель придумал пару гипотез на счёт случивше-

гося, пока они ехали в пустоте недоумений, как вдруг им кто-то заморгал сзади, требуя уступить крайнюю левую полосу.

– Чёрт возьми, да ведь это Полянский! – удивился парень за рулём. – Каким хреном он нас нагнал сзади?

Пассажир оказался более глубоким на предмет исследования странных явлений и приказал:

– Возьми к обочине, и давай спросим у него, что он всем этим хотел доказать?

«Шестёрка» Полянского, действительно, остановилась непосредственно за машиной «преследования», и из салона вышел бодрый старичок, который со всей скромностью открыл заднюю дверь, сел и объявил:

– Здравствуйте, братцы! Потеряли меня из виду? Зато я вас всех прекрасно вижу, слишком вы уж топорно свою работу делаете – и следите, и баранку крутите. Что ни говори, а советская школа многим была хороша. Вот вы, например, – он обратился непосредственно к водителю, – ездите по выходным на трек? Знаете, как полезно на обледенелой трассе оттачивать мастерство на заднем приводе! Ладно, это всё лирика.

Полянский вдруг хлопнул обоих парней по плечам.

– Вот что, братцы. Передайте, пожалуйста, Тимуру Керимовичу, что я готов рассказать о себе всю подноготную, включая связи с преступным и правоохранительным миром, предоставить все документы от больничной карты до посетителя центрального бассейна – лишь бы меня не выслеживали, как какую-то шестёрку. Всё, что хочет знать Тимур Керимович, я ему расскажу. Передайте ему, что я готов на всё, чтобы доказать серьёзность моих намерений, только прошу его принять решение пораньше. Моё почтение и всего доброго!

Антон Викторович кивнул своим молчаливым слушателям и вышел из салона. Костяшками пальцев постучал по стеклу водительской двери и, когда оно опустилось, посоветовал:

– Ремень ГРМ подсвистывает, лучше поменять, чем на трассе отелиться.

– Ага, хорошо! – кивнул огорошенный детина.

– Чего хорошо-то? – вперил в него свой взгляд Полянский. – Ты даже не знаешь, что у тебя не ремень, а цепь? Книжку по обслуживанию, что ли, почи-тай.

И с этим напутствием вернулся за руль своей боевой «шестёрки», вырулил на дорогу и неспешно покатил, как самый обыкновенный пенсионер.

– Нет, ну ты видел! – пожаловался водитель. – Он ещё и понты кидает!

– Кидает, – согласился пассажир. – Но старик крутой. Не зря нас Хан поставил его пасти, значит, для какого-нибудь дела нужен. Ну что, поехали докладывать?

И тут же предупредил фразу, начало которой невольно вырвалось у собе-седника с уст:

– И только потом жрать! Понял?

– Да понял! – бросил голодающий и добавил: – Всё равно весь аппетит испортил!

Спустя четверть часа аппетит у обоих был испорчен окончательно:

– Я вам что, недоумкам, сказал? Сле-дить. Не пообщаться с ним по душам, не сыграть в бридж при свете лампы, не обойти три закона робототехники – а следить! Вот он вам затёр свою тираду, у вас, как у девочек, соски повскакива-ли, и вы поехали ко мне рассказывать, какой старикашка крутой? Вы совсем, что ли, олухи царя небесного? Охозни в седьмом колене? Ну а дальше-то вы не подумали, что он мог поехать на встречу, а вы в это время попёрлись мне до-кладывать?

– Так, значит, вы ехали по объездной трассе сто шестьдесят и упустили его из виду? – Хан перебил начальника службы безопасности, обращаясь непосред-ственно к двум его подчинённым, которые впитывали влагу, как кусты репей-ника, подвергшиеся атаке пионеров, перепивших лимонада.

– Да, мы гнали, как позволял трафик. Потом выехали на прямую, а его нет. И вдруг он сзади моргает нам фарами.

– И вы не видели, чтобы он куда-то съезжал?

– Не видели.

– Может быть, вы упустили его за какой-то фурой? Могло такое быть?

– Нет, мы бы заметили. Тем более он шёл хорошо за сто двадцать, не мог он так резко за фуру спрятаться, ему бы пришлось оттормаживаться и пере-страиваться в правый ряд, мы бы это точно заметили.

– Понятно, – резюмировал Хан, – как сворачивал с трассы, не видели, как прятался за грузовиками – тоже. Михаил Дмитриевич, продолжайте!

И начальник охраны, который до той поры не смел перебить вопросы своего хозяина, взялся за распекалово с новой силой:

– Вы близорукие говноеды! Вы даже не видели, как он от вас сбежал – скрылся ли за длиннономером или ушёл на развязке! Вы там целовались на заднем сиденье, что ли, пока ехали? Или останавливались купить бургер с колой? Или что вы там жрёте: куриные крылышки в соусе тартар? Вы за что свои деньги получаете? У тебя сколько лошадок под капотом? Триста, четыреста?

– Двести шестьдесят пять всего... – пожаловался водитель.

– Я тебе дам – двести шестьдесят пять всего! Я тебе этих двести шестьдесят пять лошадей в жопу запихну, чтобы ты рот не открывал, когда не надо! Да мой внук на трёхколёсном велосипеде не упустил бы старика из виду! А вы там что делали: отвечали друг другу на вопросы девичьих анкет? Ещё годик – и первые месячные придут! Вы что, придурки, реально повелись на эту романтическую хрень: ежайте и передайте! И вы поехали и передали. А теперь-то где старик? Сидит у майора на даче и посмеивается над вами!

– Почему на даче? – спросил второй из распекаемых. – Там палевно, проще где-нибудь в общественном месте, в кафе, например. Присел за столик и всё рассказал.

– А у тебя опыт в этом большой, что ли? – с укоризной заглянул ему в глаза начальник охраны. – Сдаёшь нас кому, а?

Затем он взял паузу и изрёк:

– Хорошо, не на даче, в кафе. Но это не меняет сути дела: сидит сейчас старик и рассказывает ментам про то, какие вы тупые. Ест в «Бургер кинге» котлетку в густом маринаде с соусом халапеньо – и смеётся над вами! Или в

хинкальной сидят они и ржут над вами! И жрут, и ржут – так-то! А ты тут стоишь – он поддел костяшками пальцев под нос одному из подчинённых, водителю, – и не знаешь, где Полянский.

В этот момент раздался стук в дверь и на пороге появился охранник с рацией в руке.

– Тимур Керимович, Полянский здесь!

Повисла секундная пауза, после которой Хан ответил просто и ясно:

– Пусть заходит.

Начальник службы охраны взял за силки своих бравых имбецилов и вывел их вон через запасной выход из кабинета Хана. Спустя мгновение на их месте появился Полянский.

– Здравствуйте, Тимур Керимович! – поклонился он ему. – Не знал, что у вас есть тайная комната.

– Почему вы так думаете? – поинтересовался Хан.

– Потому что пока я общался с вашими молодцами, то прицепил к пальто одного из них передатчик, который и привёл меня к вам.

Тимур Керимович пристально посмотрел на старика и возвысил голос, не отводя головы в сторону:

– Михаил Дмитриевич, выведите их обратно!

Начальник службы охраны отворил потайную дверь, и через секунду Полянский снял с плеча одного из парней крохотный жучок, цепляющийся на липучку.

– Поговорим? – предложил Антон Викторович.

– Поговорим! – подтвердил Тимур Керимович и жестом приказал свидетелям произошедшей сцены немедленно удалиться.

Глава 3

Начало

Начальник службы охраны с двумя своими подчинёнными, не говоря ни слова, скрылись тем же путём, что и на секунду появились в ханском кабинете.

Тимур Керимович выждал небольшую паузу, после чего заговорил:

– Антон Викторович, вы показали себя как человека опытного, мастеровитого и неординарного. Но насколько всё это может пригодиться в реальном деле? Вы отличный водитель, мы все успели это понять. Но как вы можете применить свои умения, чтобы, скажем, ликвидировать человека в ходе дорожно-транспортного происшествия?

Полянский, казалось, был во всеоружии, отвечая на этот вопрос.

– Я так понимаю, речь идёт о жертве, занимающей место сзади справа.

Хозяин дома кивнул.

– Я знаю как минимум шестнадцать реальных вариантов, как убить человека, находящегося в движущемся автомобиле, не оснащённом дополнительными средствами защиты типа бронебойных стёкол и тому подобного. И ещё порядка тридцати – для остановившегося.

– Правда? – заинтересовался Хан. – Начните с движущегося.

– Вариант первый. Опрокидывание груза с обгоняемого грузовика, который движется справа. Например, бревён, кирпичей, колец для колодца. Что-то более габаритное вызовет больше подозрений, скажем, транспортируемый газетный киоск.

– Гм, дальше.

– Вариант второй. Поперечный удар в автомобиль жертвы на перекрёстке со светофором или разным приоритетом дорог. Желательно кенгурятником или усиленным бампером.

– Дальше.

– Классическое подрезание спереди с последующим съездом жертвы в кювет и потенциальным опрокидыванием или многократным переворотом.

Каждый раз Хан коротко повелевал «дальше», а сам внимательно выслушивал предлагаемые варианты и вникал в них.

– Антон Викторович, а есть ли такие варианты, которые *гарантируют* требуемый исход?

– При современных системах безопасности пассажир всегда имеет шансы отделаться переломами или черепно-мозговой травмой. Тем более, я так подозреваю, у потенциальной жертвы не шестёрка «Жигулей», как у меня, а какой-нибудь шестилитровый немец или японец. Такого – если только из пистолета в упор.

– Немец, – как бы желая обойти тему огнестрельного оружия, сообщил Хан, а затем неожиданно сам к ней и вернулся: – А вы, кстати, стрелять умеете?

– В армии были стрельбы. А на гражданке – в тир ходил, чтобы перед будущей женой покрасоваться, вот и всё умение, – признался Полянский.

– Значит, придётся подучиться, – как бы невзначай заметил хозяин, и в его глазах промелькнул озорной огонёк. Он нажал кнопку вызова на аппарате на своём рабочем столе, и через несколько секунд в кабинете вновь появился начальник службы охраны.

– Михаил Дмитриевич, – обратился к нему Хан, – а чем у нас занят Андрей Тараканов?

– Это который стрелок? Могу уточнить. Когда он вам нужен?

– Было бы здорово, если бы завтра он дал Антону Викторовичу практический урок, на каком-нибудь нашем полигоне.

– Будет исполнено!

– Точнее, чтобы завтра он начал практический курс стрельбы, занятий из пяти-шести, или десяти, в зависимости от успехов обучаемого. – Полянский посмотрел Хану прямо в глаза с выражением, которое как бы означало: какой есть, готов стараться со всем прилежанием! – Также я бы хотел, чтобы с ним позанимался Касим.

– Сам Касим? – удивился Михаил Дмитриевич.

– Да, сам Касим! – членораздельно подтвердил Хан. – Можно начать занятия уже завтра. Или послезавтра, если у него неотложные дела.

– Хорошо. Конечно!

– И ещё нам понадобится личный тренер по физической подготовке сроком на три недели. В формате ежедневных тренировок и постоянного нахождения с учеником. – Хан снова взглянул на старика, и тот снова ответил ему мысленным согласием на все тяготы подготовки к заданию. – Это всё. Исполнять.

– Слушаюсь! – ответил Михаил Дмитриевич и вышел вон. Набрал на телефоне номер стрелка, но тот не ответил. Тогда начальник службы охраны порылся в записной книжке и позвонил ещё кому-то, чтобы выяснить, где находится Тараканов. – Где-где в соревнованиях участвует? Понял. Ладно, скинь адрес гостиницы... ну да, пансионата – где их там разместили. Всё, спасибо!

И Михаил Дмитриевич вернулся к своим подопечным, которых с таким жаром распекал перед Ханом.

– Есть возможность загладить вину. Отчасти! – быстро поправился он. – Садитесь в машину и выезжайте в Тутаев!

– В-кудаев? – пошутил один из ребят, а другой рассмеялся, как болванчик.

– В-тудаев! – мясистый кулак Михаила Дмитриевича сверкнул перед их лицами массивной золотой печаткой. – Вот сюдаев получишь, если ещё рот откроешь.

Он кровожадно примерился к челюсти хохмача.

– Город Тутаев, Ярославской области. Точный адрес скажу позже. Позвоню вам на телефон, не отключайте смотрите! Заберёте там Андрея Тараканова и сразу привезёте сюда! Нигде не останавливаться, не ночевать, баб не снимать и в бильярд не играть! Всё ясно? Исчезли!

Бравые молодцы и впрямь исчезли – как ветром смело. А Михаил Дмитриевич собрался с духом, чтобы позвонить Касиму. Честно говоря, он его побаивался: Касим был полковником ГРУ в отставке, прошёл Анголу и ещё дюжину горячих точек, руководил подготовкой личного состава к спецоперациям и вёл

занятия по рукопашному бою. Сейчас на него было оформлено частное охранное предприятие, но оно являлось лишь прикрытием. Пусть и прибыльным бизнесом, но прикрытием. Настоящим призванием этого киборга в человеческой плоти было уничтожать людей голыми руками или всеми доступными подручными средствами и обучать этому бойцов спецподразделений или нужных людей, если за это хорошо платили. Михаил Дмитриевич всегда держал в уме, что Касим может убить его одним ударом, и это ощущение не отпускало его, когда Касим находился рядом. С этим ощущением – может быть, не выявленным вполне в сознании, а засевшим в тёмном подвале подсознания, – он перебрал десяток номеров полковника и, когда тот снял наконец трубку, передал ему просьбу Хана.

Касим спросил, где запланировано обучение, и ответил, что ему нужно время, чтобы добраться до места назначения. После этой фразы где-то на заднем фоне раздался звук автоматной очереди.

– Всё в порядке? – насторожился Михаил Дмитриевич. – Вы сейчас можете говорить?

– Да, всё отлично! – невозмутимо ответил Касим. – Просто я сейчас под Кабулом, поэтому мне понадобится около суток собраться и полдня долететь.

– О! – начальник службы охраны Хана откровенно опешил, когда услышал это признание. – Хорошо. Значит, мы приплём за вами машину.

Уточнив детали, Михаил Дмитриевич повесил трубку и отправился докладывать Хану. Тот выслушал новости спокойно, отпустил докладчика и вызвал бухгалтера. Бухгалтер у Хана тоже был необычный. Вернее его было бы назвать финансовым аналитиком. Именно в этом качестве Хан его и узнал, когда тот, будучи приглашён для аудита, по пяти документам определил сотрудника компании, воровавшего больше всего. Вообще-то, он зарабатывал игрой на фондовых биржах и к сорока годам успел накопить, по самым сдержанным оценкам, многомиллионное состояние. Насколько большое – никто даже не представлял. Но на просьбу Хана вести его бухгалтерские дела в негласном

секторе бизнеса согласился сразу: слишком оказалось интересно поработать в такой специфической сфере, к тому же нестандартные ходы и операции привлекали его с точки зрения приобретения бесценного в его ремесле опыта. Хан уважительно называл его, в том числе в его присутствии, финансовым консультантом, хотя фактически тот вёл всю его чёрную бухгалтерию, а также заведовал отдельными спецпроектами.

Случай с Полянским как раз можно было отнести к разряду таких спецпроектов. Когда консультант приехал, Хан ввёл его в курс дела – в той мере, в которой это было необходимо, – и поинтересовался:

– Правильно ли я понимаю, что расходы на это дело складываются из оплаты услуг Полянского, его обучения, а также из затрат на организацию всех мероприятий, направленных на выплату денежных вознаграждений родственникам таким образом, чтобы это не могло вызвать подозрений?

– Да, совершенно верно! – консультант всегда сначала подтверждал правильность выводов клиента, а затем переходил к уточнению упущенных из виду деталей. – Кроме этого, также возникнут незначительные (в общем масштабе кампании) затраты на *организацию* его обучения. То есть не только выплаты тренерам, но и оплата их перевоза, проживания и т.д. Плюс ещё наверняка понадобятся средства, чтобы подвластные вам организации успешно отчитались перед правоохранительными органами, ведь последние наверняка станут проводить проверки на мотив устранения конкурента. Насколько я понимаю, вы хотите избавиться не от рядового человека. Кто он, если не секрет?

– Да, проверки наверняка будут, на этом я как-то не сакцентировал внимание, – задумчиво произнёс Хан. – Для вас – не секрет. Я полностью проверил старика и, действительно, хочу его использовать как орудие для устранения конкурента. Поэтому я инициировал операцию по уничтожению Воронова.

– Воронова!?! – финансовый консультант поперхнулся и заметно растерялся, что, вообще говоря, было ему совсем не свойственно.

– Да, а что вы так удивились? Подумали: птица не моего полёта? На данный момент так и есть. Но как, вы думаете, становятся президентом? Будучи

мэром, устраняют губернатора, а затем метят в дамки. Если вы поняли мою метафору, то сейчас я – мэр, смотрящий на губернатора через прицел. А спусковой курок нажмёт этот несчастный старик, чтобы я занял пост повыше. В конце концов, а как, вы думали, становятся крупными фигурами? Вы не хуже меня знаете, что есть два пути стать миллиардером: продать свой копеечный товар миллиарду человек либо решить проблему, которая тяготеет над миллиардом человек. В моём случае ситуация не дискретная, а аналоговая: я хочу убрать человека, который контролирует тысячу миллионеров. Поэтому десять миллионов, которые просит Полянский, – это капля в море. Я готов был заплатить ему и больше, если бы он попросил. Может быть, и заплачу. Но дисциплина требует от меня точно знать, во сколько мне в итоге обойдётся данная кампания. В конце всего я хочу точно знать, во сколько мне встанет устранение Воронова. Я хочу, чтобы все знали, что с помощью весла я смог перевернуть и затопить тихоокеанский лайнер. На выходе я хочу знать точную сумму до последней тысячи! Сможете это сделать?

– Конечно! – с готовностью подтвердил консультант. – Но мне потребуется доступ ко всем затратам, включая самые секретные либо специфические.

– Хорошо, я готов предоставлять вам всю требуемую информацию.

– Договорились. А пока можем составить смету и зачесть прошедшие расходы.

– Давайте так и поступим, – согласился Хан.

Они засели за бумаги и довольно скоро определились со всеми пунктами затрат. Бесценный опыт консультанта позволил ему вскрыть все тонкости и детали, которые упустил из виду Тимур Керимович. Уже давно Хан не ощущал подобного прилива энергии и энтузиазма, предвосхищая, какие бонусы принесёт ему задуманная им операция в случае её удачного разрешения. А он на это очень надеялся, для чего и окружил Полянского всевозможными тренерами со всех сторон.

Один из них в это самое время приехал к Антону Викторовичу и любезно предложил прокатиться с ним до фитнес-центра, чтобы поближе познакомиться

и провести первичные занятия, а заодно и увидеть физические способности старика. Сможет ли он, если понадобится, отбиться от охранника или, наоборот, дать ему под дых так, чтобы парализовать его на несколько секунд? Тренер пообещал, что Полянскому будет обеспечена форма и обувь нужного размера и вообще всё необходимое для столь ответственной подготовки. Специалист по рукопашному бою уже готовился к вылету из Кабула, а стрелок, тот, что никогда не промахивается, ожидал машину, которая отвезёт его на полигон. И всё это запустилось, как часовой механизм, лишь для одной цели – подготовить идеального убийцу из числа тех, кого меньше всего можно заподозрить в намеренном убийстве.

Глава 4

Знакомство

– Пистолет Макарова был разработан конструктором Николаем Макаровым и с 1951 года является табельным оружием в советских, а затем в российских правоохранительных органах. Так как большинство личной охраны и телохранителей так или иначе связано с МВД или вооружёнными силами, то в основной своей массе они используют старый-добрый ПМ, его аналоги или модели, конструктивно базирующиеся на практически идеальном устройстве «макарыча».

Пистолет больше напоминал карточную колоду в руках умелого фокусника: отдельные части оружия с лёгкостью снимались и ставились обратно, а сам пистолет вращался, как монетка между костяшками пальцев.

– Начнём с главного: безопасность. Она же – главный враг покушения. Если стрелок в темноте, на ощупь, пальцами ног не может снять предохранитель – пусть положит свои вишенки, которые он называет яйцами, в коробочку, оставит её дома и пойдёт торговать овощами на базар. Это как священник, не знающий «Отче наш»: он либо ренегат из народов крайнего севера, которые в глаза не видели хлеба насущного в своём заполярье и молятся о рыбе, либо ему выбили мозги из отнятого пистолета, в котором он отыскивал предохранитель, как юнец – застёжку на бюстгальтере прыщавой одноклассницы.

Красноречие тренера по стрельбе явно было основано на сочетании обшечной лексики, ярких примеров из жизни и нетривиальных метафор. Что, впрочем, не мешало ему бить белку в глаз, чтобы не испортить шкурку.

– Итак, предохранитель на пистолете Макарова расположен в задней части кожуха затвора. В нижнем положении предохранителя пистолет готов к бою. При этом можно взвести курок, – он со всей тщательностью стал демонстрировать то, что озвучивал, – и можно его спустить, можно сработать самовзводом, можно открыть затвор. При верхнем положении флажка предохранителя пистолет поставлен на предохранитель. При этом курок взвести невозможно, самовзвод заблокирован, затвор не открывается – система заблокирована полно-

стью. Если курок был взведён и пистолет ставится на предохранитель, происходит автоспуск курка, но выстрела при этом не происходит.

Далее раздался характерный металлический звук движущегося затвора.

– Автоматика пистолета Макарова основана на свободном ходе затвора, не сцепленного со стволом. При движении затвора назад поворачивается и взводится курок. Магазин заряжается патронами точно так же, как ТТ. Всего в магазин помещается восемь боевых патронов. Отводится затвор, при движении затвора вперёд патрон выталкивается из загиба магазина и досылается в патронник. При спуске курка происходит выстрел.

Раздался оглушительный выстрел, и салон автомобиля наполнился дымом с характерным запахом пороха. В эту секунду погас красный сигнал светофора и вниз на асфальт посыпалось битое стекло вперемешку с жестяными элементами отражателей.

– Твою мать! Ты что, реально стреляешь там, что ли? – завопил водитель – тот самый здоровяк, которому поручили доставить стрелка на полигон для обучения Полянского.

– Ты же забрал у него все патроны! – завопил в свою очередь его напарник. – Ты забрал?

– Забрал! – заголосил водитель. – Все до одного! У него, наверное, в куртке был спрятан магазин.

– Андрей, отдай нам оставшиеся патроны! – призвал его парень с пассажирского сиденья.

Но Тараканов, которого забрали выпившим весь абсент в баре при пансионате, оставался бескомпромиссным и не поддавался ни на какие уговоры.

– Под действием силы отдачи, – как ни в чём не бывало продолжил он свою лекцию, – затвор отходит назад, взводит курок, подхватывает из магазина очередной патрон и досылает его в ствол. При следующем выстреле цикл зарядки повторяется.

Раздался новый выстрел, и на этот раз стёкла полетели из средней секции светофора.

– Давай, давай, жми на газ, пока на нас тут ментов не вызвали! – приказал пассажир, и здоровяк послушно вдавил педаль акселератора в пол и проскочил перекрёсток на выбитый красный.

– Дебил, отдай сюда пистолет! – приказал он на этот раз стрелку и потянулся к нему обеими руками. Ситуация осложнялась тем, что Тараканов не был пристёгнут и елозил по заднему дивану автомобиля, как скалка по тесту. К тому же он заранее опустил заднее стекло, через которое и стрелял сейчас по светофору. Во время движения он продолжил пальбу и лишил освещения несколько рекламных щитов и столбов. Когда магазин опустел, Тараканов так же спокойно прокомментировал ситуацию:

– После отстрела последнего патрона затвор остаётся в заднем крайнем положении, – он протянул его одному из присланных за ним гонцов, который уже перелез на задний диван и практически скрутил снайпера. – Это означает, что в пистолете патронов больше нет. Затвор в заднем крайнем положении удерживается на затворной задержке. Затвор затворной задержки снимается нажатием сверху вниз.

Он показал, как это происходит, когда пистолет уже был в руках миротворца. Затвор с щелчком убежал вперёд, чем до смерти напугал парня, в сторону которого смотрел ствол.

– Ты совсем, что ли, опился, придурок? – он впился в стрелка взглядом и с искренней ненавистью зарядил ему хук в челюсть. Тараканов молча свалился вниз, в пространство между задним и передним сиденьем, и обмяк там, как тёплый свитер в корзине для белья.

– Ты его не убил там? – поинтересовался водитель.

– Не знаю, я ему со всей силы вмазал, надеюсь, что нет... – признался драчун в полумолитвенном тоне. – Лишь бы я ему ничего не сломал, а то за сломанную ему челюсть нас точно по головке не погладят...

– Нас? – удивился здоровяк. – Это ты его вырубил, тебе и отвечать!

– Что? – возмутился тот. – Я его вырубил, потому что ты за рулём! Вот и всё объяснение, почему это сделал я. Ты ещё скажи спасибо, что это не ты сделал, потому что ты бы его точно на тот свет отправил!

– Это у тебя оправдание такое? – возмутился в ответ здоровяк. – То есть я весь день за баранкой, а ты и пива попил, и жрал сидел полдороги, а теперь я виноват в том, что ты его вырубил?

– Что ты опять о еде? – не нашёлся что ответить напарник и принялся усаживать Тараканова на диван, чтобы привести его в чувства. Стрелок пока не подавал признаков жизни.

– Потому что ели сегодня один раз, а уже первый час ночи! – взялся за своё водитель. – Точнее, это я поел один раз, а ты ещё битый час уминал гамбургеры и картошку фри!

– Да ты у меня бóльшую часть отобрал! – возмутился напарник, безрезультатно пытаясь оживить Тараканова. – Слушай, а у нас нашатырный спирт в аптечке есть?

– А у нас аптечка есть? – удивился здоровяк.

Сзади в салоне раздались звонкие пощёчины и вслед за ними – невнятное мычание.

– Андрей! Андрей! Ты здесь, ты с нами?

– Ме-е! Где Марина?

– Какая Марина, Андрей? Мы едем к Хану! Ты цел?

– Конечно, цел! – бодро, хоть и заплетающимся языком, возвестил снайпер. – Ствол мне через прицел! Где Марина, я спрашиваю? Зря я её напаивал весь вечер!?

– Никакой Марины нет и не будет. Мы едем к Хану, утром должны быть у него. Соответственно, ты должен быть трезвым, как стёклышко. Понял?

– Ничего я не понял! Точнее, ты ничего не понял! – начал дерзить Тараканов. – Вы, уроды, везёте меня сейчас назад, откуда взяли, и возвращаете ситуацию в прежнее положение.

Стрелок не договорил, потому что спереди его схватила за грудки пудовая рука водителя, который с лёгкостью приподнял Тараканова вверх и просунул его голову между двух передних сидений.

– Послушай меня, красавчик! – заговорил качок. – Сейчас ты ляжешь спать сзади и не произнесёшь ни слова из своего драного рта. Потом мы тебя разбудим, накачаем кофе, чтобы оно полилось у тебя из ушей, и доставим к Хану! Прямостоящим или прямолежащим – выбирай! Потому что завтра ты должен учить стрельбе одного человека, а он потеряет сознание от твоего выхлопа, если ты пробудешь с ним рядом больше тридцати секунд!

– Да понял я, понял, – залепетал снайпер, еле выговаривая слова, потому что его щёки оказались крепко зажаты между сиденьями. – Так и сказали бы: Марину мы доставим тебе позже, когда я одному из вас вышибу мозги!

Водитель выпустил жертву и тихонько ударил её локтем в лоб. Но от этого толчка Тараканов рухнул на задний диван и заснул. Впрочем, стоило ему немного поворчать и перевернуться на другой бок, как он заснул крепким и безмятежным сном младенца. Напарник перелез обратно на своё место и признал:

– Здорово ты его – убедил!

– А с такими только так и надо! И с бабами!

Напарник рассмеялся.

– Ты только с бабами воздерживайся от выражений «кофе – оно»!

Здоровяк надулся.

– Я имел в виду, что мы накачаем его дешёвым кофе, который оно!

– Да? Вот ты лучше на тёлочку своих остроумие растрачивай, а то передо мной ты, как павлин, перья распускаешь, а на них одна жопа общипанная остаётся!

– Ты чего ругаешься? – обиделся качок.

Его напарник не поверил своим ушам и даже повернулся в сторону пассажирского окна, как будто за ним мог находиться кто-то ещё.

– Ты это мне? Я ругаюсь? Да ты матом полощешь, как бабы бельё в реке! А теперь оказывается, что это я ругаюсь? Или ты на кофе обиделся? Или на тёлок?

– Слушай, как ты мне надоел! Может, тебя тоже вырубить, чтобы ты до конца пути помолчал? Или, может быть, ты поведёшь, как и хотел? «Чур, я на обратном пути за рулём поеду!». На, садись! – предложил ему водитель.

– Я не могу, я выпил пива.

– Да? Когда тебя это останавливало? Ты на экзамен по вождению с фляжкой пришёл!

– То был не настоящий экзамен, а купленный, ты же знаешь! Тем более я проставлялся инспектору. – Напарник зевнул. – Слушай, а, может быть, я вправду помолчу, посплю?..

– Да ложись, спи! Только я, как приеду, сразу домой отсыпаться на сутки! Если куда-то понадобится ехать – ты один поедешь! Но сначала привезёшь мне еды!

– Хорошо, договорились! – и пассажир откинулся на подголовник, через минуту размяк в кресле и засопел.

«Как всё-таки хорошо! – подумал про себя водитель, когда в салоне воцарилась полная тишина. – Звёздное небо, красота кругом и покой. Тихо и умиротворённо. Я за рулём крутой тачки, веду её уже который час подряд, а ведь это моё самое любимое занятие! Прав был старик – надо на трек записаться, покататься. И на курсы было бы не лишним сходить, благо на работе оплатят. И завтра выходной, отосплюсь как следует, ванну приму, поиграю во что-нибудь. Может быть, Ольге позвоню. А, может быть, в боулинг с ребятами сходим. Благодарать, одним словом! Господи, как же хорошо – спасибо!».

Почти целую ночь занял путь обратно. Машина въехала на территорию Хана уже в шестом часу утра. Водитель подъехал к дому охраны, осторожно выгрузил из салона стрелка, уложил его на гостевой диван. Сумку с оружием и боеприпасами отнёс в специальную комнату, подготовленную на манер оружейной в отделениях полиции. Под руки довёл сонного напарника, уложил его

спать и лёг сам на соседний диван, чтобы поспать немного перед тем, как их разбудят и вызовут к Хану.

Долго, впрочем, поспать не удалось. Здоровяка разбудил снайпер Тараканов, который, на удивление, уже встал и выглядел так, словно бы вчера вечером ему два часа делали массаж, после чего он всю ночь проспал под тихие звуки природы, шум прибоя или треск костра. На торсе у него был специальный пояс, по периметру которого были закреплены четыре или пять пистолетов. В этом облачении он был похож на высокотехнологичного разбойника из старой сказки.

– К воротам подъехал целый кортеж. Это не по нашу душу?

Качок не сразу понял, о чём речь. Но, взглянув на мониторы, осознал, что к Хану привезли Касима и тренера по физподготовке. А, значит, сейчас придут и за ними. Так и случилось. Уже через пять минут Тимур Керимович вызвал к себе всех, кого он распорядился доставить к нему для обучения Полянского. После того, как кабинет хозяина наполнился людьми, Хан попросил остаться только инструктора по стрельбе, полковника и фитнес-тренера, а все остальные вышли.

Троица внимательно рассматривала друг друга и отчасти удивлялась тому факту, что их здесь собрали вместе для обучения неизвестного им человека. Удивление всех трёх невероятно возросло, когда Хан пригласил в комнату этого человека, – и перед снайпером, убийцей и атлетом предстал обычный, ничем непримечательный пенсионер.

– Познакомьтесь, – представил его хозяин, – это Антон Викторович.

Глава 5

Подготовка

Все трое приглашённых к Хану мастеров оценивали Полянского по своему. Стрелок обратил внимание на слегка трясущиеся руки старика, что играло тому в минус. Хотя очков он не носил, но время всегда берёт своё, поэтому на идеальную зоркость явно рассчитывать не приходилось.

Фитнес-тренер отдал должное внешнему виду Антона Викторовича: тот держался молодцом, в теле чувствовалась мощь, пусть и составлявшая, пожалуй, треть от его зрелого возраста, прошедшего лет тридцать назад. Однако о по-настоящему серьёзной подготовке речи идти не могло. Безусловно, Полянский гораздо крепче своих сверстников, которым подойдёт разве что гимнастика тазобедренного сустава, но и до уровня ветеранов Альфа старик явно не дотягивал.

Касим – гора мускулов, скрытых под пиджаком, режущий на расстоянии взгляд и седой пробор в висках – также изучал пенсионера со скептицизмом. Однако кому, как не ему, было доподлинно известно, что выполнение задачи связано с использованием наиболее эффективных ресурсов наиболее эффективным способом. Можно пустить очередь из автомата, но иногда для уничтожения человека как нельзя лучше подойдёт осколок тарелки или каблук туфли, особенно если ликвидацию требуется произвести деликатно и без лишнего шума.

В этом отношении выбранный Ханом старик представлялся Касиму вариантом более предпочтительным, чем если бы это был чемпион по карате или «Гелендваген» с четырьмя автоматчиками. Правда, Касим ещё не знал, на кого готовится покушение, и личность Полянского как орудия убийства показалась ему чересчур неожиданной. Впрочем, он рассчитывал решить все сомнения в ближайшем времени, так как Хан не мог не пояснить, зачем он всех собрал здесь вместе и для чего, собственно, ему потребовался этот пенсионер.

Тимур Керимович начал без лишних предисловий и сразу обозначил, чего он ждёт от каждого из вызванных специалистов.

– Антона Викторовича нужно подготовить к особому заданию, детали которого я сообщу каждому из вас в отдельности в той мере, в какой это будет необходимо. В общих чертах он должен будет уметь: – он загнул указательный палец, – А) попадать из пистолета в мишень размером с яблоко с расстояния в двадцать метров, Б) вывернуться из рук нападающих числом до четырёх включительно и при необходимости оглушить каждого из них голыми руками, В) преодолевать препятствия типа барьеров, змейки и козлов, как школьник восьмого класса.

Впрочем, собрание продлилось недолго. Тимур Керимович согласовал с тренером по физподготовке оптимальное время занятий, передал составление режима дня на его личное усмотрение, а также гарантировал двойную плату за практически постоянное нахождение с учеником. Все вообще финансовые обязательства перед мастерами Хан пообещал выполнить по совести, так чтобы все остались довольны.

Не откладывая дела в долгий ящик, хозяин предложил сразу же отправиться на стрельбы, если к таковым всё готово. Тараканов отвечал, что всё необходимое у него с собой, и их вдвоём со стариком повезли на полигон – осваивать стрельбу из Макарова и его аналогов не по светофорам и рекламным щитам, а по обычным мишеням.

Тимур Керимович остался наедине с Касимом, и тот, наконец, спросил:

– Ну и на кого мы готовим покушение?

Хан встал со своего места, прогулялся до окна, вернулся и присел на край стола перед Касимом.

– На Воронова, – коротко сообщил он.

– На Ворона? – лицо полковника приняло суровое выражение, а глаза охитрились, как у лисицы. Касим сразу понял, что речь идёт об очень крупной рыбе, поэтому начал с главных затруднений: – У него одна из лучших охран среди бизнесменов, если говорить о Европе. Без обид, но я бы согласился пять раз проникнуть к вам, чем один – к нему.

– Убийство запланировано не дома, а в пути.

– Вот как? – удивился Касим. – Я не знаю, как обстоят дела конкретно у него, но обычно люди такого уровня перемещаются в бронированных «Лексусах» с кучей машин охраны.

– У него бронированный S600 и четыре машины охраны, «Гелендвагены». Две едут спереди, две замыкают сзади.

– В каждой, помимо водителя, по три охранника с оружием?

– Да, включая автоматы. Сам Ворон передвигается с двумя личными телохранителями, которые в машине занимают места спереди, рядом с водителем, и сзади, рядом с хозяином.

Касим немного помолчал, после чего спросил:

– И, зная всё это, вы планируете покушение с помощью вот этого пенсионера?

– Да, – просто ответил Хан. – Он идеален для этого задания. Никто не подумает на старика, что он потенциальный убийца. Это всё равно что ожидать выстрела от маленькой девочки с рожком мороженого.

– И каков ваш план?

Хан начал изложение, словно бы он неоднократно прокручивал эту картинку у себя в голове, как если бы это был сто раз просмотренный фильм, проигрывающийся в памяти человека, попавшего на необитаемый остров.

– Дедушка-божий-одуванчик едет на своей старой «шестёрке» и нечаянно задевает «Мерседес» Ворона. Охрана начинает прессовать старика по полной, а он извиняется и предлагает вызвать ДПС. Но ни о какой полиции речи, естественно, не идёт. Наконец, в какой-то момент, видя, что перед ним беззащитный пенсионер, из салона выходит сам Воронов, чтобы быстро со всем разобраться и поехать дальше. Только вместо этого Полянский в него стреляет и застреливается сам.

На этой фразе Касим изумлённо поднял брови.

– Идеальный расклад, – резюмировал Хан. – Так как дело, естественно, возьмут на карандаш высшие чины, то начнётся тщательная проверка, в ходе которой на пистолете обнаружат отпечатки Полянского. А так как он будет

мёртв, то никто не поверит, что старый немощный пенсионер уколошил крупного бизнесмена и застрелился сам – с чего вдруг? Всё будет выглядеть так, что после аварии охранники решили проучить старика и начали по нему, беспредельщики, пальбу, в ходе которой задело и Ворона. А стрелять они точно начнут, когда увидят, что дедушка-божий-одуванчик уложил их босса. И тогда ни у кого не возникнет даже тени сомнения, что всё было именно так, а не иначе. Следствие придёт к выводу, что Ворона положили свои же бойцы...

– Потому что не надо возить с собой двадцать головорезов, – подсказал «мораль» расследования Касим.

– ...Верно! – подхватил его идею Хан. – А свалить всё решили на беззащитного старика, который никак не свяжется в представлении следователей с наёмным убийцей.

Тимур Керимович закончил изложение своего плана и выжидающе посмотрел на Касима: что тот скажет по этому поводу? Полковник начал с критики:

– Слишком много зависит от удачи: догонит ли старик кортеж Ворона и совершит ли ДТП так, как требуется? начнут ли прессовать старика и выйдет ли жертва из салона? попадёт ли Полянский с первого раза, потому что второго у него точно не будет? наконец, откуда уверенность, что охрана не найдёт у старика пистолет?

– Потому что его у него не будет! – провозгласил Хан. – Пистолет будет изъят у одного из охранников, который начнёт трясти старика из-за аварии. Для этого я и нанял Авилова!

Авилов был фитнес-тренером, прикреплённым для физической подготовки Полянского, который сам ещё не знал, каким дополнительным навыкам его вежливо попросят обучить.

– Авилов в прошлом был фокусником и карточным шулером, – доверительно сообщил Касиму Хан. – Это специалист восьмидесятого уровня! Он сможет с каждого из нас снять часы, пока мы их подводим, так что мы и думать забудем о них. Я его специально для этой миссии и привлёк. Ключевой фактор

операции – полная безоружность Полянского. Снайпер вышколит его так, что тот с двадцати метров будет шляпу сбивать. Но в конечном счёте ему потребуется стрелять с более близкой дистанции (по крайней мере, я на это надеюсь) и попадать в цель несколько бóльшую по размерам. И именно Авилов обучит старика, как быстро и без лишнего шума выхватить у противника пистолет, чтобы совершить два точных выстрела. И на оружии обязательно будут следы и Полянского, и охранника.

Касим помолчал.

– А меня вы нанимаете, чтобы я научил старика, как вырубить двух бугаёв, чтобы выхватить пистолет у третьего?

– Совершенно верно, – подтвердил Хан. – Подключите своих ребят, инсценируйте описанную ситуацию и покажите ему, что как делать. Только пусть его самого в пылу занятий не пришибут: у него не должно быть ни одного синяка, чтобы у судмедэкспертов не возникло никаких подозрений о чём не надо!

Касим кивнул, в знак того, что принял информацию к сведению, и снова немного помолчал.

– Могу задать один вопрос?

– Конечно! – Тимур Керимович жестом пригласил собеседника уточнять всё, что окажется полезным для дела. Другой на месте Касима, наверное, испытал внутренний дискомфорт, спрашивая об этом, но полковник не ведал эмоций, которые могли бы помешать здравым суждениям:

– Я не знаю, чем именно вы его подкупили, но уверены ли вы, что он, выполнив миссию, застрелится?

– О, это важный момент, который я упустил! – Хан поднял обе руки в знак извинений. – У Полянского запущенный рак, врачи сообщают, что ему осталось не более полугода. Это точная информация, мы проверяли. Старик пришёл ко мне сам и открыто попросил две квартиры для своих родственников, машину для внука и так, по мелочи, – одним словом, чтобы его близкие смогли зажить безбедно. У них безвыходное положение, поэтому он и обратился ко мне. Я не говорил с ним об этом напрямую, но мне представляется очевидным, что если

он допустит оплошность любого свойства, то его родным грозят, гм, скажем так, неприятности. Вы думаете, мне стоит обговорить этот вопрос с ним прямо?

– Ну, если он разумный человек, то наверняка понимает всё сам, а говорить ему такое в лоб – значит, давить путём шантажа в отношении его родственников, мне бы это не понравилось. Вообще, неплохая идея – уйти из жизни, не дожидаясь рака и оставив своим детям такие бонусы, – заметил Касим. – Хотя лично я попросил бы гораздо больше.

– Что вы! – Хан в знак протеста даже замахал руками и заходил по комнате. – Ваша жизнь в прямом смысле бесценна! Живым вы приносите – без преувеличения – колоссальную пользу! Я даже не хочу думать, сколько потеряю я и другие ваши партнёры, если с вами что-то случится! Каждому своё!

Хан пустился в лирические рассуждения:

– Кому-то дать уйти с боем, как своего рода старый викинг, который вкладывает в последний бой с врагом последние немощные силы свои, чтобы быть вознесённым валькириями в небесный зал славы. Хочет Полянский уйти так – что ж, кажется, это отличное решение, в его условиях. А у нас другая жизнь. И вы, – он прямо обратился к Касиму, – ценны именно тем, что способны оказывать неоценимую помощь многократно, иногда вовсе не подвергая свою жизнь опасности. Как в настоящем случае, поскольку от вас потребуется только подготовить пожилого бойца к финальной битве. Что касается оплаты – вы знаете: вам достаточно назвать цену.

– Обычный тариф, – развёл руками полковник. – Задание ответственное, но в моей работе не будет ничего сверхъестественного. Я сделаю всё максимально качественно, как только умею.

– Хорошо, – согласился хозяин. И задал самый главный вопрос, который, очевидно, терзал его всё время, включая и текущий диалог: – Как вы думаете: справится?

Касим проанализировал диспозицию:

– Времени для подготовки достаточно. Если будет упорно заниматься и не выдохнется – будет готов. Если в ходе задания всё произойдёт так, как вы за-

планировали, он сможет сделать всё как надо. Но, повторяюсь, с моей точки зрения слишком много совпадений должно произойти, чтобы всё случилось так, как вы описали. И уж слепому видно, что если покушение не удастся – под нами всеми земля затрещит, как орех...

– Если всё произойдёт именно так, как я описал, – сурово спросил Хан, приблизившись лицом к лицу к Касиму, – то вы научите старика сделать всё как надо?

– Да, научу! – твёрдо ответил полковник.

– Хорошо. – Хан заметно приободрился, даже как-то потеплел внешне и отошёл к окну. – Тогда предлагаю начать прямо сегодня. У нас в запасе три недели.

Глава 6

Щепки

В квартире Ксении Полянской, дочери Антона Викторовича, собиралась молодёжь: у Антона-младшего сегодня был день рождения, ему исполнялось восемнадцать лет. Приходили друзья молодого человека, а родственники, наоборот, уходили до вечера, чтобы дать приятелям именинника оторваться как следует. Повезло ещё, что знакомые Полянского уехали на полгода в другой город и сдали погорельцам квартиру по весьма выгодной цене.

Антону все его родные уже вручили подарки и поздравили, в квартире уже играла громко музыка, так что веселье начиналось в полный рост. В знак совершеннолетия сына родители парня сквозь пальцы смотрели на обилие алкоголя, который хоть и был припрятан в разных углах, но всё же со всей очевидной бросался в глаза во всей своей масштабности. Ксения и Дмитрий Хохловы переживали за сегодняшний день и, в особенности, вечер, но Полянский успокаивал их, говоря, что молодо зелено и что всё пройдёт хорошо, за чем он сам лично обязательно проследит.

В то же время договорились, что до одиннадцати мешать Антону и его друзьям не будут, а после этого они уже сами на своё усмотрение поедут в клуб или куда-нибудь ещё, но будут отвечать на телефонные звонки. По времени именинника и его друзей, если их родители были не против, не ограничивали и просили только быть внимательными и адекватными. Разумеется, со стороны гуляющих на все вопросы получались самые горячие подтверждения, и воздух вокруг переполнялся ощущением свободы и радости новой, взрослой и независимой жизни.

Пожалуй, часам к четырём из взрослых в квартире остался только старик Полянский, да и то только потому, что он веселил девушек удивительными фокусами, о которых его внук даже и не подозревал, что дедушка умеет так ловко и незаметно прятать за уши монеты и доставать карты из карманов. Полянский уже собирался уходить, как вдруг за ним пришли. Естественно, Антон Викторович пожелал внуку хорошо отпраздновать совершеннолетие и пообещал, что

сможет забрать его и его друзей в любой момент – достаточно только позвонить ему. Антон-младший улыбнулся, патетически бросив друзьям, что на дедушкиной «шестёрке» можно перевозить разве что баклажаны, но руку пращуру пожал и даже обнялся, пусть и с некоторой неохотой, так как в квартире уже собралось немало одногруппниц молодого человека, перед которыми совсем не хотелось разводить семейные телячьи нежности.

Полянский спустился во двор и спросил, что за дело заставило сорвать его с места, так как до конца обучения оставалась ещё неделя, а сегодняшний день был им давно застолблён как праздничный и выходной. Бравый парень – тот самый, которого Полянский подрезал на трассе, – объявил, что его просит к себе Хан, а в чём срочность, он не знает. Старик сел в машину, и они отправились к особняку Тимура Керимовича.

– Добрый день! – поприветствовал хозяина старик. – В связи с чем я так срочно вам понадобился?

– Да, – признал Хан, – появилось одно безотлагательное дельце, но я не думаю, что оно займёт много времени. Думаю, оно будет закончено ещё до того, как ваш внук отправится праздновать свой день рождения дальше. Кстати, примите мои поздравления!

– Спасибо! – Полянскому стало приятно, что, несмотря на то, что его вызвали с дня рождения внука, всё-таки это празднование не осталось в стороне даже у таких важных персон, как Хан.

– Послушайте, – как бы между делом поинтересовался хозяин, – а ваша «шестёрка» припаркована у дома?

– Да, – подтвердил Полянский. – Нужно выехать на ней?

– Да, весьма деликатное дело, не хотелось бы светить наши машины, – Тимур Керимович кивнул на своих помощников, которые присутствовали при этой сцене. – Так что наши бойцы отвезут вас до дома и по пути объяснят суть дела.

– Хорошо, слушаюсь! – улыбнулся Антон Викторович и протянул Хану руку для рукопожатия. Тот с готовностью ответил на этот порыв и тоже улыбнулся.

– Спасибо! И удачи! Я надеюсь, всё пройдет гладко! – напутствовал он Полянского, который почти уже вышел из кабинета Хана, как вдруг остановился и повернулся.

– Тимур Керимович, это вам! – и он протянул хозяину только что незаметно снятые им с его руки часы, старинный «Патек Филип».

– О! – изумился Хан и, не веря своим глазам, посмотрел на запястье левой руки и даже пощупал его. – Спасибо! Это хороший знак!

И рассмеялся, как школьник. Полянского тронул этот акт обычного человеческого смеха, и он уехал из особняка с лёгким сердцем и предвосхищением чего-то светлого и радостного, несмотря на тот трагический финал, героем которого ему предстояло совсем скоро выступить.

Антон Викторовича привезли во двор и подождали, пока он заведёт, прогреет двигатель и подготовит машину к поездке.

– Так куда едем? – шутливо спросил Полянский.

– Езжайте за нами! – отвечали ему бравые ребята и неспешно двинулись в сторону загородного шоссе. На парковке у одной из безлюдных остановок они встали и приказали ждать. Ожидание продлилось минут сорок, не меньше. Наконец, один из парней принял от кого-то сообщение по рации, вышел из салона и бодрым шагом подбежал к Полянскому. Сообщил:

– Опустите ручник и держите ногу на тормозе. Двигатель не глушите. Вот с той стороны, – он показал на развязку на мосту, – со стороны кремля появится кортеж: две машины охраны впереди и за ними – «Мерседес». Дождитесь, когда они съедут с развязки и вступайте в дело. Минутная готовность. С Богом!

– Как? – опешил старик и бросил вслед удалявшемуся парню: – А как же день рождения внука?

Вместо ответа машина сопровождения моргнула поворотником и пронеслась мимо Полянского прочь. Пожилое сердце забилося ещё бешеней, когда на

указанной развязке показался кортеж. Пробил час N. Бледный, как покойник, старик дождался, когда поезд машин съедет с развязки, и трясущимися руками вырулил на дорогу. Теперь ничего не подозревавшую жертву от совершенно неподозрительного убийцы отделяло около километра. Впрочем, из-за той скорости, на которой неслась автомобильная упряжка Воронова, встречи с ними стоило ожидать буквально через считанные секунды. Полянский вдавил газ в пол, чтобы не пропустить объект покушения.

Старенькая «шестёрка» разогналась и перестроилась в средний ряд, продолжая набирать скорость. Полянский включил левый поворотник, давая понять, что хочет сразу за заправкой, которая расположилась прямо посередине обширного газона разделительной полосы, пойти на разворот. Развернуться там было разрешено, стоял специальный указатель, и многие водители так делали, поскольку на противоположной стороне расположился популярный гипермаркет.

Только Полянский не спешил перестраиваться влево. Он дождался, пока его опередят две машины сопровождения и, продолжая мигать включенным поворотником, выехал на полосу, по которой двигался «Мерседес» Воронова. Манёвр оказался настолько неожиданным, что водитель успел лишь дёрнуть рулём, в то время как его правая нога соскочила с педали газа, но до тормоза дотянулась, когда уже произошёл удар. Точнее, это был слабый толчок, поскольку разница в скорости оказалась не так велика. По крайней мере, из салона S-класса контакт почувствовался, как будто тебя, не заметив, случайно задел локтем прохожий на тротуаре.

«Мерседес» пролетел добрый десяток метров до полной остановки, в то время как «шестёрка» проехала даже дальше и остановилась на целый корпус впереди, заняв пространство между двумя полосами. Полянский включил аварийку и поставил машину на ручник. Ощупал висок, которым приложился во время удара о верхнюю боковину двери. Нашупал на коже под волосами кровь – всё это было чрезвычайно кстати для той роли, которую он намеревался разыграть. Он вышел пошатываясь и первым делом осмотрел повреждения сво-

ей советской ласточки. Затем обернулся и приблизился на пару шагов к «Мерседесу», пожал плечами, как бы говоря: вот как случается...

В это время машины сопровождения остановились и задним ходом приблизились к участникам ДТП. При этом одна машина осталась перед автомобилем хозяина, а другая его объехала и заняла место позади, также включив аварийку. Видимо, действовали согласно собственной инструкции на случай подобных происшествий. С точки зрения защиты от покушений такая позиция представлялась вполне обоснованной. Да и на дороге никто случайно не врежется, потому что всю процессию видно за версту. Из салона первой машины выбежали трое коренастых мужчин, один из которых подбежал к Полянскому и закричал на него:

– Ты чего, пердун старый? Совсем ослеп? – две руки, каждая размером с пудовую гирию, схватили Антона Викторовича за грудки и встряхнули в воздухе. – Ты не видишь, куда прёшь?

Полянский изобразил крайнее смущение и пресмыкающимся тоном начал оправдываться:

– Так была же машина далеко, я думал, я успею уйти налево, мне как раз надо в «Глобус»...

– Тебе надо в глобус? – переспросил его охранник, не выпуская Полянского из хватки. – Можем зарядить! Ты хоть понял, кого ты подрезал!? Да ты ввек не расплатишься!

– Как подрезал? – пенсионер начал разыгрывать карту дурачка. – Да я включил поворотник, всё как надо делал, а он с превышением летел! Ехал бы шестьдесят – ничего бы и не случилось!

– Ты ещё и возникать вздумал! – охранник замахнулся и треснул Полянского ладонью по голове так, что у того искры посыпались со всех сторон. Однако он ни в коем случае не намеревался терять обладания духа, как бы звонко его ни лупили. Напротив, пощёчина вернула ему полное самообладание и добавила уверенности, что он всё сможет. Наученный Касимом, он в эту секунду

прекрасно знал, куда приложить хама, чтобы моментально вырубить его, но делать этого, конечно, не стал.

– Да что вы, что вы! – деланно захрипел он, пытаясь закрыться голыми руками от кувалд кулаков разгневанного бойца. – Давайте вызовем ГАИ, они во всём разберутся!

– Ты чего, дурак? – удивлённо спросил бугай, даже забыв добавить к первой оплеухе вторую. – Ты реально не понимаешь, что ты попал? Я ещё раз повторяю: ты хоть в курсе, в кого ты вписался, дурень ты старый?

В этот момент Воронов успел оценить ситуацию, понял, что ничего экстраординарного не произошло – простая вмятина на машине от слепого старика. Нужно было решить всё как можно быстрее и двинуться дальше: дел невпроворот. А тут ещё этот бычара Ковальский начал понты кидать. Эх, оставить бы его в спецназе принимать экзамен на краповый берет, да вот только кто тогда охранять-то его, Ворона, будет?

С этим причитанием бизнесмен открыл заднюю дверь и вышел из салона. Охрана окружила его, как если бы наседка защищала крылом птенца от лисы. Но Ворон сразу развёл всех руками, как развешенное на верёвках бельё, и приблизился к старику и тому самому быку Ковальскому, который продолжал методично поднимать и опускать Полянского за грудки, как в атлетическом упражнении.

– Отпусти его! – приказал Ворон охраннику, после чего сурово обратился к пенсионеру. Может быть, даже суровее, чем сам охранник. Правда, никаких бранных слов он при этом не употреблял: – Ты не видел, когда перестраивался, что в метре едет другая машина? Или тебя водить учили, когда на дороги ещё телеги с коровами пускали?

Служба охраны дружно рассмеялась, явно желая доставить удовольствие своему хозяину, польстив его мнению о собственном остроумии.

– Ну что молчишь? – несколько развеселился и сам Ворон, воспринимая инциденты, подобные случившемуся, как неизбежное зло в ходе его насыщен-

ной жизни, по принципу «лес рубят – щепки летят». Иногда щепки прилетают и тебе самому в лицо. – Язык проглотил? Или есть что сказать?

– Есть, – кротко ответил Полянский. Но только он ничего не сказал, а сделал. Воспользовавшись псевдоюмористической паузой среди охранников, старик резким движением руки ударил быка-охранника в пах и, когда тот скорчился на асфальте, выхватил у него из кобуры пистолет. Не глядя на оружие, он почувствовал, – по весу, по рельефу рукояти, по расположению спускового механизма – что это старый-добрый Макаров! По-прежнему глядя на жертву в упор, снял большим пальцем пистолет с предохранителя и навёл на Воронова. Между ними было не больше полутора метров, так что бизнесмен мог бы и отбить пистолет рукой, если бы только успел. Но вместо этого зрачки Полянского расширились вмиг до размера пятирублёвых монет, а указательный палец нажал на курок.

Раздался оглушительный выстрел. Пуля попала Воронову в правую часть шеи и перебила сонную артерию. Сам бизнесмен не успел ни выставить руку перед стрелявшим, ни схватиться за шею после раздавшегося хлопка. Вместо этого он как подкошенный рухнул на асфальт, который моментально окрасился кровью на метр вокруг. Полянский ничего этого не видел. Он приставил пистолет к собственному горлу и бросил оледенелый взгляд на группу бойцов прямо перед ним. Спускать курок он не торопился, так как хотел избежать самоубийства, заменив его расстрелом из десятка орудий. Так и случилось: бригада Воронова похваталась за пистолеты и начала хаотичную пальбу по Полянскому.

Сам он так и не нажал спускового крючка. За него это сделала полудюжина обезумевших головорезов, успевшая выпустить по Полянскому в общей сложности тридцать шесть пуль. По стечению судьбы рыбы, ничего уже не видевшие глаза старика, рухнувшего на проезжую часть, глядели прямо на жертву, из которой струями фонтанировала кровь тёмно-рубинового цвета. Последней мыслью Полянского было: кто же заберёт Антона со дня рождения? Но в этот миг свет, который никогда не гаснет, погас навсегда...

Глава 7

Расследование

– Резонансное убийство произошло сегодня днём на Киевском шоссе на выезде из города, – новость о случившемся успела попасть ещё в вечерний выпуск новостей. – Около шести часов вечера машина известного бизнесмена Никиты Воронова, двигаясь в колонне сопровождения, состоявшей из автомобилей охраны, попала в ДТП. По предварительным данным, виновником аварии стал местный житель, 68-летний пенсионер Антон Викторович Полянский, передвигавшийся на автотранспортном средстве ВАЗ 2106. После того как водитель «шестёрки» вышел из салона, по нему, как сообщают очевидцы происшествия, открыли беспорядочную стрельбу из огнестрельного оружия. От полученных ранений пенсионер скончался на месте. Одна из пуль попала также и в самого Воронова, который вышел из своего автомобиля как раз в тот момент, когда началась стрельба. Пуля попала ему в шею, и от кровопотери бизнесмен также умер на месте происшествия. Следствием задержаны все участники конфликта, для успокоения которых был даже вызван СОБР. Всего в общей сложности задержано более десяти человек из числа охраны бизнесмена. Возбуждено уголовное дело по статье «Убийство двух и более человек без предварительного сговора», ведётся следствие.

Тимур Керимович смотрел новостной выпуск у себя в кабинете. То, что сообщение о расстреле пенсионера и нечаянном убийстве крупного бизнесмена так быстро попало в прицел телевизионных каналов, отнюдь не было случайностью. Через наработанные каналы Хан приготовил нужных журналистов, чтобы они оказались на месте событий в первые минуты после происшествия и засняли, как два отряда полицейских специального назначения берут с боем дюжину разъярённых головорезов, окружённых кордоном из спецтехники с пожарными гидрантами. ОМОН, кстати, тоже был заранее подкормлен финансово и оказался готов к действительно моментальному реагированию.

В результате весь город в вечерний прайм-тайм узрел, как десять чудовищ палят чуть ли не из пулемётов по воздуху, а два полицейских отряда пытаются

задержать их и даже используют специальных переговорщиков, как если бы речь шла о террористах или тюремном восстании. Общественное мнение, как кажется, было идеально подготовлено для того, чтобы поверить в непреложный факт: башибузуки-охранники натворили очередной беспредел на дороге, расстреляли невинного старика, а попутно заделали и своего босса, который, таким образом, стал жертвой не снайпера или наёмного убийцы, а собственной службы безопасности. К сожалению, самого Ворона уже накрыли чёрным пакетом, зато его кортеж со сплошь семейными номерами оказался заснят сразу с нескольких ракурсов. Всё-таки средства массовой информации – огромная сила, подумал про себя Тимур Керимович, просматривая репортаж и откупоривая бутылку дорогого виски.

Задание было выполнено идеально. А главное – всю произошедшую историю преподнесли так, как надо: что головорезы Ворона в пылу вражды завалили старичка, который попался им под руку, а заодно и своего босса – по нелепой случайности... За следственный комитет Хан не переживал: никто не примет всерьёз историю о том, что хилый пенсионер выхватил пистолет у двухметрового амбара и застрелил его начальника. Даже если историю расскажет в один голос десять разных бойцов. Слишком очевиден будет сговор с целью скрыть истину. Теперь все сядут, пусть и ненадолго, но главное – потеряют работу, по самоочевидным причинам, а, возможно, и жизнь, так как Воронов увязан со множеством важных людей, которые потеряют целые состояния в результате его гибели.

– За старика! – произнёс про себя Тимур Керимович, поднимая бокал виски. – Достойному человеку – достойная слава! Покойся с миром, Антон Викторович! А за твоей семьёй я присмотрю, можешь не переживать.

Он выпил до дна и с минуту смотрел в упор в стену, не видя перед собой ровным счётом ничего из материального мира. И всё-таки ему стало жалко семью Полянского, которая узнает о трагическом событии столь внезапно, тем более в такой радостный день, как именины его внука Антона. С другой стороны, рассудил Хан, что было бы лучше для старика: слечь немощным и непо-

движным? наблюдать, как родные выносят за ним судно? Нет, лучше уж, действительно, умереть вот так – во цвете лет (если можно так говорить о столь почтенном возрасте) от целой россыпи пуль, оставив своим близким всё для комфортной и богатой, в его представлении, жизни. Теперь, конечно, он, Хан, всё устроит таким образом, чтобы исполнить последнюю волю Полянского относительно его родственников. Однако самое главное заключается в том, чтобы вся эта огромная и громоздкая история с гибелью Воронова завершилась как можно скорее и с нужным результатом.

Между тем, следствие по делу не просто началось, а буквально понеслось, как если бы железнодорожный состав с отказавшими тормозами понёсся под уклон. Дело было сразу же взято на контроль специальной комиссией при генпрокуратуре. Генпрокурор потребовал лично докладывать ему о результатах расследования. Поэтому при выборе кандидата на должность руководителя следствия в комитете началась жуткая паника и сумятица. Волевым решением генерал Сарксян назначил на это дело совсем молодого, но уже достаточно опытного, а главное – энергичного и ответственного капитана Самохина.

Самохин давно подавал надежды в следственном комитете. Из юридического он выпустился с отличием, как работник зарекомендовал себя профессионалом высшей пробы: все приказания выполнял в точности, дела вёл аккуратно и скрупулёзно, во всём всегда доходил до самой сути и никогда не упускал деталей. От бумажной волокиты не уклонялся и вёл документацию дотошно, хотя и признавался, что делать этого не любил. Если требовалось произвести расследование максимально качественно – дело доверялось именно ему.

Начальник Самохина, генерал Сарксян, резонно решил, что теперь настало время доверить ему расследование, которое решит судьбу капитана. Если сдюжит – получит майора, и блестящая карьера ему обеспечена, наверняка станет генералом до пятидесяти и наверняка на него обратят внимание и переманят в главное управление. Если не справится – никто, конечно, ему в спину камни кидать не станет, но останется капитаном, будет служить, как и все, ничего необычного из него не выйдет. Но Сарксян склонялся всё же к успешному рас-

следованию, что, разумеется, будет способствовать интересам всех: и самого Самохина, и его начальника, и их комитета в целом. Ну и о социальной справедливости тоже не стоит забывать, как бы банально это ни прозвучало.

Сразу после назначения на дело Самохин повёл себя решительно и бескомпромиссно. Он приехал на место преступления, влез в гущу бойцов убитого Воронова и потребовал у сотрудников полиции изъять у них всё оружие, арестовать и доставить в отделение. Охранники категорически отказались подчиняться, и на рядовых полицейских страшно было смотреть: они похватались за свои кобуры и не знали, что и делать, глядя на десяток крепко сбитых мужиков с пистолетами наперевес.

Надо отдать должное Самохину, он не потерял обладания духа, даже будучи окружённым толпой головорезов. Никого не боясь, он вызвал по рации отряд ОМОН и приказал: в случае сопротивления – открывать огонь на поражение. После этого он выбрал самого большого охранника, огромного кавказца с щетиной, которой можно протыкать железные двери, и потребовал сдать оружие по-хорошему. В противном случае обещал реальный срок за преднамеренное убийство по предварительному сговору с отягчающими и пожизненное лишение лицензии на оказание охранных услуг.

В борьбе самоуверенности кавказец проиграл, да и ситуация была не на его стороне: всё-таки он сам выпустил пол-обоймы по старику, а так как тот завалял его начальника, то особого заступничества теперь ждать не приходилось. Он вытащил из натальной кобуры «Глок» и служебный «Иж» и передал их Самохину. Тот подставил под каждый пистолет специальный прозрачный пакет с заклёпкой, спросил фамилию и неторопливо надписал её на специальном бумажном стикере поверх пакета. Аккуратно сложил реквизированные вещдоки в спортивную сумку и поинтересовался у остальных, готовы ли они последовать примеру своего товарища. Наступила зловещая пауза, которую, наконец, нарушил тот самый бугай, который прессовал Полянского.

– Это оружие находится у нас на законных основаниях, – решительно заявил он, – мы поедем в участок с ним.

– Хорошо, – согласился Самохин и указал кавказцу микроавтобус, в который тот может пройти, если пожелает. Сам же капитан вышел из окружения головорезов и громко отдал приказ по рации, благо «Камаз» с ОМОНОм успел подъехать.

– Начать операцию по задержанию подозреваемых!

Боковая дверь огромного грузовика, выкрашенного в сине-чёрные узоры хаки, распахнулась, и на проезжую часть один за другим стали выбегать бойцы в касках, бронежилетах и шлемах, с автоматами в руках.

– Всем на землю! – гаркнул начальник отряда и пустил в воздух залп из «Калашникова». На асфальт звонко посыпались гильзы патронов, и вслед за ними и охранники – кто по собственной воле, а кому и помогли омовцы, которые в данном случае не жалели молодецкой силушки. В результате пара носов буйных прежде охранников были разбиты, а все они без исключения оказались выпачканы дорожной пылью вперемешку с грязью от подошв полицейских. У всех задержанных изъяли оружие: помимо пистолетов, в арсенале головорезов обнаружили ножи и кастеты.

Особенно удивили следователя корочки охранников, в которых они обозначались в широком диапазоне должностей от «депутата городского собрания» до «руководителя отряда ветеранов ФСБ». Подлинность этих удостоверений предстояло ещё проверить, но очевидно, что в некоторых случаях не существовало даже указанных ведомств, как, например, «Ассоциация евразийского казачества». Для чего они использовались и в каких ситуациях – ответ на эти вопросы тоже оставался неясным.

Автотранспортные средства, после тщательного осмотра криминалистами, были опечатаны и отправлены на эвакуаторах на стоянку городской ГАИ. Правда, Самохина отчего-то заинтересовал автомобиль Полянского, который он осмотрел как будто даже с подозрениями: посветил фонариком под двигатель, постелил на асфальт брезент, чтобы проверить колёса, и для чего-то назначил динамометрические тесты для уточнения мощности машины.

После всех уличных процедур следователь отправился в комитет и первым делом изучил досье Воронова и Полянского, причём больше его заинтересовал последний. Особенно пункт про автороту, в которой он служил в армии на спецтранспорте. Самохин даже пробил по базе родственников старика и, как бы делаясь собственными сомнениями, спросил у старшего лейтенанта Троегубова, который оформлял бумаги по задержанию охранников Воронова:

– Сегодня день рождения внука Полянского. Вот интересно: зачем убитому понадобилось ехать вечером за город? Если бы он вёз компанию куда-нибудь в кафе или на шашлыки – это было бы понятно. Но один-то он куда ехал?

– Там недавно «Глобус» открыли, – подсказал версию старший лейтенант, который страшно старался выслужиться перед Самохиным, – возможно, туда. Туда из центра больше никак и не попадёшь: надо выезжать на шоссе и уходить на разворот за заправкой.

– В «Глобус»? – вслух произнёс Самохин. – Закончилась выпивка у молодёжи? Но зачем так далеко, ведь у них под боком большой супермаркет, туда пешком идти две минуты. Что-то не сходится. Может быть, он ехал именно за город?

Старший лейтенант задумался и помолчал, а затем поинтересовался:

– Товарищ капитан, а что вы смотрели в «шестёрке» убитого?

– Смотрел я что? А вот ты мне и скажи, Алёша: сколько может тратить пенсионер на содержание своей ласточки... – он на секунду заглянул в монитор, чтобы уточнить данные, – ...86-го года выпуска? В год? Как ты думаешь?

– Не знаю, – смутился старлей, – тысяч двадцать, я думаю...

– Ты *думаешь*? А я вот осмотрел двигатель этой тридцатилетней ласточки и обнаружил вместо мотора от «тройки», который ставился на эту модель в эти годы, «шестёрочный» движок мощностью под девяносто лошадок, который спроектировали только в середине девяностых. Двигатель почти новый, а знаешь, какой пробег у нашего деда? Шестьсот тридцать тысяч! Ты представляешь себе эти цифры? Это двести поездок в Крым и обратно! Делим на тридцать лет

и получаем семь поездок в Крым в год... А ведь старик не таксовал – откуда такой пробег? Он ведь на пенсии, так что на работу не ездил, тогда – куда? Ты говоришь: двадцать тысяч. Да у него на один бензин столько уходит за полгода! Уходило...

Пока старший лейтенант чесал затылок, капитан продолжил:

– Далее. На двигатель установлена турбина – зачем она дедушке-божьему-одуванчику? возить картошку с дачи? или дрифтовать по ночному городу? Более широкие, чем заводские, тормозные диски и колодки – японские, недешёвые. Соответственно, и колёса больше – пятнадцатого радиуса, только не литые, а штампованные. А почему? Я думаю – чтобы внимания не привлекать. Кузов старый, не крашенный, местами ржавчина. Салон не перешитый, как с завода вышел, так и остался, кое-где до дыр протёртый. Вся машина дешевле, чем одна турбина. Тут точно что-то не так. Да и старик может оказаться не таким простым, как на первый взгляд! Вот попомни мои слова: что-то тут нечистое обязательно вылезет наружу!

Глава 8

Похороны

Новость о смерти бабушки застала Антона в самый неподходящий момент. Вместе со своей возлюбленной Мариной, нацеловавшись всласть, они практически разделись в номере гостиницы, которая располагалась этажом выше ночного клуба, куда честная компания поехала отмечать день рождения приятеля. На экране настенной плазмы фоном крутились видеоклипы, пока в два часа ночи в эфир не вышел блок новостей, главной и первой из которых шло убийство крупного предпринимателя Воронова.

– По предварительной версии, бизнесмен погиб от пули собственного телохранителя, который открыл стрельбу по пенсионеру, ставшему виновником незначительного ДТП на выезде из города. В общей сложности в местного жителя Антона Викторовича Полянского, 68 лет, было совершено порядка тридцати выстрелов. Жертвой шальной пули стал и Никита Воронов – владелец группы компаний «Северлитий» и главный учредитель публичного акционерного общества «Руссталь».

Внук Полянского уже не слышал, что говорили дальше, потому что в кадре появился расстрелянный дедушка в озере собственной крови, которого поспешно накрывали чёрным брезентом сотрудники полиции. Увидев родного дедушку буквально изрешеченного и изуродованного от пуль, Антон совершенно потерялся и заплакал навзрыд. Удар судьбы подкосил, переломил парня – настолько неожиданно было увидеть по телевидению кадры об убийстве собственного деда, который ещё днём поздравлял его и вручил в подарок часы. Они, кстати, единственные остались теперь на юноше, который совершенно обмяк, уткнулся в подушку и растёкся по кровати в настоящей истерике.

Для его подруги новость также стала громом среди ясного неба. Конечно, она сразу же поняла всю тяжесть утраты Антона, однако она была всего лишь мечтательной девушкой. Когда парень начал вопить и швырять в экран все попадавшие ему под руку вещи, она растерялась и запаниковала, особенно когда в дверь стали стучать и требовать, чтобы они открыли. Пришлось наскоро оде-

ваться самой и попытаться одеть убитого горем любимого. В итоге менеджер гостиницы вызвал вневедомственную охрану, она приехала буквально через пару минут и была вынуждена чуть ли не связывать Полянского-младшего – полуголового, насильно обмотанного Мариной в простыню, успевшего разбить кулак о стену, разнести телевизор, шкаф и комод в щепки и пробить самому себе голову, ударившись о спинку кровати в приступе истерии.

Вслед за полицией вызвали скорую, парню сделали укол успокоительного и отвезли в отделение. Вместо того чтобы встретить рассвет в объятиях любимой девушки, с которой у них намечалась первая романтическая близость, Антон Полянский забылся тревожным сном в камере предварительного заключения с пробитой головой, сломанной кистью и разрушенной психикой. На следующий день родители, которые тоже, конечно, успели узнать о произошедшей трагедии, были вынуждены обратиться в службу экстренной психологической помощи, так что Антона на некоторое время увезли в частную реабилитационную клинику.

Здесь он поминутно пытался убить себя любимым острым предметом или углом, о который он целился удариться виском, но каждый раз его останавливали, пока, наконец, не сделали новый, более сильный укол, от которого он обмяк и совершенно забылся. Когда капитан Самохин приехал в лечебницу, чтобы поговорить с внуком убитого, оказалось, что Антон Полянский-младший находится в бессознательном состоянии и, скорее всего, останется в роли овоща в течение ближайшей недели-двух. Тогда следователь решил переговорить с родителями парня, и, надо отдать ему должное, вёл себя в высшей степени деликатно и профессионально, с учётом всех обстоятельств последних двух дней.

– Примите мои искренние соболезнования! – начал он, доставая из кармана удостоверение и на секунду показывая его родственникам погибшего. – Меня зовут Вячеслав Самохин, я следователь по делу об убийстве вашего отца.

Он обратился к дочери Полянского, Ксении.

– Извиняюсь, что вынужден тревожить вас в такой тяжёлый момент, но того требуют мои служебные обязанности и необходимость восстановить спра-

ведливость, по крайней мере, в той степени, в которой она предусмотрена законом. Можете не сомневаться: виновные понесут наказание по всей строгости уголовного кодекса, случившееся преступление не окажется неоплаченным со стороны закона! Позвольте задать вам всего пару вопросов.

– Да, конечно! – Ксения Полянская утёрла слезу платком и устремила свой взор в разноцветный кафель на полу реабилитационной клиники, готовая пройти все испытания в этот тяжёлый для неё период.

– Скажите, пожалуйста, когда вы узнали о случившемся?

Самохин раскрыл записную книжку, а дочь Полянского не выдержала и вновь расплакалась. Не смогла сдержать себя и повернулась к своему мужу, словно в него можно было завернуться, как в одеяло. Однако вскоре она взяла себя в руки и ответила:

– Из вчерашнего выпуска новостей. Мы как раз вернулись домой и прибирались после дня рождения Антоши...

Слёзы так и текли у неё из глаз, как вода сквозь сито, и она постоянно утирала их мокрым скомканным платком.

– Крепитесь, Ксения Антоновна! – поддержал её, как мог, Самохин. – Повторюсь: все участники перестрелки задержаны, выясняется роль каждого в случившейся трагедии. Только ещё один вопрос. Скажите, пожалуйста, зачем Антон Викторович отправился на машине за город? Да ещё в день рождения своего внука?

Дочь убитого на секунду задумалась, как бы сама себя спросив: действительно, зачем её отец оказался на том злосчастном шоссе?

– Не знаю, – призналась она. – Может быть, он поехал в «Глобус»?

Тон её ответа был ближе к вопросительному, поэтому капитан Самохин уточнил:

– Но вы не уверены в этом?

– Не знаю. Так много всего навалилось в последнее время, папа постоянно куда-то ездит... ездил... решал проблемы. Квартиру съёмную для родственников моих подыскал, у сестры Димы, моего мужа, произошло несчастье...

– ...сгорел дом, – предупредил её историю Самохин.

– Вы знаете? Ах да, вы же следователь... – спохватилась дочь Полянского.

– Одним словом, папа очень многое решал для нас всех...

– Понятно! – с ноткой сопереживания кивнул капитан. Затем полез в свой портфель, словно вспомнил важный момент, и выудил оттуда распечатку с ценами. – А вы не знаете, откуда Антон Викторович мог взять порядка ста двадцати тысяч рублей на ремонт своей машины?

Ксения Антоновна насторожилась.

– На какой ремонт? Вы про «шестёрку» его? Да она на ладан дышит, я вообще удивляюсь, как он умудрялся на ней ездить!

– Отнюдь! – разуверил её следователь и протянул распечатку. – Мы провели техническую экспертизу и выяснили, что машина вашего отца подверглась серьёзным усовершенствованиям: заменено сцепление, был установлен компрессор, новая подвеска, спортивная тормозная система и далее по списку. В автомастерской нам сделали приблизительный подсчёт, что все эти запчасти с работой стоят как раз порядка ста двадцати тысяч рублей. Причём все эти доработки осуществлены в течение последнего полугодия. Вы не знали об этом?

– Нет, – растерянно отвечала дочь Полянского. – Честно говоря, я не разбираюсь во всех этих технических тонкостях, но таких денег – тем более свободных, которые он мог потратить на свои нужды, – у папы никогда не было.

– Правда? – удивился Самохин. – Хорошо, не буду вас больше отвлекать. Если я вам понадоблюсь – вот вам моя визитка, звоните в любое время! Ещё раз соболезную вашей утрате! Антону Дмитриевичу – скорейшего выздоровления, а вам – по возможности, легче вынести все ближайшие мероприятия.

Он поклонился, пожал руку Дмитрию Алексеевичу, мужу Ксении Антоновны, и удалился, оставив больше вопросов, чем ответов, и какое-то настороженное ощущение чего-то недоброго во всей этой истории. Однако хорошенько подумать обо всём узnanном не пришлось, так как супругов вызвал к себе главврач, от которого ждали вердикта о душевном состоянии Антона.

– Хорошего мало, – невесело начал в лоб доктор. – У вашего сына разбита голова, сломана кисть, множественные ссадины и синяки, вплоть до гематом. Однако физическое состояние молодого человека опасений не вызывает: ему оказана квалифицированная помощь, сотрясения нет, ушибы пройдут. С гипсом полтора месяца придётся походить – ничего не поделаешь. Куда бóльшие опасения у меня вызывает его душевное состояние. У парня случился настоящий нервный срыв с откровенным позывом нанести самому себе увечия. Попытки *суицида* я не диагностирую.

После этих слов Ксения Антоновна слёзно, но всё же радостно всхлипнула.

– На мой взгляд, – продолжил доктор, – страшное могло произойти, если бы за ним недосмотрели, но ни о какой попытке преднамеренного самоубийства речи не идёт. У парня тяжелейший психический кризис, вызванный семейной трагедией... примите мои соболезнования! На полноценное восстановление в таких случаях уходит, по моему опыту, от полугода до года. Но вывод именно из кризиса займёт не меньше месяца. И всё это время я бы настоятельно рекомендовал вам оставить Антона здесь, под присмотром специалистов. Наши услуги недёшевы, вы это знаете. Если средства не позволят вам последовать моей рекомендации, то однозначно понадобится сиделка или сиделки для *круглосуточного* нахождения с пациентом. Если это будете вы – вам лучше взять отпуск или безоплатный. В любом случае вам предстоит нелёгкое время...

Охарактеризовав ситуацию, доктор решил озвучить положительные стороны:

– Однако я смотрю на историю вашего сына с умеренным оптимизмом. Я многое повидал на своём веку. К нам попадают и с белой горячкой, совершенно опившиеся люди, и с острыми наркотическими психозами, и, что греха таить, преступников тоже доставляют под конвоем, которые дел наворотили, что вам лучше и не знать. В вашем случае реакция острая, но вовсе не удивительная: у вас в семье произошла трагедия, парень узнал о ней в день рождения, во время торжества, когда был в эйфории. Случившийся исход, конечно, чрезвычайно резок, однако вполне понятен и оправдан с клинической точки зрения.

Главврач осмелился на сравнение, чтобы проиллюстрировать свою мысль:

– Представьте, что в вас стреляют и попадают. Если ранение в руку – хирург быстро извлечёт пулю, и рана быстро заживёт при правильном уходе. Но если пуля попала в жизненно важные органы, то ситуация совсем другая: кровопотеря, реанимация, экстренное хирургическое вмешательство и длительная реабилитация. Хорошо ещё – жив остался!

Доктор, конечно, хотел приободрить родителей Антона, однако наговорил совсем не того, чего требовала ситуация:

– Ой, простите! – опомнился он, когда Ксения Антоновна залилась слезами и бросилась прочь из кабинета. – Извините, пожалуйста, я забыл!..

Последние слова адресовались уже мужу, который устало махнул рукой и молча выбежал следом за супругой.

Все последующие дни прошли в полной неразберихе и суматохе. Тело Полянского, в том числе лицо и руки, оказалось настолько изуродовано от выстрелов, что сотрудники морга не дали разрешения хоронить убитого в открытом гробу. Соответственно, никто из родственников, включая родную дочь покойного, не смог проститься с Антоном Викторовичем. Несмотря на то, что личность убитого подтверждалась обнаруженным при нём паспортом и документами на автомобиль, закон в таких случаях обязывал проводить очное опознание. Однако сотрудники ФСБ, которые, как коршуны среди ясного неба, объявились в ходе расследования, ограничились заочным подтверждением на основе многочисленных фото- и видеоматериалов.

Самохин не стал противоречить чекистам. Хотя он и хотел, чисто человечески, чтобы семья погибшего простилась с ним хотя бы на опознании в морге, но такое требование могло навредить следствию. Точнее, ему самому как руководителю расследования, ведь известно, что сильным мира сего дорогу не переходит, иначе тебя самого задавят и закатают в землю.

В результате уже заколоченный гроб в церковь привезли прямо из морга. Молодой батюшка, как назло, провёл отпевание с душевным надрывом, громогласно и чётко выговаривая все скорбные выражения молитв, отчего все род-

ственники расплакались навзрыд. Неожиданно объявились сочувствующие из городского комитета по благоустройству, которые на волне ажиотажа вокруг громкого дела вспомнили, что Полянский участвовал в установке литой ограды по периметру местного сквера в честь 30-летия Победы и занимался его озеленением. Комитет заранее объявил, что возьмёт на себя все расходы на организацию похорон, гроб для Полянского – лакированный дуб, с резными ангелами и вензелями – был полностью оплачен из их средств. Равно как и ритуальный кортеж с катафалком премиум-класса.

Сами похороны прошли так же стремительно, как все предварявшие их процедуры. Родным выделили пять минут для прощания, после чего крепко сбитые мужички сноровисто опустили останки Полянского в вырытую могилу и в мгновение ока засыпали её землёй. Установили гранитный памятник с траурными датами и фотографией весёлого дедушки. И оставили родных одних – оплакивать безвременную утрату.

В это время в школе одноклассники Антона Полянского-младшего обсуждали на перемене злключения своего товарища.

– Слышали: Хохол в рехабе лежит?

Хохлом его называли за глаза из-за фамилии: мама вышла замуж за Дмитрия Хохлова, который и передал её сыну.

– Ещё его деда сегодня хоронят, печально... Зато – круто, что в рехабе лежит, будет что в универе про школу вспомнить!

– Уроды! – Подруга Антона Марина, проходившая мимо, услышала эту часть диалога, подошла к говорившему и влепила ему звонкую пощёчину. – Ничего святого в жизни, придурки!

Расплакалась и побежала прочь по коридору.

Глава 9

Лучшая жизнь

– Дмитрий Андреевич, мы ознакомились с вашим резюме. Указанные в нём характеристики, в целом, нас устраивают, поэтому мы пригласили вас на очное собеседование в качестве одного из кандидатов.

Разговор происходил в административном офисе того самого «Глобуса», возле которого свершилась расправа над стариком Полянским. Теперь, спустя две недели после его похорон, мужа его дочери, Ксении, пригласили на собеседование – «на высокооплачиваемую должность», как значилось в объявлении. Дмитрий Хохлов, конечно, не подозревал, что люди Хана договорились с дирекцией филиала, чтобы из всех претендентов на эту должность был выбран именно он. Договорённость была такая: Хохлову объявляется цифра, состоящая из реальной зарплаты гипермаркета плюс семьдесят тысяч рублей сверху. Все эти деньги проходят через бухгалтерию по-белому, с выплатой налогов. Все налоговые платежи с добавленной суммы Хан компенсирует из своего кармана. Также Хохлову, за усердную работу, обещаются ежеквартальные премии.

При такой схеме «трудоустройства» Хохлов будет получать в счёт требований Полянского по одному миллиону в год. Через полгода он сможет оформить ту самую двухкомнатную квартиру, о которой просил старик, в ипотеку и выплатить её в течение каких-то пяти лет. Конечно, если будет стараться. В разговоре с Ханом Полянский попросил проследить, чтобы квартиру оформили на его дочь, Ксению. Сестра его мужа сможет переехать на новую квартиру, но, конечно, на время, пока они не восстановят сгоревший дом. После этого они вернутся туда, а ипотечная квартира останется за Ксенией Хохловой – такова была ясная и определённая воля покойного.

Хан обещал проследить, чтобы документы были оформлены как следует. Но пока её мужа, Дмитрия Хохлова, следовало трудоустроить, что было несложно. Куда сложнее было объявить ему зарплату в несметные для него сто тысяч в месяц и обязать никому не разбалтывать этого под угрозой увольнения. В контракте юристы «Глобуса» даже сочинили отдельный пункт – увольнение в

двухнедельный срок по причине разглашения размера заработной платы с удержанием начисленных премий и отпускных.

Все эти моменты выглядели логичными с точки зрения той небольшой аферы, которую организовали помощники Хана. Но обосновать перед человеком, который всю жизнь получал не больше тридцати тысяч, что теперь он будет зарабатывать сто, – отдельная песня. Таковое обоснование «повесили» на профессионального хановского мозгоправа Арсения. Вообще-то, это была его фамилия – Арсеньев. Звали его Василий Васильевич, но так к нему никто не обращался. За глаза его называли ещё «дедом Василием», за умудрённость в перипетиях клинической психотерапии, но для всех он всегда был просто Арсением, словно речь шла о пустынном старце.

– Должность, на которую мы хотим вас принять, совмещает в себе функции логистики, менеджмента и оптимизатора торговых площадей. Это очень ответственная работа, поскольку от корректности её выполнения будут зависеть возможные простои в поставках продукции или проблемы с её сбытом.

Арсений впервые играл роль специалиста по подбору персонала, но менять маски он умел превосходно. И с энтузиазмом взял домой фирменный бело-жёлтый халат торговой сети, чтобы как можно естественнее вжиться в шкуру охотника за кадровыми головами. Само собеседование он проводил, как искусный допрос с пристрастием. Принудил Хохлова подписать бумагу о неразглашении содержания «интервью» (так этот пункт значился в документе) согласно статье такой-то гражданского кодекса и прочее, и прочее. Затем провёл небольшую экскурсию по торговому залу, складу и административной части. И, наконец, уединился с кандидатом в «своём» кабинете, деликатно одолженном у реального директора по персоналу за чисто символическую услугу в виде красивых автомобильных номеров, о которых тот так мечтал и которые Хан помог ему без труда оформить.

– Прежде всего, хочу обратить ваше внимание на главную цель – принести компании прибыль. Ваш план, по контракту, зафиксирован на отметке 10 миллионов рублей ежедневной чистой прибыли по результатам месяца. Проще

говоря, в феврале – 280 миллионов, в марте – 310, в апреле – 300. Работодатель вправе повышать план один раз в шесть месяцев, но не более чем на 10%. При условии выполнения плана вы будете получать – ещё раз обращаю ваше внимание, что данный пункт является категорически конфиденциальным, – сто тысяч рублей на руки.

На этих словах челюсть соискателя невольно отвисла, а сердце бешено застучало. Поначалу он просто не поверил своим ушам: разве может начальник склада получать такие деньжищи? Однако из убедительных речей нанимателя выходило, что столь крупная сумма определяется многоплановостью трудовых обязанностей и необходимостью выполнения плана. А также, очевидно, тем, что придётся много работать. Хохлов, конечно, не догадывался, что в реальности гипермаркет получает озвученную прибыль не в день, а в час, так что плановая подоплёка являлась не более чем фикцией абсолютного порядка.

– На руки, – подчеркнул последнюю фразу Арсений. – Мы в нашей компании рассуждаем категориями чистого заработка. То есть в табели у вас, в случае выполнения плана, будет указано 115 тысяч рублей, из которых будет списываться подоходный налог. Так что на карту вам будет приходить именно сто тысяч. Оформление белое, по трудовому законодательству. Ежемесячный оплачиваемый отпуск продолжительностью 28 календарных дней, больничные – разумеется, по предоставлению справки из медучреждения. Плюс ежеквартальные премии в размере половины месячного оклада в случае выполнения плана в течение всех трёх месяцев квартала. Отдельная стоянка для сотрудников, комната отдыха с чаем и печеньем – вы всё это видели во время краткой экскурсии.

Арсений специально сначала завлёл соискателя пряником, чтобы затем звонко хлестнуть кнутом. Он стал задавать вопросы из теории и практики распределения торговых потоков, искал бреши в познаниях претендента касательно управления персоналом, испытывать навыки владения функционалом систем взаимодействия с клиентами и так далее, и тому подобное. Хохлов даже вспотел, пытаясь вывернуться из всех тех ловушек, которые расставлял перед

ним наниматель, и клятвенно обещал всё изучить и безошибочно применять на практике.

Заключительным пунктом опроса стало возможное время выхода на работу. А так как Хохлов трудился «на дядю», с совершенно чёрной зарплатой, которую ему постоянно всячески занижали и задерживали, то соискатель ответил: сей час же! Арсений по-доброму ухмыльнулся, заметил, что такая срочность не требуется и что Хохлов может начать завтра, только нужно взять паспорт, трудовую книжку и медицинскую, если последней нет – ему помогут её оформить с зачётом времени прохождения медосмотра в качестве рабочего.

Хохлов вышел на улицу как поражённый громом и первым делом позвонил жене, чтобы обрадовать её.

– Ксюша, меня взяли! Здесь всё просто супер! Много, много! – ответил он на её расспросы о зарплате. – Не могу сказать. Честно, не могу. По крайней мере, не по телефону...

И, ошарашенный, он набрал номер своего нынешнего работодателя, который откровенно обкрадывал его, не выплачивая обещанного и штрафуя за любые погрешности, который он иногда сам выдумывал на ходу.

– Добрый день, Дмитрий Игоревич! – весело затараторил Хохлов в трубку. – Я звоню вам сообщить, что я больше не работаю на вас! Да, увольняюсь, если хотите!.. Нет, за вещами я не приду, мою чайную кружку и ложку можете выбросить!.. И на расчёт я тоже не претендую – на эти деньги можете залить полный бак своего новенького внедорожника, если их, конечно, хватит!.. До свидания, Дмитрий Игоревич, всего вам доброго!

И положил трубку.

Дальнейшие дела, как по воле Божией, устроились чрезвычайно быстро и верно. Неслучайно Ксения Антоновна заказала молебен святому Спиридону Тримифунтскому – известному помощнику и покровителю всех, кто решает квартирный вопрос. Буквально через две недели после трудоустройства мужа Ксении позвонили из отдела продаж компании-застройщика, которая начала сдавать в эксплуатацию целый микрорайон новостроек. Поначалу Ксения не

приняла предложение купить квартиру всерьёз, поблагодарила и хотела уже класть трубку, но назойливый продавец уговорил встретиться и обговорить возможные варианты. Обещал приехать сам, всё подробно описать и объяснить схему уникального ипотечного кредита, который сейчас хорош как никогда. Женщина согласилась, и на следующий день у неё в гостиной сидел тот самый специалист.

– Прежде всего – спасибо, что согласились меня выслушать! Я знаю, что думают про таких, как я: им важно впихнуть квартиру, чтобы получить премию! Не скрою, мне выплачивается премия за каждую проданную квартиру. Но моя цель не просто срубить денежек, у меня есть настоящая миссия – помочь конкретно вам, а также десяткам таких же, как вы, улучшить жилищные условия на максимально выгодных условиях! Знаю, звучит фальшиво. Знаю также, что вы захотите проводить меня за дверь, как только я предложу вам двухкомнатную квартиру за пять миллионов рублей. А ведь это я и хочу сделать – предложить вам квартиру за пять миллионов рублей! – Он всплеснул руками, как ветхозаветный пророк. – Потому что это *реально* лучшее предложение на рынке.

Он подробно описал порядок выплат по ипотеке. Из его слов получалось, что переплата по процентам, если квартиру выкупят за пять лет, составит всего миллион. То есть *всего лишь* двадцать процентов за *пять* лет! Пока Ксения хваталась за сердце, он достал планшет и на сайте крупнейшего банка быстренько подсчитал на ипотечном калькуляторе, что переплата *там* составит три миллиона девятьсот тысяч! Это за пять лет. А за десять – шесть миллионов двести тысяч! То есть квартира за пять номинальных миллионов на ипотечном рынке стоит одиннадцать *реальных*, даже больше. Если же Ксения Антоновна примет условия банка-партнёра застройщика, то ежемесячная выплата с учётом процентов составит ровно сто тысяч рублей.

– Есть ли такой суммарный доход у вашей семьи? – живо поинтересовался агент.

Совершенно ошарашенная женщина честно призналась, что муж только что устроился на высокооплачиваемую работу и, вообще-то, они, наверное, смогут столько выплачивать. Только сумма «слишком уж космическая», так выразилась Ксения Антоновна.

– Космические суммы бывают, когда в процессе выплат повышается процентная ставка! – агент закивал головой в знак того, что вот в этом случае суммы, действительно, зашкаливают. – У нас всё чисто и прозрачно – на весь срок кредитования.

Он достал образцы документов и подробно пояснил каждый пункт. Дело сводилось к тому, чтобы подписать договор и своевременно выплачивать ежемесячные взносы. Квартиру, в которой сейчас проживает Ксения Антоновна, нужно будет оформить в качестве залога, соответственно, и новую жилплощадь получится оформить только на Хохлову. Зато приобретённую квартиру можно будет сразу сдавать, например.

– Или поселить туда родственников! – с энтузиазмом подтвердил агент, когда узнал о плачевной ситуации у сестры её супруга.

В итоге уже в том же месяце, приняв волевое решение на серьёзном семейном совете, супруги как в омут прыгнули с головой и приняли решение оформить-таки квартиру в ипотеку, чтобы заселить туда погорельцев. Квартиплата – с них, косметический ремонт и бытовая техника – тоже, если они пожелают улучшить своё временное жильё, пока не восстановят постоянное. А ещё через неделю Хохловым выдали ключи от новенькой двухкомнатной квартиры в новостройке, в хорошем районе, с приличной отделкой.

Муж Ксении Дмитрий оказался настолько поражён, что даже пытался найти агента, предложившего им такой выгодный вариант, чтобы отблагодарить, но разыскать последнего решительно не удалось. То ли потому, что он был слишком занят, то ли потому, что агентом оказался не кто иной, как старый-добрый Арсений. Он получил неплохие премиальные за две подработки, с которыми справился как нельзя лучше. Да и в перерывах между мозгоправством нужно же как-то развлекаться.

Хан вызвал его к себе и лично поблагодарил за оказанные услуги. Подарил мастер-класс крупного швейцарского специалиста в области психиатрии в Женеве, с перелётом и проживанием. Давно хотел чем-то побаловать Арсения, но не было подходящего случая. Теперь же – сам Бог велел.

Оставшись один, Тимур Керимович достал блокнот, открыл на заложенной странице и к зачёркнутому пункту «похороны» прибавил следующие:

- двухкомнатная квартира для погорельцев, 6 млн. рублей

Зачеркнул строку. Отдельно перечеркнул цифру 6 и написал: «7,5 – с учётом налоговых выплат с зарплаты и расходов на Арсения».

- 100 тыс. для ровного счёта

Зачеркнул. Сделал приписку: «в счёт квартиры».

Незачёркнутыми остались три пункта:

- однокомнатная студия для внука, 3 млн.,

- новый автомобиль для него же, 700 тыс., и

- норковая шуба для дочери, 100 тыс.

Несмотря на то что затраты на волю Полянского уже превысили 10 миллионов, сердце Хана радовалось. Даже не потому, что после убийства Воронова в результате оперативного рейдерского захвата Тимур Керимович присвоил один из его заводов. Хан вдруг почувствовал *действительное* удовлетворение от того, что он помогает родственникам покойного и вместе с тем твёрдо выполняет его волю, как настоящий мужчина. В каком-то смысле он даже почувствовал себя породнившимся с Полянским. На волне этого неожиданного, но приятного чувства Хан вызвал своего водителя и поехал в бордель.

Глава 10

Допрос

– Тимур Керимович, Тимур Керимович! – бледный охранник едва не ворвался в гостиную, где Хан отдыхал со своей семьёй.

– Ты что это? – больше удивился, чем разозлился хозяин, сняв с колен детей и подходя к вестнику. Властной рукой вывел его за дверь и строго спросил: – Ты чего врываешься, когда я с близкими? Страх потерял?

– Извините, пожалуйста, Тимур Керимович! – запричитал охранник. – Вам пришла повестка к следователю, и я решил вам немедленно сообщить об этом!

В руке у перепуганного трепыхалась бумажка, пугавшая его больше, чем если бы это был отравленный кинжал.

– Да если бы ко мне сам суд явился в мантиях и конфедератках – всё равно я бы не разрешил врывать ко мне, заруби это себе на носу!

С этими словами Хан выудил из рук нарушителя спокойствия повестку и нахмурился.

– Гм, не к добру это...

Повестка требовала от Хана явиться в недельный срок на допрос к следователю в качестве свидетеля. Тимур Керимович, если и ждал вызова на допрос, то в самые первые дни после убийства. Следователи всегда стремятся сначала поискать виновников среди тех, кому выгодно, но на этот случай у Хана было подготовлено железное алиби. Но теперь прошло больше месяца после перестрелки – какие вопросы к Хану в принципе могли возникнуть? Этот настырный следователь, капитан Самохин, сразу не понравился Хану. Однако докопаться он мог разве что до столба, потому что во всех деталях, связях и происшествиях всё было шито-крыто, гарантированно. Именно поэтому повестка, пришедшая *сейчас*, насторожила хозяина.

– Ладно, свободен! – процедил Хан, и печального вестника как ветром сдуло.

Тимур Керимович приказал водителю через полчаса подать машину к выходу, а сам вернулся к жене и детям, чтобы ещё немного поиграть и ответить

ещё на дюжину «почему?». Супруга Хана очень ценила в своём муже точные и по-взрослому серьёзные ответы на все эти *почему*. На вопрос, почему осенью листья опадают или животные не разговаривают, он никогда не отвечал банально. Он с врождённым уважением относился к детям и подробно пояснял, что животные не имеют дара речи, но они умеют общаться с помощью звуков, языка тела и жестов, особых сигналов. Рассказывал, как пчёлы при помощи «восьмёрок», которые они проделывают в воздухе, сообщают собратьям, где больше всего нектара, и те летят туда безошибочно наикратчайшим путём. Как медведь встаёт на задние лапы и когтями рассекает кору дерева как можно выше, чтобы другие звери знали: здесь моя территория! Как вороны подают особый сигнал, когда обнаруживают добычу. И так далее, и так далее.

Жена Хана подчас сама поражалась вещам, которые Тимур рассказывал детям, и удивлялась: откуда он всё это знает? И про Гамилькара Барку, и про сутки на Меркурии, и про смешные чешские слова на -длю, и про слова, которых нет в русском языке, и про прежние названия городов, и про историю открытия платины, и про названия ветров, и про продолжения пословиц.

– Ума палата, да ключ потерян! – бывало, говорил он и пояснял детям, что такое палата, и что значит пословица в целом, и почему все знают только её начало, не понимая сути. – Или вот: загорелся сыр бор! Причём тут сыр? Маасдам, что ли, загорелся? Нет – это *сырой* бор загорелся. Представьте себе лес, который и солнце не просвечивает, где вода скопилась, так что это чуть ли не болото получилось. А вот он взял – и загорелся! На пустом месте. Вот так и вы иногда между собой ссоритесь: сидели, играли мирно, и вдруг – бах, драться начали! Вот вас буду называть впредь сырыми! Как тесто для пирогов, буду вас руками вот так месить-месить!

И он начинал их тискать и щекотать, а дети смеялись и тараторили «нет, нет, папочка», тщетно пытаясь выбраться из ласкового отцовского плена.

– Не будете ссориться?

– Не будем! – хохотали дети.

– Иначе я вас в печь – и пироги из вас сделаю!

– Нет, нет, не надо! – причитали малыши и снова задорно заливались от папиной щекотки.

– Ладно, мне пора! – сообщил жене Хан, когда дети вырвались у него из рук и стали бегать друг за другом.

– Что-то серьёзное? – насторожилась супруга.

– Нет-нет, всё в порядке. Я скоро, не переживай! – он нежно поцеловал её в губы, в шею, крепко обнял на прощание за талию и вышел из гостиной. – До вечера!

Тимур Керимович взял из кабинета портфель, вышел на улицу, сел в автомобиль и приказал ехать в следственный комитет. Водитель, который и так знал весь город что свои пять пальцев, конечно же, был в курсе, как проехать кратчайшим путём. Однако, видя несколько встревоженное состояние хозяина, повёз его через живописную плотину с лавочками для влюблённых и уточками в каскадах прудов, уходящих прямо в горизонт. Умиротворяющая картина, действительно, подействовала на хозяина успокоительно. «Ну что, действительно, – рассудил Хан, – может он мне предъявить? Если у него что-то и откопано на меня – адвокаты в два счёта сведут всё на нет!».

Машина остановилась прямо перед центральным входом в следственный комитет, из салона вышел статный мужчина в бежевом пальто и с кожаным портфелем в руках. Он не обратил ровным счётом никакого внимания на высокие чины, которые просматривали бумаги и оживлённо что-то обсуждали прямо на ступеньках, и проследовал на пропускной пункт. Привычным движением руки предъявил паспорт и поинтересовался, в каком кабинете его ожидает капитан Самохин. Старший лейтенант, дежуривший на вахте, неторопливо переписал данные в книгу посетителей, подал журнал Хану для подписи и назвал двадцать шестой кабинет.

– Входите! Пожалуйста, входите! – раздался приветливый голос следователя Самохина, когда к нему в дверь постучался Хан. – Я всё записал, вот вам пропуск, если что-то ещё потребуется – я вам позвоню.

Последние слова адресовались плюгавому мужичку, который, очевидно, был вызван на допрос как свидетель. Хану он был совершенно незнаком. Следователь предложил новому гостю стул и уселся сам, после того как закрыл за предыдущим посетителем дверь.

– Сосед Полянского! – пояснил он. – Может быть, слышали? Охрана бизнеса расстреляла пенсионера, а заодно положила и собственного хозяина! Недавно случай был. Ну да ладно. Кодзоев Тимур Керимович? Можно ваш паспорт?

Хан несколько оторопел. Он ни на секунду не сомневался, что его вызвали именно по делу Полянского. А тут следователь упоминает убитого мимоходом, интересуется, не слышал ли он об этом случае, а в конце обрывает словами «ну да ладно». Тогда о чём же он хочет говорить, если не об убийстве старика? Так же молча он протянул капитану паспорт, и тот на всякий случай убедился, что перед ним действительно тот, кого он вызвал на допрос.

– Тимур Керимович, я знаю, насколько вы занятой человек, поэтому не отниму много вашего времени. Десять лет назад вы проходили свидетелем по делу об убийстве гендиректора строительного альянса «Вертикаль», который оставил недостроенный микрорайон Полозово. Застройщик вскоре был выставлен на торги как организация-банкрот, а строительство окончено другим подрядчиком.

Самохин перечислял факты внятно и методично, явно не пасуя перед Ханом. Было видно – или, по крайней мере, следователь старался придать своему лицу такое выражение, – что он не боится допрашиваемого. Однако в выборе формулировок остаётся предельно корректным, избегая различного рода недомолвок, которые могли бы быть истолкованы как обвинения.

– Адвокаты защиты выстраивали свою стратегию в том числе на том, что технологии строительства, использовавшиеся подрядчиком, являлись интеллектуальной собственностью НПО «Мера», которая, в свою очередь, защищалась законом о государственной тайне. На прошлой неделе этот срок истёк, и мы запросили сведения о разработках научно-производственного объединения, при-

менявшихся строителями микрорайона. А вот в их бухгалтерских отчётах оказались данные, – Самохин углубился в бумаги, чтобы дословно процитировать выявленные факты, – что поставщиком стройматериалов выступило ООО «Атлант», которое в том году отчиталась о прибыли в размере двух миллиардов трёхсот семидесяти семи миллионов шестисот сорока восьми тысяч рублей.

Следователь выразительно посмотрел на Хана, никак не прокомментировал озвученную сумму, а вместо этого продолжил перечислять факты.

– Организация была зарегистрирована в десятой федеральной инспекции при управлении налоговой службы в марте, а уже в октябре – прекратила своё существование, ликвидировав юридическое лицо. Все налоги были выплачены в полном объёме и в срок. Однако, – акцентировал внимание Самохин, – генеральный директор «Атлант», допрошенный на прошлой неделе, сообщил, что реальных поставок за весь срок существования компании, на строительный объект не осуществлялось. А якобы поставленные стройматериалы оказались собственностью обанкротившегося альянса «Вертикаль», имущество которого было арестовано и изъято в пользу муниципального бюджета. Однако оттуда они были переданы в пользу «Атланта» для завершения строительства по цене, определённой в ходе открытых торгов. А именно, – следователь снова заглянул в бумаги, которые он умело тасовал перед собой на столе, – за сумму в восемьдесят два миллиона сто девяносто шесть тысяч рублей.

– И что? – поинтересовался Хан, к которому вернулось самообладание.

– Дело в том, что уставной капитал ООО «Альянс» в размере десяти тысяч рублей состоял из средств Скворцова Андрея Викторовича. Собственно, компания была зарегистрирована на него, он выступал в качестве генерального директора. Но вы можете помнить его также потому, что его осудили на десять лет за соучастие в организации убийства гендиректора «Вертикали», активы которой, посредством специально созданной компании-однодневки, перешли к вашей компании в течение полугода. Схема интересует? У меня есть, я её специально подготовил к вашему приходу.

И Самохин выложил на стол бумагу со стрелками, названиями компаний и суммами, которые поступали из одной в другую, а в конечном счёте – в компанию Тимура Керимовича.

Хан бегло ознакомился с названиями, выдержал паузу и всё так же хладнокровно спросил:

– И что?

– Как что, Тимур Керимович? – удивился Самохин и забрал бумагу себе. – Я же уже сказал: Скворцов отбыл десятилетний срок, освобожден и собирается вернуть себе разницу между двумя миллиардами и восьмьюдесятью миллионами, которые он считает своими на основании того, что компания «Альянс» по документам была оформлена единолично на него. Вот, пожалуйста, его собственноручное заявление.

Следователь протянул Хану бумагу с напечатанным по форме заявлением. Тимур Керимович вопросительно поглядел на Самохина.

– Насколько я понимаю, – неторопливо произнёс он, – дела подобного рода рассматриваются в арбитражном суде.

– Совершенно верно! – охотно согласился капитан и забрал к себе заявление гендиректора «Альянса». – Только вот загвоздка в том, что наряду с этой бумагой он ещё предоставил аудиозапись, на которой запечатлён разговор, в ходе которого голос, похожий на ваш, отдаёт распоряжения относительно судьбы убитого в итоге гендиректора «Вертикали».

В памяти Хана, как гром среди ясного неба, сверкнула та самая беседа. Но он был уверен, что её никто не записывает, потому что дело происходило в доме непререкаемого авторитета, вора в законе, который бы ни за что на свете не позволил даже Господу Богу записывать что-либо на диктофон в его доме. Получается, кто-то делал запись тайно. Но как Скворцов мог туда проникнуть и спрятаться? Разве это в принципе возможно? Да он, кажется, уже был задержан к тому времени... Может быть, это блеф?

– Запись сейчас находится на экспертизе, – пояснил Самохин, как бы опровергая заключительное предположение Хана. – Разумеется, я воздерживаюсь от

любых оценок. Но если подтвердится, что голос на плёнке ваш, я буду вынужден вызвать вас на допрос повторно. Пока же подпишите, пожалуйста, подписку о невыезде.

Он протянул Хану заготовленный бланк и, подписанный, прикрепил его к другим бумагам, после чего выписал пропуск и вежливо простился.

– Вот сука! – с желчью выругался Хан уже в машину. – Застраховался так, что теперь его и грохнуть нельзя – все концы ко мне приведут. Снукерист...

– Почему снукерист? – поинтересовался водитель.

Над ним нависла пауза, и Хан ответил:

– Потому что выстроил стратегию нападения таким образом, что все прицельные шары на игре, а ронять биток никак нельзя, потому что на его месте появится новый, которым я буду разгромлен. Такая метафора тебе понятна? Или до тебя каким-то другим образом донести, что не надо шелестеть языком, когда не спрашивают!

И он со злости ударил его наотмашь костяшками пальцев. У водителя в глазах почернело, и он на секунду даже потерял управление машиной. Хан вернулся в скорлупу задумчивости и даже закрыл глаза.

Глава 11

Тайная премия

За месяц до своего совершеннолетия внук и тёзка старика Полянского поступил в автошколу. За городом, на каком-нибудь безлюдном перегоне, дед частенько сажал его за руль, чтобы Антон осваивал навыки вождения и набирался опыта. Да в городе он бы и не сел в древнюю «шестёрку»: ребята засмеют. Зато в пустынных местах кататься было одно удовольствие. Машина работала с металлическим лязгом, по-честному, без прикрас. Руль без усилителя требовалось крутить с усилием, а не поворачивать пальчиком, как повсеместно это стали делать девочки, параллельно разговаривая по телефону и поправляя в зеркале причёску.

Во всей этой доисторичности Антон Викторович видел самую суть взаимоотношений человека и техники. По его убеждению, спасать должны не новомодные системы безопасности, а, в первую очередь, голова водителя. «Тут за тебя никто ничего не сделает – ты сам хозяин своей судьбы! – философски замечал дедушка, нежно похлопывая руль. – Тут тебе волей-неволей придётся держать дистанцию, чтобы не врезаться во впереди идущую машину, на АБС надеяться не придётся, потому что её тут нет».

Все эти старческие причуды, в целом, не раздражали Антона. Он соглашался с дедом в том, что учиться лучше на «чистом» автомобиле, которые вместо тебя не тормозят, не газуют и не поворачивают. Но себе-то в будущем молодой человек, конечно, хотел что-нибудь мощное, резвое, эффектное. Чтобы и девчонок подвозить можно было с шиком, и на трассе задать жару. Но пока Антону предстояло только готовиться к экзаменам, когда случилось известное несчастье.

Кто знает, чем бы закончились первые недели после убийства дедушки, если бы парня не поддерживала Марина. Можно сказать, она безо всяких преувеличений удержала его от непоправимых действий. И явно поспособствовала тому, что из лечебницы молодого человека выписали не через месяц, а всего через неделю. В университете и автошколе он сказался больным, обещал навер-

стать всё упущенное, договорился о переносе практических занятий по вождению. Благо родителям удалось получить от лечащего врача справку с мягкой формулировкой, что у Антона Дмитриевича Хохлова случилось «нервное расстройство после смерти близкого родственника». В медицинской карте в итоге вообще не было сделано никаких записей, так что полученная справка из диспансеров для ГАИ оказалась действительной. А на кафедре и в автошколе люди были понимающие, ещё бы: у парня деда расстреляли посреди бела дня. Никто лишних вопросов не задавал, а разговоры, что было легче всего, переводили в учебную плоскость, так что можно сказать, что обучением только и спасался Антон от мрачных мыслей.

Причём в правила дорожного движения он ушёл настолько с головой, что буквально выучил все ответы на тестовые вопросы, а также все пункты административного кодекса, касающиеся вождения. Вскоре Антона начали ставить в пример, в том числе и инструкторы. Парень прямо по ходу движения комментировал, какие знаки он видит, до какого предела нужно сбросить скорость и почему, какие потенциальные опасности существуют и насколько оштрафуют за зафиксированное нарушение.

Никто не знал, что по вечерам Антон запирается у себя в комнате и плачет по целым часам, чтобы всю ночь так и не заснуть и встать в пять часов, чтобы пробежать по стадиону пять-шесть кругов. С Мариной он разговаривал до полуночи или до часу ночи, когда она совсем ложилась спать. После чего смотрел в стену и пытался разломить голову руками. Ему не верилось, что со стоящей на столе фотографии ему улыбался *покойный* дед, ведь здесь он такой живой и радостный. Ему хотелось взять нож и лично перерезать глотку каждому из тех подонков, которые открыли стрельбу по его любимому деду. На шестом круге пробежки кровь из этих мразей переставала вытекать, и Антон шёл домой принимать холодный душ, который бы смыл с него пот, кровь убитых врагов и боль утраты. Душ смывал только пот.

Наконец, настал день практического экзамена в автошколе. Теорию Антон сдал без единой ошибки, теперь предстояло доказать, что он в достаточной сте-

пени владеет навыками вождения, чтобы стать полноправным участником дорожного движения. Несмотря на невероятное волнение, которое парень никак не мог преодолеть, все задания он выполнил безукоризненно, и даже не без гусарства. Змейку проехал и вперёд, и назад, причём в конце применил полицейский разворот. Хорошо ещё, что манёвр был выполнен без визга шин, иначе даже такой либеральный гаишник, как принимавший в тот день экзамен, направил бы парня на пересдачу. Но этого не случилось, и после пары часов ожидания Антон Дмитриевич Хохлов вышел из здания ГАИ с водительскими правами.

А задолго до этого, практически сразу после того, как молодой человек сдал практику, к нему подошёл богато одетый мужчина и после поздравлений с успешной сдачей сделал ему неожиданное предложение:

– Знаете, я как раз ищу себе личного водителя. Обычно я выбираю среди кандидатов со стажем от десяти лет, но сейчас увидел, как ответственно вы подошли к сдаче экзамена, и подумал: а что если предложить работу вам? Езжу я немного, в основном по городу. Лихачить не люблю сам и не заставляю своих водителей, так что если вы хотите набраться опыта и подзаработать – можете начать хоть сегодня.

Антон с недоверием посмотрел на незнакомца и хотел было что-то ответить, но тот предупредил его настороженность:

– О, я знаю, о чём вы подумали. Спешу вас уверить: я люблю исключительно женщин! Точнее, *одну женщину* – мою супругу, у нас трое детей, и мы счастливы в браке. Так что не ищите подвоха: его здесь нет. Если захотите попробовать свои силы – держите мою визитку, здесь телефон, позвоните мне.

Он попрощался с Антоном и направился прочь, но спустя пару шагов остановился и заметил:

– А здесь я потому, что ставил на учёт свою новую машину! – Он указал жестом на новенький, вычищенный воском до блеска иссиня-чёрный седан. – Это чтобы у вас развеялись последние сомнения, как я здесь оказался.

Он подмигнул парню, сел в кожаный салон нежного бежевого цвета и неторопливо поехал по своим делам.

В тот день Антон отмечал получение прав и впервые после смерти бабушки казался если не счастливым, то хотя бы не убитым горем. Вдвоём с Мариной они пошли в кафе, ели роллы и даже заказали сакэ. Марина периодически массирует возлюбленному шею и трапециевидные мышцы: Антон частенько жаловался, что они у него болят. Ещё они спели в караоке и пешком прогулялись до дома, как на школьный выпускной.

Среди ночи Антон проснулся. Незаметно освободившись из объятий любимой, он вышел на балкон и долго смотрел вдаль, словно наутро ему предстояло отплыть в другую часть света на несколько лет. Рассвет парень встретил сидя в кресле и глядя в окно, в фильме «Леон» точь-в-точь так спал герой Жана Рено, только в тёмных очках, а Антон был без них.

– Ты что? – спросонья спросила Марина, увидев сквозь ворочанье в одиночестве, что её любимый сидит одетый в кресле и смотрит вдаль.

– Ничего! – Впервые за долгое время он улыбнулся той улыбкой, которая не сходила с его лица всё то время, какое она знала его, до смерти бабушки. – Проснулся и сижу. Думаю вот на работу устроиться.

– На работу? – Марина зевнула. – А не рано ли? И как же институт?

– Рано, – ответил Антон, который понял вопрос слишком буквально и взглянул на часы. – Но я подожду ещё немного и напишу смс-ку. Мне вчера один бизнесмен работу предложил, водителем.

Марина зевнула и буркнула что-то невпопад.

– Ладно, ты спи! – он подошёл, чтобы накрыть её одеялом, и поцеловал в щёку. – Я пойду пробежусь, ладно?

– Угу.

Антон переоделся и отправился на стадион на пробежку. По пути он набрал сообщение на номер, указанный в визитке. Спустя полчаса, несмотря на то, что ещё не было семи, пришёл ответ: «Ул. Фрунзе, 14А, подъезд 3. Подъезжай к 8:30».

В половине девятого Антон пришёл по указанному адресу. Оказалось, это обычный жилой дом со множеством машин, припаркованных во дворе. Одна из них моргнула парню фарами, а в дополнение вчерашний незнакомец приветливо махнул рукой из окна. Антон растерянно кивнул в ответ и сел на пассажирское место, согласно тому, как ему жестом указал мужчина.

– Привет! – улыбнулся и протянул ладонь для рукопожатия наниматель.

– Здравствуйте!

– А ты ранняя пташка! И правильно: кто рано встаёт – тому Бог подаёт.

– Мне не привыкать, – не без смущения признался Антон. – У нас первые пары в 7:45 начинаются, приходится рано вставать.

– Ну да, родной «Политех»? А знаешь, почему в 7:45?

Антон удивился вопросу и отрицательно качнул головой.

– Потому что институт ещё до войны появился и тогда выпускал в основном инженеров на оружейный завод. У них рабочий день начинался в 8 утра. Студентов же решили приучать к порядку, что называется, с запасом: если к семи сорока пяти опоздаешь, то к восьми точно придёшь. Что ж, будем знакомиться? Меня зовут Василий Васильевич Арсеньев, я психотерапевт.

На этих словах Антона заметно передёрнуло, но он постарался сохранить самообладание и представился в ответ:

– А я – Антон Хохлов.

– Очень приятно, Антон!

Мужчина вежливо, но искренне улыбнулся и продолжил:

– У меня своя студия, где я провожу обучение и мастер-классы. И есть обычная практика, где я выправляю мозги людям, оказавшимся в различных жизненных ситуациях. Клиентура у меня богатая, гоняться за лишним рублём надобности нет. Поэтому, как я и говорил, много разъездов не предвидится. А водитель мне нужен потому, что я могу слишком сильно сконцентрироваться на определённой проблеме, «задуматься», как в народе говорят, и въехать кому-нибудь в зад. Чего мне, конечно же, не хотелось бы, поскольку ты видишь, какой у меня автомобиль.

Он поневоле замолк, потому что уже выезжал на оживлённый проспект и был вынужден вклиниваться между машинами.

– Мои условия простые. Ты будешь работать с девяти до шести по будням. Всё свободное время можешь делать, что хочешь, обычно я знаю, когда и куда мне понадобится поехать, так что буду тебе сообщать заранее. Бензин, ремонт и обслуживание машины, естественно, с меня. Устроить тебя я предлагаю как сотрудника моей студии, с белой зарплатой тридцать пять тысяч в месяц плюс премия. Трудовая есть?

– Нет, – признался, ошарашенный, парень, потому что названная сумма прозвучала для него, как если бы ему предложили миллион.

– Заведём. Зарплата будет выплачиваться дважды в месяц – десятого и двадцать пятого числа. Что касается премий, то я слышу в определённых кругах оригиналом, поэтому премии могу выплачивать за всё что угодно и хоть каждый день. Например, ответь мне: куда мы сейчас едем?

– К Вам на работу? – предположил Антон.

– Неправильный ответ. Мы едем вписывать тебя в страховку, чтобы ты мог управлять автомобилем на законных основаниях. Вот так ты упустил тысячу рублей.

– То есть правильный ответ – это тысяча рублей?

– Ну да! – просто ответил Арсеньев.

– Тогда спросите меня ещё о чём-нибудь!

– О, да ты бесёнок! – рассмеялся психотерапевт. – Каждый день слишком уникален, чтобы искать ответ более чем на один вопрос. Но твой задор мне нравится. Тебе нужны деньги или у тебя есть цель?

На этот раз Антон призадумался, торопиться не стал.

– Мне нужны деньги и у меня есть цель.

– Молодец! – одобрил Василий Васильевич. – Так и надо. Ты только удостоверься, что цель именно в том, что тебе по-настоящему нужно. В жизни существуют два взаимоисключающих парадокса: мечты действительно сбываются и сбывается именно то, что тебе действительно нужно, а не то, о чём ты

мечтаешь. К счастью! Потому что если бы у меня сбылось то, о чём я мечтал в шестнадцать, то я бы ездил на чёрной девятке за костромским серебром и проигрывал навар в закрытом карточном клубе. Слава Богу, что жизнь, как песок, сама фильтрует наши желания в том, что нам действительно нужно.

Они быстро переоформили полис в страховой, где у Арсеньева был знакомый агент, и хозяин сразу усадил молодого человека за руль. Антон прикоснулся к педали газа, и мотор зарычал восемью злыми цилиндрами. Василий Васильевич улыбнулся юношескому азарту при этом звуке и назвал адрес своей психотерапевтической студии. Новый водитель осторожно выехал с парковки и неторопливо покатил по утреннему городу навстречу своему первому рабочему дню в шикарном автомобиле.

Когда они прибыли к месту назначения, Арсеньев провёл обзорную экскурсию своей студии и отвёл Антона к бухгалтеру, которая выдала молодому человеку договор на прочтение и подпись, сняла копии с паспорта нового работника и записала его данные в новенькую трудовую книжку, которую специально приготовила к его приезду.

– Поздравляю, Антон Дмитриевич! – весело протянул ему руку Арсеньев.
– Вы приняты на работу.

Он посмотрел на часы и произнёс:

– Сейчас половина десятого... Я буду занят до часа дня. Пока можешь попробовать машину в действии, только не лихачь! В час жду тебя здесь.

И он скрылся за исписанной всеми цветами радуги дверью с надписью «Идёт сеанс». Антон вышел на улицу и, ещё не до конца понимая, что с ним происходит, стал ходить вокруг «своей» машины. В этот момент из-за угла выбежал запыхавшийся мужчина с дорожным чемоданом наперевес. Он глядел по сторонам во все глаза и явно искал такси.

– Молодой человек, вы меня не довезёте до вокзала? – жалобно попросил он, видя, что Антон стоит возле машины без дела. Парень сначала отказал, а потом – под напором опаздывавшего мужчины и вследствие собственных меркантильных прозрений – подумал: «А что? это неплохая идея! Времени много,

машина под боком...». И он впервые во взрослой жизни стал что-то делать тайком.

Глава 12

Похищение

У капитана Самохина сегодня было отличное настроение. Суд принял сторону обвинения по давнему делу и полностью удовлетворил требование следователя осудить подозреваемых в хищении бюджетных средств на сроки от пяти до двенадцати лет лишения свободы. Дело Полянского тоже продвигалось. На Самохина, правда, оказывалось давление с разных сторон, однако он всегда, в том числе на камеру перед журналистами, озвучивал твёрдую позицию осудить виновных несмотря ни на какие препятствия. А это в его случае было лучшей защитой от возможных покушений.

Наконец, главное, из-за чего Самохин весь день не мог усидеть на месте – выпускной в детском саду у его сынишки. Костюмированное представление, чтение стихов, подарки родителям – всё это даже несколько волновало капитана, на что уж был непробиваемый следователь, а тут изнывал от предвкушения. Поэтому и в садик приехал не в четыре, когда было запланировано начало, а за пятнадцать минут. Поздоровался со всеми, торжественно прошествовал в импровизированный зрительный зал и занял место в первом ряду. Правда, реакция воспитательниц показалась ему несколько странной. Поэтому он не поверил своим ушам, когда к нему подошла целая делегация, и заведующая детским садом спросила у Самохина:

– Вячеслав Игоревич, вы всё-таки передумали улететь сегодня?

– Куда улетать? – не понял Самохин.

– Как куда – в Сочи! – удивлением на удивление ответила заведующая.

Капитан Самохин почувствовал беду.

– Так, давайте по порядку! – он встал и взял побелевшую женщину за плечи. – С чего вы взяли, что я куда-то улетаю. Расскажите всё, что было, по минутам!

– А что рассказывать? – срывающимся голосом начала заведующая. – Я думала, вы в курсе. По крайней мере, полицейский так сказал, что от вас...

– Какой полицейский? – Самохин начал терять терпение и встряхнул докладчицу.

Та перепугалась ещё больше, ведь инцидент произошёл в её смену – а сомнений в том, что это был именно инцидент, оставалось всё меньше, – и начала сбивчиво восстанавливать ход событий:

– Без пятнадцати восемь, примерно, пришла ваша жена, с Артёмом. Они только стали переодеваться, как ко входу подъехала полицейская машина. Из неё вышел сотрудник – и сразу к вашей супруге. Говорит: Вячеслав Игоревич просит срочно отвезти вас в аэропорт. По секрету сказал, что приготовил сюрприз – отдых в Сочи. Что ничего с собой брать не надо, сказал. Что всё приготовил. Я так поняла – он всё это, чтобы не беспокоилась ваша супруга. По имени её назвал: Ольга Анатольевна, пора ехать, регистрация скоро.

– И они поехали с ним?

– Конечно, поехали: от вас же машина! На ней ещё написано было: Привокзальное РОВД. Это же ваше?

– Дальше что? – Самохин снова встряхнул заведующую за плечи.

– Ничего д-дальше, – от страха бедная даже заикнулась. – Сели и уехали. Сотрудник ещё предупредил, что в самолёте мобильной связи не будет, чтобы мы не переживали, если до вас не дозвонимся.

– Ну а вы что?

– Ну а мы что – зачем нам звонить вам, если вы сами жену с ребёнком забрали!

– Сам забрал!? – рассвирепел Самохин.

– Ну откуда нам было знать! – на глазах у заведующей выступили слёзы. – Приехала полицейская машина с мигалкой, сказали, что от вас, всех по именам назвали.

Самохин, наконец, выпустил невинную жертву из рук и начал набирать номер в телефоне.

– Номер машины запомнили? У вас здесь есть камеры видеонаблюдения? А на соседних зданиях? Алло! – приказным тоном заговорил он в трубку. –

План «Перехват», ищем патрульную машину ППС, поддельную! Проверяем все наряды! Кого ищем? Мою жену и ребёнка. Самохина Ольга Анатольевна, двадцать четыре года, блондинка, волосы по плечи. Из особых примет – небольшой шрам над бровью. Ребёнок – мальчик пяти лет, русский. Похитители забрали его из детского сада на Кузнецком переулке, около семи сорока пяти. Да, утром! – подтвердил в трубку капитан. – Скорее всего, машину уже отогнали в какой-нибудь гараж, но в сводку дать! В первую очередь ищем женщину с ребёнком! В том числе в составе групп – они могут быть с мужчиной, с людьми, похожими на бабушку и дедушку, с другими детьми – обращаем внимание на всех!

Следователь перебежал дорогу и за считанные секунды доходчиво объяснил менеджеру магазина, что записи с видеокамер должны быть у него *прямо сейчас*. Руководитель обещал немедленно прислать специалиста, который предоставит все необходимые материалы. И пока тот в срочном порядке ехал, Самохин вернулся в детский сад и приказал заведующей одеваться.

– Поедете со мной, будем составлять фоторобот!

Казалось, во всех действиях капитана не было ни доли переживания относительно судьбы своей жены и детей. Однако он, как никто другой, знал, что их жизнь всецело зависит от того, насколько оперативно он предпримет нужные и правильные действия. Но в душе у него клокотал огонь. Гораздо комфортнее он бы чувствовал себя в ходе военной операции, когда вокруг свистят пулемётные очереди. Но, к сожалению, ему достался куда более трудный путь.

Капитан понимал, что время упущено неумолимо. На это и был расчёт похитителей – выиграть как можно бóльшую фору, ведь за прошедшие восемь часов они могли спрятать заложников куда угодно и подготовиться к дальнейшим действиям. Правда, Самохин до конца не понимал, чего хотят неизвестные и каким образом они ему сообщат о своих требованиях. Ушло ещё пару часов на получение и изучение записей с камер видеонаблюдения и на составление фоторобота. Предполагаемый портрет похитителя немедленно разослали по всем

подразделениям области, а также передали во всероссийскую сводку. Мужчина лет тридцати пяти показался Самохину смутно знакомым.

На записи удалось разобрать номер подставной машины. Его также разослали вместе по всем отделениям. Оказалось, что это простой дубликат: точно такой же номер установлен на полицейской машине, зарегистрированной в Скуратовском районе. Тот автомобиль в течение дня не покидал служебной стоянки за отсутствием происшествий. Самохин лично позвонил в местное РОВД и с пристрастием допросил участкового, который клятвенно заверял, что машина никуда не выезжала весь день. В подтверждение чего прислал фотографию припаркованного «Уазика». После этого все сомнения в истинности его показаний отпали: похититель приехал за жертвами на «Форде».

Капитан Самохин использовал все свои ресурсы и надавил на все имевшиеся у него рычаги, чтобы поднять на уши всех, кого было можно и нельзя. Из главного управления прибыл полковник, которого назначили руководителем спецоперацией по поиску похищенных, так как Самохин приходился им прямым родственником и не мог возглавить это дело. В следственный комитет сразу съехались полторы дюжины ведомственных машин, здесь организовали настоящий штаб по ведению поисковой операции и розыску преступников. Все готовились к долгой ночи и, возможно, несколькочдневным мероприятиям, как в кабинете Самохина раздался телефонный звонок.

– Здравия желаю! Лейтенант Васильев, Синегубовское РОВД Чернореченского района, – представился до невозможности грубый бас, как будто это был спитой шестидесятилетний корсар. – Могу я поговорить с капитаном Самохиным? У меня есть информация по разыскиваемой машине.

– Капитан Самохин на связи, лейтенант! Докладывайте, что у вас?

– Автомобиль был замечен сегодня около десяти часов утра. Он проехал со стороны деревни Хитрово и назад не возвращался. А дальше у нас нет асфальтовой дороги, только грунтовая, но её размыло, легковушка там не пройдёт.

– Номера те же, что в сводке? – Самохин успел поставить звонок на громкую связь и жестом уже отдал приказание, которое подчинённые поняли без

слов: собираться в рейд. Сейчас же следователь уточнял детали, чтобы не принять информацию за обманку.

– Номера не записал, виноват! – признался лейтенант.

Впоследствии выяснится, что ему всего двадцать один год, но по голосу он казался прожжённым головорезом. То ли от этого впечатления, то ли от осознания выполнения прежде всего долга, а уж потом – разбора полётов, но Самохин никоим образом не собирался распекать лейтенанта за невнимательность. Тем более что ни в уставе, ни в должностной инструкции нет такого пункта – записывать номера всех проезжающих полицейских.

– Тогда с чего вы взяли, что это именно та машина? – на этом вопросе спецгруппа задержалась в дверях, но следователь замахал на них руками: езжайте!

– «Форд» же! – пояснил Васильев. – С проблесковыми маячками. У нас в районе таких вообще нет. Кроме того, она *туда* проехала, а *назад* – нет. А в сводке как раз поддельных пэпээсников ищут – как же мне не сообщить вам? Лучше уж я ошибусь и вас по ложному следу пушу, чем промолчу!

– Благодарю за бдительность! – ответил на это Самохин. – В вашем отделении есть ещё кто-то, кроме вас? Есть? Отлично! Оставьте его в РОВД, пусть дожидается нашу группу, мы уже выехали. А сами, лейтенант, езжайте до конца деревни и обратно. Желательно предлог какой-нибудь найти – алкаш где-то на окраине забуянил или молодёжь балуется. Одним словом, чтобы естественно выглядело, что вы по пустяковому делу выехали. А сами присмотритесь – не спрятана ли где машина? нет ли чего подозрительного? может, вам кто-то сигнал подаст, что помощь нужна? Понятно? Спасибо, лейтенант, полагаюсь на тебя!

Самохин повесил трубку и сам бросился к выходу, чтобы лично долететь до деревни и разобраться, что к чему.

От пункта нахождения капитана до места удержания его семьи отделяло более ста километров, однако в сопровождении дорожных полицейских с включёнными мигалками весь кортеж добрался до никому неведомой деревни

минут за сорок. На въезде в деревню, правда, пришлось подождать проезжавший мимо шлагбаума поезд – тут уж никуда не денешься. Зато когда состав промчался, никто манерничать не стал: дежурному чуть ли не под прицелом пистолетов было приказано опускать металлические заграждения и поднимать шлагбаум.

К этому времени к местному отделению полиции уже успели прибыть оперативники, выехавшие по первому сигналу Самохина и опередившие поезд, задержавший всех остальных. Правда, около самого отделения прибывшую делегацию никто не встретил. Только безусый курсант, завидев целый кортеж с мигалками, бросился им навстречу и замахал руками, чтобы оставляли машины здесь и двигались дальше пешком. Самохин, следовавший непосредственно за машиной ДПС, этому призыву не внял, объехал гаишников и попылился вперёд, надеясь ещё издали заметить место, где держат его семью, и освободить родных, как если бы гусар отвоёвывал родную деревню у французов в двенадцатом году.

Буквально через несколько домов показался двор, окружённый прибывшими чуть ранее полицейскими. Один из них прятался за салон патрульного экипажа и увещевал отпустить заложников, второй охранял задний выход из дома, к полям. Самохин, очевидно, бесконечно веривший в свой авторитет перед лицом преступности, на скорости подскочил к забору, выбежал из салона, забрал у переговорщика рупор и приказал в него:

– Выходите с поднятыми руками, немедленно! В случае неповиновения работает снайпер в доме напротив! Вам не уйти! Кладите оружие и выходите один, с поднятыми руками!

Нависла тяжёлая пауза. Спустя целую вечность – четверть минуты или даже больше – голос из дома объявил:

– Мы так не договаривались!

И совсем детский голос:

– Папа!

Вслед за этим раздался один выстрел, второй, третий. Всё смолкло. И все вокруг застыли на своих местах. Первым из оцепенения вышел назначенный главным в спецоперации полковник Литвинов. Он приказал забрать у Самохина табельное оружие и не спускать с него глаз. Сам же решительно прошёл в запертую калитку, выбил дверь плечом и вбежал в горницу. В центре комнаты лежал здоровый мужик с разнесённой напополам головой, в его руке дымился пистолет. У стены, под деревянной лавкой, лежала молодая женщина. Из груди у неё вырывался пар и текла на пол кровь. Из рук она выронила маленького мальчика с маленькой дырочкой в районе живота. Все трое лежали, как будто их загримировали для фильма и строго-настроено приказали не двигаться.

Полковник отшатнулся назад и отдал приказ не впускать никого, кроме тех, кого он сам дозволит впустить. Самохина он приказал обездвижить любой ценой, потому что капитан уже врывался в дом и требовал пропустить его внутрь. Дородный майор, который обычно умирнял тюремные бунты, ударил Самохина под колено, добавил кулаком в солнечное сплетение, и после этого пятеро бойцов бросились на капитана, чтобы тот не разнёс дом, деревню, а вместе с ними не истребил десятки ни в чём неповинных людей.

– Что там? Что там? – хрипло требовал ответа Самохин, преодолевая парализующую боль от удара в живот.

Из жалости майор размахнулся кулаком и вырубил капитана, чьих жену и ребёнка только что застрелили в упор.

Глава 13

Руины

– Ты debil, скажи мне? Нет, ну серьёзно: вот, оценивая ситуацию, которую ты видел, и то, что написал здесь, – ты можешь мне ответить честно: ты debil?

Огромный мужчина в белом халате размахивал кулаком размером с буханку, пока в другой руке держал лист бумаги с написанным на нём текстом. Дюжина практикантов жалась к стене, лишь бы быть подальше от распекаемого студента, который в отчёте написал явный бред. Врач психиатрического отделения надел очки и зачитал часть его выводов:

– «В поведении пациента наблюдаются волнообразные психозы, характерные для лиц, симулирующих симптомы психопатологий, например, для уклонения от военной службы». Ты в курсе, за кем вы все сегодня наблюдали? В курсе?

– Нет, не в курсе, – твёрдо ответил «виновный». – Смысл наблюдения в том и заключался, чтобы мы ничего не знали о пациентах.

– Молодец! – с долей сарказма согласился врач. Он взглянул на листок бумаги и уточнил: – Как тебя там? «Заусалин К.». К. – это кто?

– К. – это Константин Дмитриевич! – за бравадой студента скрывалась уверенность в собственной правоте и полное, принципиальное отсутствие страха перед инквизитором.

– Константин Дмитриевич, значит? У-у! А ты в курсе, что это капитан полиции, у которого есть боевой опыт в горячих точках? И на глазах которого преступник расстрелял его семью? Жену и сына пяти лет. Сейчас ты повторишь то, что написал? – Доктор снова нацепил очки и зачитал цитату: – «эмоциональное самонакручивание по типу римских плакальщиц, игра на публику, в том числе попытки нанесения себе физических увечий, периоды диссоциативных расстройств». И вот ещё, внимание: «естественная реакция на введение седативных препаратов»! А какая она должна быть, реакция? Неестественная?

– Когда у человека горе, он может выпить литр водки и быть ни в одном глазу. А ему ввели всего сто миллиграммов аминазина, и его срубило, как топором. Не триста, не шестьсот! – настаивал на своей позиции Заусалин, – а всего сто миллиграммов. Да если мне такую дозу дать, я смогу ещё нормативы ГТО сдать.

Студент, действительно, был крепко сложен, как говорят в народе: как бык. Такого и санитары еле удержат, даже если ему укол сделать, поэтому в озвученное заявление верилось вполне. Только вот в плане диагностики доводы практиканта только выводили руководителя из себя.

– Да я бы тебе прописал галоперидол или клозапин, чтобы успокоить твои галлюцинаторно-бредовые фантазии!

Остальные студенты рассмеялись, но тут же приняли серьёзное выражение, потому что врач буквально метал громы и молнии.

– Нормативы он сдаст! Ты лучше зачётку в деканат сдай и не возвращайся больше! Представляю, как ты пациентов лечить будешь! Да ты в первую неделю кого-нибудь угробишь!

Заусалин не сдавался.

– Вы говорите обидные вещи. А между тем вы сами просили практиковать принцип объективности и непредвзятости. Я наблюдал за поведением пациента, ничего не зная о том, кто он такой и почему сюда попал. Изложил свои выводы. А они вам не понравились, потому что не совпали с вашей точкой зрения.

– С какой точкой зрения? – не понимал руководитель практики. – Если человеку на производстве оторвёт ногу, и он станет кричать от боли, – ты тоже скажешь, что он уклоняется от армии? Ну ты сам-то себе веришь?

Врач, по всей видимости, решил проверить: может быть, его студент действительно говорит всё это всерьёз?

– Теперь, после того, как узнал истинную историю?

– Даже теперь я не отказываюсь от своих слов! – объявил горе-студент. – Передо мной был объект психологического наблюдения, я его исследовал и

сделал свои выводы. Если они вам не нравятся, это ещё не означает, что мои суждения ошибочны.

Врач поджал губы, как будто спорил не со студентом, а с пациентом, которого невозможно ни в чём убедить, и махнул рукой.

– Да тебе самому лечиться надо! – уже ничего не скрывая, наконец, выпалил он. В этот момент в кабинет молча и не привлекая лишнего внимания вошёл Арсеньев. Он был лично знаком с врачом и даже, бывало, набирал себе в разные годы стажёров из числа проходивших практику. – И самое страшное – что сложнее убедить десять твоих преподавателей в твоей неадекватности, чем вылечить тебя самого!

Василий Васильевич, видя, что ситуация выходит из-под контроля, с поднятым забралом бровей ухватил доктора за плечо и буквально оттащил его в сторону.

– Всё, всё! – проникновенно произнёс он и жестом приказал практикантам немедленно уходить. – Все студенты вышли на перерыв, через полчаса они вернутся подписать рецензии, а пока можно отдохнуть, присесть, попить водички.

– Да какой водички! – выдохнул врач, еле дождавшийся, пока все вышли. – С каждым годом всё хуже и хуже! Скоро уже совсем клинических имбецилов начнут принимать! Представляешь: один утверждает, что Самохин – симулирует! Это тот самый, которого после стрельбы сюда привезли.

– Серьёзно? – явно заинтересовался Арсеньев, но тут же постарался скрыть вспыхнувший азарт. – Это что за студент такой?

– Заусалин, – как будто представил его доктор и уточнил: – Константин Дмитриевич! Они скоро по отчеству-отчеству начнут представляться, не знаю, как этот новый термин можно будет обозначить...

– По дедчеству?

– Ну да! – ухмыльнулся врач. – Арсеньев Василий Васильевич... как тебя по дедчеству?

– Амвросиевич, – сообщил гость.

– Серьёзно? – удивился собеседник. – Твоего отца звали Василий Амвросиевич? Боюсь спрашивать, кто ты по прадедчеству.

– Вот и не спрашивай, если боишься! – постарался переменить тему дед Василий. – Ты лучше скажи, это тот самый опер, которого по новостям показывают?

– Самохин-то? Ну да, – кивнул доктор, загорелся и вновь обратился к отчёту студента. – И вот скажи мне: как тут можно диагностировать «самонакручивание по типу римских плакальщиц»? Это ещё надо извернуться такую формулировку найти!

– Да понятно всё, что говорить! – согласился Арсеньев. – А в целом какие у него перспективы?

– Да вышвырнут его к чёртовой матери на ближайшей сессии! – в гневе негодования выпалил врач.

– Да не студента – капитана этого! – Арсеньев даже не сразу понял, о чём это собеседник.

– А, капитана? – доктор успокоился и даже вздохнул. – Не пощадил его приступ, конечно. В лучшем случае – полгода в стационаре под наблюдением. Если психически целым выйдет из этой истории – ещё год на адаптацию. О служебной карьере в любом случае можно забыть, но у меня есть большие сомнения о его состоянии в целом. Слишком сильно он удар переносит, может переломиться и тогда здесь и останется. Я имею в виду – в лечебном заведении, не обязательно здесь конкретно. Печально всё это! Сколько ни работай с такими случаями, а всё равно сердце сжимается, когда видишь такие примеры. В самом расцвете, молодой даже ещё человек, а остаток дней может провести как тень...

– Да, печально! – согласился Арсеньев и скорбно помолчал. – Но я к тебе по другому вопросу. Ты не хочешь прочесть у нас в студии минилекцию о зависимостях?

– Зависимостях? – удивился доктор. – Это тебе лучше нарколог подойдёт, я-то что могу рассказать?

– В том-то и дело, что у нас речь пойдёт не только и не столько о наркотической зависимости, сколько о психоэмоциональных факторах любой аддикции.

– Ну хорошо! – улыбнулся врач, прекрасно понимавший, что дед Василий в данном случае хотел ему польстить. – Только мне нужно время, чтобы подготовиться!

– Разумеется! – согласился Арсеньев, с готовностью кивнул и поднял верх ладони, как будто над ним одержали верх. – И, конечно же, традиционная оплата за экспертный взгляд и эксклюзивные примеры из практики.

Доктор хитро прищурил глаза и весело ухмыльнулся, прежнее его раздражение понемногу прошло.

– Покупаешь ты меня, Вася, как проститутку! – пожаловался он.

– Как элитную проститутку! – горячо поддержал его Арсеньев. – Которой не жалко и втрое заплатить, потому что оно того стоит!

– Ах ты мой всесоюзный козёл! – рассмеялся доктор, который развеселился после усердного распекаания студента.

Дед Василий сразу вспомнил фильм, в котором Петренко, игравший Сталина, называет так Михал Иваныча Калинина, по книге «Серго из Чегема». Но также Арсеньев всегда хранил в памяти принцип Штирлица: в разговоре всегда запоминается последняя фраза, какую бы мелочью она ни была. Кроме того, ему хотелось сделать приятное собеседнику, который бы просветил его незнание, но так, чтобы это выглядело естественно...

– Всесоюзный козёл? Это Бухарин, что ли, после конфликта с Лениным? – придумал на ходу дед Василий и занял выжидательную позицию: почувствует врач подвох или нет.

– Близко, но – нет! – поучительно сообщил доктор, маленькая махинация прошла гладко. – Так Сталин Калинина назвал, когда тот целоваться с ним захотел. «Серго из Чегема», классику надо знать, товарищ Арсеньев!

– Виноват, исправлюсь! – с готовностью подтвердил дед Василий. – Видишь, как полезно общаться с умными людьми: хоть мелочи какой, но научат.

– Ладно, иди уже, «мелочи»! – за время разговора у врача поднялось настроение: он светило науки и просветил, и поддел его так, что тот на попятную пошёл и стал нелепо оправдывать собственное незнание. Дед Василий, в свою очередь, считал свою миссию выполненной: теперь, если доктора спросят, зачем он к нему приходил, тот ответит: чтобы пригласить на лекцию и узнать, как Сталин называл Калинина.

С этим ощущением успокоения Арсеньев вышел на улицу и набрал номер.

– Алло, добрый день, Тимур Керимович! Капитан Самохин больше не жилец. Он не сможет вести дело ни как следователь, ни как свидетель, и вероятно, его признают невменяемым и отправят на принудительное лечение.

– Отлично, спасибо! – ответил Хан и повесил трубку. В это время он знакомился в вольере с соколом, приобретённым для охоты в личном лесном хозяйстве. Птица оказалась прекрасной и сразу понравилась хозяину. Но в полной мере получить удовлетворение от разглядывания пернатого хищника на руке и в небе мешала именно неизвестность с Самохиным.

Вообще, история вышла мутная. Хан, как ему представлялось, выразился вполне ясно и определённо, что жену капитана следовало только припугнуть. Зачем Дюжий (тот самый, который в своё время упустил Полянского на трассе) повёз её с сыном в область, по-прежнему оставалось загадкой. Хорошо ещё, что он числился охранником на таможенном складе, иначе бы на Хана в два счёта вышли. И хорошо, что грохнули, а не ранили, а то бы ещё и наболтал чего... Но даже и в этом случае у прокуратуры будет больше вопросов, чем ответов: зачем потребовалось похищать семью следователя? кому это выгодно? почему в результате все оказались мертвы? Какой-то бедлам – не иначе.

Но теперь, когда прояснилась судьба по крайней мере одного из действующих лиц, капитана Самохина, у Хана отлегло от сердца. И сокол ему показался вдвое краше прежнего, и настроение улучшилось, так что даже подраться с кем-нибудь захотелось.

– Михаил Дмитриевич, – обратился он к начальнику службы охраны, передавая птицу сокольничему, – ты ещё драться не разучился?

– Никак нет, – не удивился этому вопросу тот, но насторожился.

– Тогда приказываю тебе вмазать мне хорошенько, если получится!

И с этим напутствием Хан сам замахнулся и без предупреждения вломил оппоненту хук в челюсть, так что тот отшатнулся и чуть не упал, хотя комплекции был массивной. Недолго думая, Тимур Керимович развернулся на месте и нацелился ногой в голову начальника охраны. Тот успел выставить блок и опомнился. Ногой ударил Хана под колено, левым кулаком, как кувалдой, ударил в солнечное сплетение, а правым двинул по уху.

Хан повалился наземь и с полминуты хрипел, пытаясь восстановить дыхание. С помощью других охранников Михаил Дмитриевич поднял начальника и усадил его на лавочку.

– Молодец! – наконец, сипло произнёс Хан. – Всем пример, как надо выполнять приказы начальства! Если бы не ударил – уволил бы! А так – молодец, премию тебе выпишу. Если только ты мне не выбил ту часть мозгов, которая отвечает за память!

Все дружно засмеялись, и конфликт был исчерпан.

Глава 14

Заключение

– Добрый день, Юлия...

– Дмитриевна! – подсказала своё отчество следователь, которую назначили вести дело Полянского после отстранения Самохина.

– Очень приятно! – как довольный кот, улыбнулся Хан. – Значит, вы – подменный следователь!

Юлия Дмитриевна Скопцова, майор центрального комитета, недобро посмотрела на повторно вызванного на допрос свидетеля.

– Подменные бывают автомобили. А я руководитель аппарата юстиции по расследованию дел особой важности. И поверьте мне на слово, вы выйдете из этого кабинета с диаметрально противоположным настроением.

– Правда? – оживился Хан. – С чего бы я должен покинуть стены этого храма справедливости (он обвёл руками вокруг) с плохим настроением?

– Я не сказала, что вы покинете стены этого «храма справедливости», – парировала следователь и повторила движение Хана авторучкой, только по меньшей дуге, не напрягая кисть. – Я говорила, что вы выйдете из этого кабинета.

Тимур Керимович с недопониманием выждал паузу: не добавит ли следователь к озвученной мысли чего-то ещё. Майор ничего не добавила.

– И куда же я направлюсь в таком случае? – с интересом уточнил Хан.

– Из храма справедливости вас сопровождают к карете покаяния, которая доставит вас в покои чистилища, где вы будете пребывать до помещения в келью возмездия. Такие аллегории вас устраивают? Теперь вы улавливаете, что в свои хоромы владычества вы сегодня не вернётесь?

– У вас такие белоснежные зубы, – улыбнулся Хан, – не боитесь обломать о мою шкуру? Меня не один следователь колол, но у меня бронебойная скорлупа и отличные адвокаты. Одному из них, кстати, я сейчас позвоню, чтобы он зафиксировал все ваши «аллегории» как угрозы и давление, оказываемые на свидетеля.

– Во-первых, не свидетеля, а обвиняемого! – осекла его Юлия Дмитриевна.

– А, во-вторых, он вам сейчас сам перезвонит, подождите десять секунд.

Хан в удивлении поднял плечи, но решил досчитать до десяти. Гробовую тишину, действительно, разрезал громовой сигнал телефона. Звонил адвокат.

– Тимур Керимович, вы уже успели что-то сказать?

– Нет, – признался Хан.

– Ничего не говорите, я буду буквально через пару минут!

– Так быстро? Вы за углом, что ли, ждали?

– За каким углом! Я уже четверть часа по встрече несусь, чтобы в комитет успеть, пока дел не наделано! Хан, насторожись! Дело пахнет большими неприятностями, большими! Не говори ничего, дождись меня!

Переход на «ты» и обращение «Хан» от всегда подчёркнуто деликатного адвоката насторожили его более всяких предупреждений.

– Всё просто, – пояснила следователь. – Мой коллега позвонил адвокату в тот самый момент, когда вы вошли в кабинет. Описал ситуацию, тот сразу смекнул, что к чему, и рванул к вам, обрывая телефон. Раз за разом вы были недоступны, потому что в этом кабинете стоит специальная глушилка. Мы отключили её после моего предсказания, что вам перезвонят через десять секунд. Вот вся соль фокуса. Но самое пикантное во всей этой истории в том, что ваш адвокат знает, в чём вы обвиняетесь, а вы сами ещё нет. И я вам не расскажу, пока он не войдёт в этот кабинет и не зачитает мне тираду о нарушении допросов свидетелей согласно Венской декларации. Но это не спасёт вас от того, что вас задержат и в наручниках доставят в изолятор. Конечно, вам будут приносить туда корзинки с сёмгой и французским коньяком, но в камеру доставлять это будет гораздо более проблематично. По крайней мере, в первые недели вашего пребывания там. Впрочем, я умолкаю: дождёмся вашего защитника и всё обсудим.

С этими словами следователь откинулась в кресле и занялась изучением материалов дела с таким отстранённым видом, как если бы читала в газете интервью с никому не нужным чиновником из водоканала о совершенствовании

технологии в области трубопроката. Буквально через минуту в кабинет ворвался мужчина лет тридцати пяти в строгом костюме в белую вертикальную полосу. Как и предсказывала Скопцова, он начал с цитат из Венской декларации о защите прав свидетелей и достал из роскошной сумки для документов, сделанной из рельефной кожи аллигатора, диктофон для записи допроса.

– Наш кабинет, – предупредила его потуги следователь, – оснащён системами аудио- и видеofиксации.

Она взяла со стола карандаш и указала им на микрофон, подвешенный под потолком, и видеокамеру, приютившуюся в углу.

– Согласно приказу министерства за номером двести восемьдесят пять, данные материалы сотрудники аппарата юстиции *обязаны* предоставлять допрашиваемым и их законным защитникам в любом удобном для них формате. Я могу выслать вам записи нашей беседы на электронную почту с официального почтового узла министерства, защищённого протоколом дэ-ким, либо нарезать на диск и предоставить в составе материалов дела для ознакомления. Все материалы, которые будут сейчас зафиксированы, я предоставлю вам в любом удобном формате. Это во-первых.

Скопцова взяла со стола серую папку, вытащила оттуда несколько скреплённых, подписанных и проштампованных листов и продолжила.

– Во-вторых, Тимур Керимович, вы вызваны сюда не как свидетель, а как обвиняемый в заказных убийствах. – Она протянула Хану документ и вслед за ним подала ручку. – Распишитесь в получении.

Адвокат Кодзоева выхватил бумагу и стал внимательно вчитываться в постановление. Следователь в это время сняла трубку телефона и вызвала в кабинет двух полицейских.

– Это зачем? – запротестовал адвокат. – Мой клиент не задержан, и никто не вправе удерживать его без постановления суда!

– Успокойтесь, Борис Александрович! – меланхолично призвала к порядку Скопцова. – Копию постановления суда я предоставлю вам после просмотра

видеоматериалов, подтверждающих причастность Тимура Керимовича к организации убийства двух и более лиц.

– Что это за видеоматериалы! – не внял её призыву адвокат и даже встал от возмущения. – Любые материалы, собранные незаконным путём, я потребую отправить на независимую экспертизу, которая...

– Успокойтесь! – возвысила на этот раз голос следователь. – Господин Орлов, я предоставлю вам все необходимые материалы, документы и заключения экспертиз прямо сейчас! Проявите, пожалуйста, хладнокровие! Я не оперирую доказательствами, собранными неправовыми способами. Если вам интересны подробности, то видео, которое я вам продемонстрирую, записано сотрудником следственного комитета в присутствии полицейских, прокуроров и оперуполномоченных в составе двенадцати человек! Все их показания с подписями лежат у меня здесь.

Она положила ладонь на папку с бумагами.

– Хотя я думаю, что запись сама всё прояснит!

С этими словами она вытащила из ящика стола пульт видеопроигрывателя, направила его на телевизор на стене и нажала кнопку. На экране с секундной задержкой показалась картинка какого-то дома, и спустя эту самую секунду раздался оглушительный вопль Дюжего – того самого наёмного водителя Хана, который увёз из детсада семью капитана Самохина в тот злосчастный день.

– Не заходите сюда! Не заходите, я их обоих застрелю! – кричал мужчина за кадром, но его самого пока не было видно. Истошно вопил ребёнок, которому безуспешно пыталась успокоить рыдающая мать.

У Хана сердце облилось кровью: он сразу узнал, кому принадлежал мужской голос, и догадался – кому два остальных. Вся невероятная тяжесть своего нового положения Ханом была осознана с такой же стремительностью, с какой бьют бутылкой по голове.

– Успокойся! – взывал к нему полковник, чьё лицо занимало едва ли не четверть экрана. Было видно, что он собирался войти в следующую комнату, но кричавший его не пускал. – Успокойся, Дима! Ты пока ещё ничего не сделал!

Отпусти их, и получишь условный срок за сопротивление полицейским в состоянии аффекта! Ничего страшного не будет, Дима, слышишь меня!? Не бери грех на душу, сынок! Ребёнок ведь ещё, пять лет, и женщина. Дорогой мой, возьми себя в руки! Просто положи пистолет, и всё закончится!

Оператор в это время завёл объектив видеокамеры за угол, и перед зрителями предстали связанные и вопившие от ужаса жена и ребёнок Самохина и бледный до черноты мужчина, едва ли не сгибавшийся под низким потолком старой избы. Дюжий заметно дрожал, его взгляд метался, а свободная от пистолета рука то и дело отирала со лба пот. Вдруг он заметил камеру и закричал что было мочи:

– Уберите камеру, ублюдки! Все вы подонки, ублюдки недобитые, ненавижу вас всех, уроды!

– Тише, тише, Дима! – пытался вставить слово полковник. В объективе камеры его лицо дрожало и казалось под самым потолком: испугавшийся оператор снимал откуда-то снизу. Но Дюжий заорал ещё громче:

– И ты, Хан! Будь ты проклят со своими заданиями и приказами! На тебе кровь старика Полянского, это *ты* его подучил, ты послал на смерть! Чтобы ещё больше свою мощну набить червонцами, ирод ты проклятый! На тебе будет и кровь этих несчастных, слышишь меня, Тимур? Подавись в аду собственным языком!

Раздался оглушительный выстрел, вслед за ним второй. С гулким грохотом что-то повалилось на пол. Поверх горлового хрипа и воя, похожего на собачий, прозвучал третий выстрел, и огромная туша Дюжего едва не проломила деревянный пол дома. Началась жуткая суматоха, в комнату один за другим побежали офицеры, отовсюду понеслись крики, брань и ругань. В следующем кадре полковник уже выводил всех ворвавшихся и наследивших вон из комнаты, которая уже почти вся была покрыта кровавыми лужами, перетекавшими одна в другую.

Мальчик лежал лицом вверх, с открытыми глазами и отверстым ртом, как будто пел кантату в церковном хоре. Его мама, наоборот, лежала лицом вниз,

видневшийся глаз был закрыт, а из черничного рта продолжала течь тёмно-бурая кровь. Дюжий то ли раскроил себе, падая, череп, то ли пуля вынесла ему половину головы, но на полу вместо лица лежала огромная туша с разнесённой в кашу мордой, как будто это была собака или другое животное, попавшее под поезд.

– Что там? Что там? – раздался хриплый голос Самохина, которому майор комитета, сжалившись над врывающимся к месту преступления страдальцем, дал под дых. Но капитан, кажется, успел заметить то, что видеть ему ни в коем случае не полагалось. И милосердный майор размахнулся кувалдой своей руки и вырубил следователя на месте.

Скопцова нажала кнопку пульта, и картинка сначала остановилась, а затем исчезла на чёрном экране.

– Данная видеозапись не указывает ровным счётом никакой вины моего подзащитного, – с присущим ему хладнокровием резюмировал адвокат. – С таким же успехом человек на этой записи мог обвинить кого угодно.

– Конечно! – согласилась Юлия Дмитриевна. – Только вот в чём дело. Вместе с озвученным признанием Дмитрий Игоревич Дружинин – а это он зафиксирован на видеозаписи – успел до самоубийства составить собственноручное признание с перечислением всех преступлений, которые он совершил по прямому указанию Тимура Керимовича. А также, вот ведь педантичный тип, в отдельной папочке собрал фотографии, где он вместе с вами находится в различных местах, и даже одну аудиозапись, на которой речь идёт о подготовке к покушению на Воронова, которое в результате и осуществил несчастный старик Полянский. Хотите послушать?

Она вновь нажала кнопку пульта, на экране появился значок аудиозаписи и зазвучал голос начальника охраны Хана:

– Я вам что, недоумкам, сказал? Следить. Не пообщаться с ним по душам, не сыграть в бридж при свете лампы, не обойти три закона робототехники – а следить! Вот он вам затёр свою тираду, у вас, как у девочек, соски повскакивали, и вы поехали ко мне рассказывать, какой старикашка крутой? Вы совсем,

что ли, олухи царя небесного? Охозни в седьмом колене? Ну а дальше-то вы не подумали, что он мог поехать на встречу, а вы в это время попёрлись мне докладывать?

– Здесь не упоминается ни одно конкретное имя, – вмешался адвокат. – По этой записи вообще невозможно понять контекст диалога.

– Сейчас поймёте, – предупредила его старания Скопцова и перемотала запись вперёд.

– ...не меняет сути дела: сидит сейчас старик и рассказывает ментам про то, какие вы тупые. Сидит сейчас в «Бургер кинге», ест говяжью котлетку в густом маринаде и с соусом халапеньо – и смеётся над вами! Или в хинкальной сидят они и ржут над вами! И жрут, и ржут – так-то! А ты тут стоишь – и не знаешь, где Полянский.

Затем раздался стук в дверь, и новый голос произнёс:

– Тимур Керимович, Полянский здесь!

– Пусть заходит.

Скопцова выключила запись и взглянула на адвоката: есть ли ещё вопросы? Протянула Хану бумагу о задержании и помещении в изолятор, и защитник Кодзоева беспомощно кивнул, чтобы тот подписал.

– Уведите его! – приказала следователь полицейским, которые быстро защёлкнули на запястьях Хана браслеты и увели прочь.

Глава 15

Введение

– Здравствуйте! – громко и внятно, но без вызова произнёс Хан, когда лейтенант впустил его в камеру и закрыл за ним массивную дверь на ключ.

– О, здорово! – откликнулся с нижних нар здоровяк с мышцами в виде набитых под завязку мешков с мукой. – Ты чего нам принёс: сигарет или денег?

Заключённая братия засмеялась, и только один старичок в углу никак не изменился в лице. Хан медленно смерил прожжённым взглядом каждого из сокамерников и весьма кротко, для его состояния, поинтересовался:

– В каком углу мне найдётся место?

– Э, да ты непонятливый! – оживился камерный солист, ложно засчитав воспитанность за страх. – Сигарет нам принёс, я спрашиваю? А ещё лучше водочки и тёлочек!

Все снова рассмеялись, но Хан прищурил глаз.

– Я смотрю, ты здесь самый тупой?

– Чего? – оппонент надыбился и привстал на нарах.

– Я допускаю, что водку можно пронести в какой-нибудь грелке, хитро приделанной к телу. Но вас же всех здесь досматривали. С чего ты взял, что меня пропустили сюда просто так? Это первое. А второе – как я тебе «тёлочек» сюда пронесу, в карманах, что ли? Это что, какие-то недосмотренные карлицы? Это полный бред, что ты говоришь. Нужно каждый день выпивать по семьсот граммов этой твоей «водочки», чтобы так мозги пропить. Можно присесть к вам?

Хан неожиданно оборвал тираду и обратился к безмолвному старику, отстранённо наблюдавшему за начинавшейся в камере грозой.

– Прошу вас, окажите милость! – на удивление интеллигентно ответил тот и даже немного отсел со своего места, чтобы новому пришельцу было удобней. Хан поблагодарил сидельца и занял отведённый ему угол.

Между тем, обиженный качок со словами «Так, я не понял» встал и подошёл к Хану вплотную.

– Ты что... – вопросительным тоном начал он, но тот резко перебил его.

– А ты ничто! Так понятнее? Ты со своими наездами, дружок, здорово задержался. Ты свои претензии должен был озвучить, пока я не присел. А сейчас ты сможешь только нагнать в табло и получить в рыло, потому что по жизни ты сыкло, которое опрокинет любой мужик. Теперь сел на место и закрыл свой хавальник, пока я к тебе не обращусь. У меня настроение не то.

– Ах ты подонок очкастый! Да я тебя... – боров замахнулся на Хана лапической и тут же отхватил от него молниеносный удар в шею, от которого моментально свалился, подкошенный, на пол и захлёбываясь стал хватать ртом воздух. Никто из прежде смеявшихся не сделал и шагу на выручку поверженному, все замерли, как на картине.

– Дам тебе добрый совет на будущее. – Хан присел на корточки рядом и сообщил. – Судя по твоему поведению у тебя все шансы перейти когда-нибудь из КПЗ на реальную зону. Так вот, учти: если ты обругаешь лично кого-то из отбывающих, тебя могут избить до полусмерти. Если их детей – в лучшем случае избьют, что называется, «на семь восьмых», инвалидом сто процентов останешься. Но упаси тебя Бог что-нибудь сказать о матери заключённого – тебя по кускам искать буду, чтобы похоронить. Понял?

Хрипевший успел отдышаться и пробурчал, что понял. Хан деликатно взял руку поверженного, вытянул её на полу и резюмировал:

– Это тебе, чтобы хорошо запомнил!

С этими словами он поднял ногу и со всей силы ударил каблуком ботинка по костяшкам пальцев говорливого грубияна. На всю камеру раздался глухой хруст, как если бы от четырёх куриных туш одновременно оторвали по бедру, а вслед за этим – ужасающий рёв сломленного борова. Он завопил, словно ему отрубили руку, и вскоре камеру открыли и к раненому подбежали сотрудники отделения. Хан к тому времени уже успел вернуться на нары. Он уселся в углу, закрыл глаза и стал напряжённо размышлять. Никто из пришедших не решился его отвлекать, поскольку наказанный за распущенный язык боров сразу признался, что он неудачно упал с верхней скамьи.

В это время новость о задержании Кодзоева стремительным вихрем распространилась в средствах массовой информации. На одном из телеканалов даже появилось видео, как Хана ведут в наручниках по коридору следственного комитета. Запись делали с улицы или из здания напротив, но, по всей видимости, сведения слил прессе кто-то из правоохранителей, поскольку видео было снято в таком потрясающем разрешении, как если бы неподалёку проходил фестиваль профессиональной оптики. Впоследствии эти кадры растиражировали все телекомпании, и кто-то, вероятно, неплохо нажился на сделанном эксклюзиве. Новостные выпуски пестрели сообщениями:

– Смерть бизнесмена Воронова оказалась результатом спланированного заказного убийства!

– В деле об убитом бизнесмене Никите Воронове появился местный авторитет, которого обвиняют в подготовке покушения!

– Владелец группы компаний «Инвест-строительство» Тимур Кодзоев задержан по подозрению в организации покушения на Никиту Воронова!

Эти и другие заголовки с пометкой «срочно» появились на лентах новостных агентств днём, а уже к вечеру их характер оказался существенно более детализированным. В новостях появился образ Полянского, который предстал не как невинная жертва расправы, а как хладнокровный исполнитель кровавого заказа. Хану инкриминировалась организация циничного преступления, в результате которого сам исполнитель – старик Полянский – обрекался на неминуемую гибель. При этом Кодзоев обрисовывался как хладнокровный делец, не останавливающийся ни перед какими препятствиями на пути к захвату преступной власти и отъёму собственности у честного бизнеса. А Полянский – как беспринципный головорез, способный ради наживы пойти чуть ли не на сто процентную смерть в неравной борьбе с охраной уважаемого бизнесмена.

Как только в выпуски новостей просочились упоминания о покойном Полянском, Василий Васильевич Арсеньев набрал номер Антона и чрезвычайным тоном попросил его приехать к нему домой. Немедленно. Парень позвонил в домофон подъезда буквально через пять минут и поднялся в апартаменты Ар-

сения крайне взволнованный и эмоционально подвижный. Хозяин с порога предложил Антону бокал красного полусухого вина. Молодой человек отказался, но Арсеньев, знавший, что тот не пьёт, и вопреки тому, что тот за рулём, всё равно настоял. Внуку Полянского пришлось пригубить вина, правда, получилось, что он выпил бокал залпом. Хозяин сразу же налил ещё. Принимая бокал, Антон впервые в жизни поймал себя на мысли, что, наверное, вот так молодых парней домогаются насильники. Но его опасения развеялись сразу же, когда Арсеньев перешёл к делу.

– Безусловно, ты видел эти ролики по телевидению, где твоего дедушку обвиняют во всяких злостных вещах, – начал он. – Ты можешь думать всё что угодно о причинах моей сейчасечной откровенности, но я признаюсь тебе как на духу: я забочусь единственно о тебе! Я боюсь, как бы ты не наломал серьёзных дров. Я знаю, что ты уже по-настоящему повзрослел за последнее время, и готов открыть тебе всё. Понимаешь? Совершенно всё!

– Что всё? – с вызовом бросил ему Антон.

– Всё о том, как истинно произошли все касающиеся тебя события. Я знаю буквально всё об этом эпизоде и уверен, что ты воспримешь эти сведения стоически.

– Эпизоде? – загорелся Антон. – Значит, для вас это простой эпизод, Василий Васильевич? А для меня в этом, как вы выразились, «эпизоде», дедушка умер! Вы это не хотите принять к сведению? Со всеми вашими принципами, ужимками и манерами?

Арсеньев молча встал, подошёл к окну и долго всматривался в огни вечернего города. По всей видимости, он решил оставить замечание своего водителя без внимания.

– Всё это правда! – наконец, объявил он.

– Что правда? – не понял парень.

Василий Васильевич повернулся к Антону, чтобы проследить за его реакцией:

– Что твой дедушка выступил исполнителем заказного убийства. Рассказать тебе, как всё было на самом деле? Я знаю, ты не поверишь мне сейчас, но спустя три вымоченные слезами подушки ты сложишь перечисленные мною факты в единую мозаику. Так вот слушай внимательно и вникай.

Арсеньев подошёл вплотную к молодому человеку, который хотел было взорваться от гнева, но что-то вдруг остановило его. Он прислушался.

– Твой дедушка обратился к Тимуру Кодзоеву за несколько месяцев до убийства бизнесмена Воронова. Его смерть далеко неслучайна, впрочем, как и гибель Антона Викторовича, как ни прискорбно это прозвучит, но он полностью отдавал себе отчёт, на что идёт. Знаешь, во сколько он оценил свою жертву? Я тебе скажу: в десять миллионов рублей. А знаешь, почему он решился на такой отчаянный шаг? Потому что у него диагностировали рак на третьей стадии, и он принял решение уйти из жизни, не дожидаясь скорбного и немощного конца. А заодно – обеспечить своим близким нормальные условия проживания, ведь у вас на тот момент сгорел дом у сестры твоего отца, я правильно понимаю?

Антон уже присмотрел глиняную пепельницу в виде сапога, которой он хотел со всей силы трахнуть Арсеньева по голове, но тот моментально пресёк его самодеятельность:

– Да прекрати ты думать о самом себе! – грозно крикнул он, заметив его преступный взгляд, сам схватил пепельницу и швырнул её в угол, так что та разлетелась вдребезги. – Пойми ты наконец, что не один ты во всём мире и не ты его центр. Твой дедушка погиб, чтобы обеспечить вашу семью! Ты думаешь, все эти зарплаты, вещи и выигрыши – всё это случайно вдруг свалилось на вас? Квартира со смешным процентом по ипотеке? Серьёзно? Ты думаешь, это государство о вас заботится? Я скажу тебе правду: твой дедушка настоял на том, чтобы все эти деньги перешли к вам под самым естественным видом. Неужели ты думаешь, что твой отец настолько крутой специалист, чтобы ему платили по сто тысяч в месяц?

Арсеньев несколько отстранился от сказанного и постарался вернуться в прежнее русло:

– Да, твой папа отличный человек. Но зарабатывает он по сто тысяч потому, что не кто иной, как Тимур Керимович Кодзоев устроил его – по своим каналам – на фиктивное место, за которое он не только выплачивает налоги, но и оплачивает за хозяина сети этих супермаркетов рекламу в средствах массовой информации. И будет выплачивать, пока твои родители не рассчитаются за ипотеку. Или сами похороны – ты думаешь, их правда оплатили члены какого-то там комитета, в котором участвовал Антон Викторович? А ты в курсе, что он попросил для тебя? Я тебе скажу. Он попросил для тебя квартиру в центре города и новую машину. И знаешь, почему их у тебя пока ещё нет? Я тебе и на это отвечу, слушай!

Василий Васильевич приблизился вплотную к Антону.

– Всё дело в том, что твоя служебная машина, – он указал жестом куда-то во двор, где Антон припарковал её, – находится в лизинге, спустя десять месяцев ты смог бы забрать её у меня бесплатно, если бы захотел, в счёт своей работы в качестве моего водителя. А квартиру тебе завещает твоя троюродная тётя, каковую степень родства определит суд по ходатайству одного из ханских адвокатов. Я даже не говорю о подработке в такси – зарабатывай себе на здоровье!

Последняя фраза стала для Антона громом среди ясного неба. Даже все предыдущие данные не удивили его так, как бытовая прозорливость Арсеньева.

– Да что ты округляешь глаза! – удивился тот, наливая и ему, и себе вина. – Ведь ты же современный человек, знаешь всё о новых технологиях. Неужели ты думаешь, что в моей машине нет элементарных трекеров, которые отслеживают твоё положение? Да я могу большинство твоих клиентов назвать по именам – не то что сумму заказов обозначить!

Хозяин выпрямился и поставил почти пустую бутылку на стол у электрического камина.

– Заработал – и молодец! – решил подбодрить его Арсеньев. – Боюсь, что немногие на твоём месте решились бы пойти на такой шаг, но ты смыслённый, это стоит признать. Но и Хан тоже смыслённый. Я приоткрою для тебя завесу тайны: твои родители покупали недавно диван в мебельном магазине? И участвовали в розыгрыше, правильно? Так вот в следующем месяце по результатам этого розыгрыша твоя мама выиграет норковую шубу! Ты думаешь, это тоже будет случайностью?

Василий Васильевич скрестил руки на груди и зашагал из угла в угол.

– Я не имею морального права спрашивать тебя, как бы *ты* поступил на месте своего дедушки. Я знаю, как сильно ты его любил. Но то, что он сделал, – это его осознанный и добровольный выбор. Должен признаться, лично у меня его позиция вызывает уважение, даже восхищение. В его уходе есть нечто нордическое, так покидали мир скандинавские воины – в бою. Но каких бы оценок мы ни придерживались, ясно одно: сделанное – сделано, и его нельзя ни вернуть, ни обратить вспять. Всё, что мы можем, – изменить наше отношение к произошедшему. Повторюсь, с чего я начал наш разговор: я переживаю за твои выводы. Ты считаешь, что Хан сам завлёл твоего Антона Викторовича в эту криминальную историю, и ещё задумаешь отомстить! Но всё это было не так.

Антону вино успело ударить в голову, и он откровенно признался:

– Если бы я мог вплотную подойти к нему, я бы всадил ему в глотку нож!

– Ну вот! – Арсеньев развёл руками. – Чего я и боялся. Ну вот скажи мне, взрослый человек: тебе предоставляется такая возможность, предположим, рядом не оказывается его охраны, сам он связан, а ты не пугаешься и убиваешь его. Предположим также, что никто тебя ни на свободе, ни в тюрьме не режет на куски и не сплавляет по частям через канализацию. Дают тебе двадцать лет за убийство с отягчающими. Ты выходишь в тридцать восемь, родители – старые совсем от страданий, жены нет, детей нет, только наколки и вакансия охранника в «Пятёрочке». Скажи мне честно: это то, ради чего твой дед положил свою жизнь?

Антон мучительно промолчал, что было красноречивее полного признания.

– Я понимаю, Хан представляется тебе циничным наёмником, – как бы озвучил мысли своего гостя Арсений, – вон, его даже по телевизору показывают как какого-то вора в законе. Постой, это ещё что?..

Василий Васильевич сделал звук громче, и диктор, сам того не подозревая, озвучил сокрушительную для всех участников этой истории новость:

– Сегодня в восемь часов вечера во дворе своего дома была застрелена майор центрального следственного комитета Юлия Скопцова. Правоохранительные органы пока не озвучивают версий преступления, но специалисты связывают его с нашумевшим делом Кодзоева, известного также как Хан. Майор Скопцова приняла ведение дела Хан по организации убийства бизнесмена Воронова и заключила Тимура Кодзоева под стражу по подозрению в организации заказного убийства. Источники, близкие к следствию, считают, что расправа над следовательницей – это неприкрытая месть Хана за заключение под арест.

И в следующем кадре показатели лежащую на тротуаре девушку с лужей крови вокруг головы, почти полностью закрытой распущенными волосами.

– Чёрт! – со злостью выругался Арсеньев. – Это очень, очень плохо! Погнали, заводи машину!

И он залпом выпил почти полный бокал вина.

– Как же? я ведь выпил? – удивился Антон.

– Давай сюда ключи! – Арсеньев вытолкал собственного водителя из собственной квартиры, запер её и опрометью кинулся вниз. – Ввёл в курс дела... За мной!

Глава 16

Доклад

– Разрешите войти?

– Давай заходи! – генерал Сарксян даже встал со своего места, чтобы лично встретить «дорогого гостя». Капитан Самохин – в здравом уме и безо всяких признаков патологий – с широкой улыбкой прошествовал в центр кабинета начальника, и они пожали друг другу руки. Генерал не удержался и обнял подчинённого.

– Ну, ты и лис! – без экивоков начал он. – Ничего себе – такую партию разыграл! Давай, рассказывай, как всё было!

Генерал открыл бар, выудил оттуда бутылку коньяка, смачно откупорил её и стал разливать в такие же пузатые, как бутылка и он сам, бокалы. Самохин делал вид, что устанавливает кресло поудобней, поскольку усесться, пока начальник стоит, было невежливо. Сарксян заметил это и жестом приказал, наконец, сесть и не церемониться.

– Предлагаю выпить, – с особенно проявившимся сейчас армянским акцентом провозгласил он тост, – за твой глубокий аналитический ум, волевою настойчивость и редкую изобретательность, которая позволила тебе решить эту сложную и крайне важную для всех нас задачу!

– Благодарю за доверие, товарищ генерал!

– Давай неофициально! – дружелюбно скривился Сарксян. – Называй меня просто Рубен Геворкович! Папой пока рано...

– ...это третий тост! – остроумничал Самохин.

– Почему третий? – удивился генерал.

– Потому что второй будет за ваших прекрасных женщин – красавицу жену и красавицу дочку! – неприкрыто польстил капитан.

– Вах, ты вот умеешь подлизнуть начальство, жук ты такой! Ну, вот за это тебя тоже люблю – что по делу говоришь, хоть и льстишь: красавицы они у меня писанные – это ты верно заметил! Но давай сначала за тебя!

Они чокнулись бокалами и пригубили немного. Генерал нажал кнопку вызова, и через секунду на пороге его кабинета показалась секретарша.

– Машенька! – ласково обратился к ней Сарксян. – Организуй нам лёгкие закуски – сыр, виноград, что-нибудь такое. И ко мне никого не пускать сегодня вообще! Поняла? Ну иди!

За секретаршей затворилась дверь, и Рубен Геворкович вновь настоял на том, чтобы Самохин рассказал всё от начала до конца со всеми подробностями.

– Целью всей операции, – начал с диспозиции капитан, – являлся показательный суд над Тимуром Кодзоевым под любым предлогом и его осуждение на реальный срок. К предыдущим делам, по которым он проходил в основном как свидетель, подкопаться было практически невозможно. В результате я пришёл к выводу, что отталкиваться нужно от нового дела, которое и следует инициировать для завлечения Хана.

– Так и возник этот дед?

– Да! – кивнул Самохин. – Но не сразу.

Дверь отворилась, и в кабинет вошла секретарша с подносом. Вместе с нарезанным сыром и огромной гроздью винограда на нём покоились бутерброды с салями, мандарины, горький шоколад и пустая пепельница.

– Машенька, ты лучшая! – похвалил подчинённую Сарксян. – Спасибо!

Не говоря ни слова в ответ, секретарша слегка поклонилась и вышла, заперев за собой дверь кабинета.

– Всё-таки досье участковых на жителей, что ни говори, прекрасная вещь! – продолжил капитан, когда генерал возвратил свой взгляд с Машиной задницы на лицо Самохина. – Особенно когда информация собирается не спустя рукава, а со рвением, с душой. Правда, с Полянским пришлось повозиться. Если бы не нужда дочери – не согласился бы старик. Но возможность прекратить страдания родных, подарить им обеспеченную жизнь – отличный мотив! Лучше него человеческая природа ещё ничего не придумала. Особенно когда у тебя обнаруживают рак, почти неизлечимый.

– Тициан? – с лукавым прищуром поинтересовался генерал.

Тицианом в узких кругах называли хирурга Самедова. Говорят, своё прозвище он получил оттого, что оперировал тех, кто по известным причинам не мог обратиться в больницу, в домашних условиях. А квартира у него была не жилище, а картинная галерея, сплошь завешанная образцами западноевропейского искусства. Но и зашивал огнестрельные и ножевые ранения он так, что получались настоящие художества. Собственно, на средства за данные услуги он и скупал шедевры изобразительного искусства. Самохин, разумеется, знал чудо-доктора, но смысл вопроса понял не сразу, даже насупил брови:

– Что? Тициан? А причём здесь... А, нет-нет! Вы что? подумали, будто он сделал липовое заключение об опухоли? О, Рубен Геворкович! Вы поистине жестокий человек! Нет, на нашу удачу саркома оказалась реальной, и Полянский, в новых обстоятельствах, быстро согласился. Но вообще вы, конечно, мозг – надо было сразу такое придумать!

– За шустрые мозги и холодные руки! – генерал разлил коньяк и чокнулся с докладчиком. – Давай дальше!

Самохин сделал большой глоток, закусил сыром и продолжил:

– Полянский идеально вписался в схему покушения на Воронова. Он прекрасно водил: в армии работал на спецтехнике. Был в отличной форме: каждое утро пробегал по два километра, делал силовую гимнастику, в молодости занимался боксом. То есть в случае необходимости его можно было в сжатые сроки подучить, как свалить с ног двух бугаёв-охранников. Самым сложным, как ни странно, оказалось натренировать его выхватить пистолет и не промахнуться с двух метров – в условиях жёсткого прессинга сделать это весьма непросто! Однако именно в этом и заключался фокус: никто в здравом уме не заподозрит старика-божьего-одуванчика в заказном убийстве. Именно поэтому мы и прягли его в это ярмо!

– Мы? – переспросил Сарксян.

– Конечно! – с готовностью пояснил Самохин. – Вы – как инициатор и координатор операции, я – как исполнитель.

– Ладно, не тарихти уж так! – с довольной улыбкой заметил генерал. – В тебе как будто дизель по лизанию установлен, вот урчишь, как кот! С Полянским всё понятно: ты его подкупил деньгами Хана – это ты хорошо придумал!

– Да! – кротко подтвердил Самохин, хотя ещё до Хана на увещевания старика ушли также и некоторые средства из фонда МВД. Капитан считал, что Сарксян в курсе. Но сейчас выяснилось, что нет, и он не стал его ни в чём переубеждать. Тем более что начальника интересовало иное.

– Ты лучше расскажи про водителя и заложников!

В этой части доклада Самохин предвосхищал собственный триумф, поскольку весьма нетривиальная и очень сложная схема сработала как нельзя лучше. За её реализацию капитан переживал больше всего. Но сейчас, докладывая начальству, он, конечно, виду не подавал, как будто всё, за что он берётся, проводится столь же легко и бесппроблемно.

– О, история с заложниками – это вишенка на торте вашего повышения! И моего тоже, как я надеюсь!

Сарксян кивнул, но ничего не сказал, так как в этот момент поглощал виноград. Самохин продолжил.

– Дмитрий Дружинин, он же Дюжий, водитель Хана, уже более двух лет работает на нас под прикрытием!

– О как! – явно удивился Сарксян, так что озвучил это даже с набитым ртом.

– Да! – Самохин прекрасно понимал, что для генерала эта информация окажется неожиданной. – Лейтенант главного управления по борьбе с организованной преступностью. Прибыл к нам из Карелии, естественно – с полностью новой личностью, документами и послужным списком, включая липовый условный срок. Мы внедрили его в свиту Хана ещё до операции с привлечением Полянского, с другой целью – отслеживать и сообщать о нелегальных каналах поставок оружия. Но со временем выяснилось чрезвычайное разнообразие методов преступного заработка Хана, вследствие чего миссию Дружинина продлили. Однако за время работы он сообщил такое множество фактов, что хва-

тило для возбуждения десятка уголовных дел. Сам же лейтенант уже два года не виделся с семьёй, и я принял решение «убрать» его в ходе инсценированного самоубийства. Оpozнание тела, естественно, прошло по всем правилам, так чтобы никто из шайки Хана не мог усомниться в его смерти. Но сразу после всех формальностей в рамках программы по защите свидетелей он был отправлен в другой регион России. В какой именно, не знаю даже я. Мне сообщили, что он уже увиделся с женой и дочкой, так что для него эта история закончилась хорошо.

– Это хорошо! – одобрил Сарксян. – А что с твоей семьёй?

Генерал лукаво прищурился, Самохин ответил взаимной гримасой.

– И с моей «семьёй» всё хорошо! Как вы знаете, наш брак и совместное проживание оформили полтора года назад, специально для операции по поимке Хана. Моя фиктивная жена, Ольга Анатольевна Тороп, согласилась на всё это, чтобы скостить срок своему настоящему мужу, осуждённому в Краснодаре за мошенничество в особо крупном и десяток эпизодов с грабежом в составе преступной группы. На тот момент он отсидел всего год, оставалось девять. Мы пообещали выпустить его через четыре года, но успех операции оказался столь оглушительным, что мы оформляем ему амнистию уже сейчас. Женщина с ребёнком уже дома, ждут его освобождения. Естественно, они тоже проходят по программе защиты свидетелей, так что за их безопасностью присматривают.

Капитан взял паузу и доверительно сообщил Сарксяну:

– Рубен Геворкович, я скажу честно, как на духу: я ни разу даже не приоткрылся к ней, между нами ровным счётом ничего не было.

– Естественно, не было! – вспыхнул генерал и даже стукнул кулаком по столу, но не со всей силы. – Ещё бы что-нибудь было! Да я бы тебя лично оскопил! Впрочем, ты мне ещё не зять. Я бы тебя сгноил где-нибудь в ППС-никах или заставил бы застрелиться! Ты бы тут со мной не сидел тогда! Или, ты думаешь, я за тобой не следил? квартиру и телефон не прослушивал?

Самохин нахмурил брови, но ничего не ответил. Генерал немного остыл, понял, что можно было обойтись и без этой тирады.

– Ладно. Уважаю честность и прямоту, молодец. Просто Катиже свою люблю больше жизни! Храни её больше, чем себя, больше, чем мать свою! Увидишь, что кто-то обидеть её вздумал – живого места не оставь на нём, убей и испепели!!! Тебя-то мы всяко отмажем. Но и себе на носу заруби, – и Сарксян взмахнул перед лицом капитана кирпичом кулака: – пальцем её тронешь – изрублю в куски! Сяду до конца дней, но тебя угроблю, если вдруг что!

На этот раз генерал не пожалел ни кулака, ни дубового стола. Однако ничто из этого не пострадало, да и Сарксян вскоре снова остыл.

– Извини, погорячился. Единственная дочь всё-таки. Ладно, о свадьбе в другой раз поговорим. Теперь расскажи лучше, зачем ты в дурдом лёг?

– Ну а как иначе показать, что ты действительно убит горем, Рубен Геворкович? – Самохин даже развёл руками. Это во-первых. А во-вторых – подставить под удар другого следователя! Ведь ни мне, ни вам вряд ли было бы выгодно, если бы меня грохнули вместо этой занозы в нашей общей заднице – Скопцовой. Одним ходом – двух фигур убрали. Это ведь она предъявила Хану главное обвинение, выдала постановление на его арест и схватила пулю. А мы с вами пьём коньяк, ждём наград и дышим свободно, потому что избавились наконец от этого глиста Скопцовой, пусть земля будет ей пухом!

– Твоя работа? – после небольшой паузы доверительно поинтересовался Сарксян.

– Рубен Геворкович! – даже возмутился Самохин. – Нет, конечно! Я же всё-таки представитель правоохранительных органов, а не головорез. Конечно, я не был до конца уверен, что Хан, в его-то условиях, отдаст приказ её утилизировать. Но злости и мести в нём оказалось больше, чем здравого смысла. Но не закажи он Скопцову – как-нибудь по-другому её сместили бы, вот проблема-то! Так что партия разыграна, как по нотам! – резюмировал капитан и поднял бокал. – Согласны?

– Да, пока всё хорошо получается! – согласился Сарксян и даже чокнулся, но осторожность генерала насторожила Самохина.

– Рубен Геворкович, в чём вы сомневаетесь? – поинтересовался капитан.

– Сомневаюсь? – усмехнулся Сарксян. – Разве я похож на человека, который в чём-то сомневается? Жизнь научила меня мыслить стратегически и статистически. И мой опыт подсказывает, что даже если Хана засадят далеко и надолго, у него есть все шансы ещё в первый год отсидки сбежать самым невероятным образом.

– Ну, тут уже вопросы будут к службе исполнения наказаний, Рубен Геворкович! Я же не могу следить в глазок за каждым вором в законе, которого посадил!

– Ух ты! – даже развеселился Сарксян. – Сокол какой выискался! Ты ещё ни одного не посадил, добр молодец! Тебе-то лучше должно быть известно, что не говори гоп, пока не перепрыгнул!

– Но всё же к тому и идёт, товарищ генерал!

Сарксян сразу понял, к чему клонит капитан.

– Ты не волнуйся, гроза воров в законе! – на этот раз он рассмеялся во весь голос. – Моё слово – закон. Вот огласят Хану обвинительный приговор – готовься к свадьбе на Катиже!

– А помолвка?

– А тут ты уже сам взрослый: должен догадаться, что нужно делать, даже если никто ничего не говорит...

– Понял, Рубен Геворкович, – во все тридцать два белоснежных зуба улыбнулся потенциальный зять, – понял! За вашу красавицу Катиже! До дна!

– За Катиже! – смягчился генерал. – Только посуду не бей: свадьба свадьбой, а подарочный хрусталь пусть целый остаётся!

Они выпили стоя до дна и с великодушного согласия Рубена Геворковича обнялись и расцеловались. Дальнейшая биография Хана, умело скорректированная Самохиным, прямо повлияла и на судьбу самого капитана, особенно в той приятной части, касающейся его брака на дочери главы городского уголовного розыска. Жизнь начала удаваться!

Глава 17

Неволя

– Что ещё там такое? – недовольно фыркнул дежурный, когда в одной из камер поднялся бедлам. – Савельев, ты-то чего спишь!? Иди, посмотри: что там?

И упитанный капитан толкнул ногой дремавшего в соседнем кресле лейтенанта.

– Так точно, иду! – тот поднялся, как дети встают в школу: ещё не понимая до конца, что происходит, где они и зачем их будят.

Спустя полминуты он вернулся уже без тени дрёмы. Напротив, весь его вид свидетельствовал о крайней нервозности.

– Там приступ! Сердечный или ещё какой, я не знаю! – затараторил он.

С капитана сон как рукой сняло. С матерщиной и недовольным бурканьем «какой ещё приступ!» он схватился за кобуру, чтобы не мешала бежать, и понёсся к камере.

– Хану плохо! – раздалось изнутри сразу несколько голосов. Иначе как Ханом насельники тёмного пристанища Кодзоева не называли: признали как авторитета и главного по камере. – Астма, у него астма, приступ! Скорая нужна! Вызывайте скорую!

Капитану очень не понравилась вся эта история, в особенности потому, что случилась она ночью, а ещё больше – потому что произошла именно с элитным заключённым. Полицейский приказал всем отойти от двери к окну, достал пистолет и открыл тяжёлую дверь камеры. Лейтенант включил свет, и обоим стражам порядка открылась живописная картина торжества человеческих страданий в мире. На полу, схватившись за горло посиневшими пальцами, почти бездыханный, лежал Кодзоев. Он еле двигал руками и ногами, ничего вокруг не замечал и на вопросы не реагировал. Состояние его, если он только не симулировал, представлялось чрезвычайно тяжёлым.

– Скорую ему надо! – раздался смелый голос одного из заключённых, которого не испугал даже взведённый Макаров в руке у капитана.

– Да вижу, что надо! – ответил полицейский. – Вызываю, сидите смирно пока! Начнёте в дверь стучать – по новой статье получите! Ждите!

Он закрыл дверь и вызвал со стационарного телефона скорую. Машина приехала быстро, буквально за пять минут. Но вердикт фельдшера оказался неутешительным: тяжёлый приступ астмы с вероятностью анафилактического шока и остановки сердца. Но сердце чуть не остановилось у капитана: транспортировать заключённого посреди ночи в лучшем случае могло закончиться служебной проверкой и неполным служебным соответствием. А оставить его, чтобы он, не дай Бог, скопытился, – увольнением и уголовным делом. Поэтому капитан дал добро на вызов реанимации, но настоял на обязательной транспортировке под надзором ФСИН.

Реанимация приехала быстро, дольше пришлось ждать сотрудников службы исполнения наказаний. А ещё дольше – готовить и подписывать все нужные документы на перемещение заключённого в лечебное учреждение. Пока улаживали все бюрократические проволочки, на улице рассвело. За всё это время капитан едва не поседел. То, что смена безнадёжно испорчена и поспать, как обычно, не получится, он понял давно. Теперь он практически молился, чтобы Кодзоев не умер. Или, если этому всё же суждено будет случиться, – не в стенах его учреждения.

К вящей славе Создателя Хан не умер ни в камере, ни во время его перемещения в машину реанимации, куда также сели двое вооружённых сотрудников, ни по дороге в больницу, где его уже ожидала специальная палата со всем необходимым оборудованием и срочно поднятым по тревоге дежурным реаниматологом. Экипаж включил «люстру» и сирену, то же сделали и два грузовика ФСИН, которые выстроились перед и после реанимации. Таким поездом колонна тронулась в путь.

Маршрут лежал через окраинные районы, без заезда в центр. В утренний час дороги были совершенно свободны, водитель реанимации даже выключил сирену, так как разгонять было практически некого. Перестраховывался он только на перекрёстках, если приходилось проехать на красный. А проезжать

именно приходилось, потому что медики делали всё, чтобы откачать Хана: уже более получаса он находился в бессознательном состоянии. К его рту подвели кислородную маску, лёгкие вентилировались принудительно, торопиться было необходимо.

На подъезде к больнице, там, где дорога проходила между двумя индустриальными зданиями, наперерез колонне неожиданно выехал грузовик и преградил дорогу. Водитель извиняющимся жестом показал, что не рассчитал траекторию и сейчас развернётся. В этот момент, синхронно, со стен зданий на верёвках спрыгнули трое в масках – по одному аккуратно сбоку каждой из остановленных машин. В тонкие отверстия в бронированных дверях ФСИН, которые служат местом для ствола, если понадобится отстреливаться как раз вот от таких нападающих, первые два «ниндзя» закинули по чёрному баллончику. Третий сделал то же самое, только через открытое окно салонной двери реанимации. Внутренности всех трёх машин практически моментально заволокло густым дымом.

Сотрудники службы исполнения наказаний, прежде чем успели что-либо понять и тем более предпринять, попадали на пол вместе с оружием – синхронно во всех трёх машинах. К этому времени грузовик успел освободить дорогу, по которой к реанимации подъехал серебристый «Поло». Ниндзя, предварительно приложив к носу намоченные платки, отсчитали до десяти и открыли дверь больничной машины. Изнутри повалил густой дым. Через секунду на пороге появился живой и здоровый Хан. Он сделал глубокий вдох кислородом из маски, насколько позволяла длина трубки, и выпрыгнул наружу. Его сразу усадили на заднее сиденье «Фольксвагена», и седан рванул с места.

Трое подельников в масках оперативно забрали у фсиновцев в скорой огнестрельное оружие, прокололи заточками колёса всех остановленных машин и растворились в кузове грузовика, который тоже поспешил скрыться с места преступления. К этому времени «Поло» успел проехать три перекрёстка и завернул к аллее, проходящей мимо парка. Машина остановилась перед чёрной «девяткой», и Хан, не привлекая лишнего внимания, пересел в неё. Новая ма-

шина сбежавшего поехала дальше, а «Фольксваген» ушёл налево при первой же возможности и ещё долго петлял по городу, прежде чем уехать в область, откуда и прибыл. «Девятка» стремительно рванула на юг, выбирая в основном просёлочные дороги, куда гаишники с огромной неохотой выезжают только в случае чьей-нибудь аварии. Уже спустя час Хана вывезли из области и пересадили в очередную машину, с местными номерами.

С удобствами проехать получилось ещё одну область. Дальше людям из колонны сопровождения Хана сообщили, что сбежавшего объявили в федеральный розыск и объявили план «Перехват». В первую очередь ориентировки разослали в аэропорты и железнодорожные вокзалы, но подключили, естественно, и ГАИ. Несмотря на то, что во всех машинах Хана люди были вооружены и могли в случае необходимости положить батальон ДПС, идти на такой шаг представлялось совсем уж крайней мерой, когда не оставалось других вариантов. Но главное, что в этом случае раскрывалось местоположение Кодзоева, а этого допустить он точно никак не хотел. Поэтому смиренно пересел в кузов грузовика торговой сети «Авилон» и со стоическим хладнокровием заснул на мешках сахара в окружении коробок с макаронами и майонезом.

В результате ночью того же дня Хан – бодрый и весёлый – вышел на берегу Чёрного моря, искупался, выпил кофе с коньяком и отправился на пристань, к туристическому морскому лайнеру Анапа – Феодосия. Здесь ему вручили коробку с продуктами, с которой он беспрепятственно проник на судно в числе обычных рабочих, заканчивавших погрузку перед утренним отплытием. Нужный человек встретил и провёл Хана в специальную каюту, где его никто не мог найти и потревожить. Во вручённой коробке Хан обнаружил паспорт на имя Бахтияра Абдуллаевича Ходжаева, бутылку армянского коньяка и россыпь фруктов и сладостей.

Утром, когда морской лайнер отплыл, человек с новой личностью в тайной каюте преспокойно спал и видел сны, как по отстроенному мосту через Керченский пролив летят железнодорожные составы, которые несут с Кавказа и побережья многочисленные товары для его нового успешного бизнеса. Всех этих

снов Хан не запомнил, однако проснулся в совершенно благостном расположении духа. Приятный солёный воздух и шелестящий шум волн умиротворённо наполняли его каюту, однако Кодзоев – теперь уже Ходжаев – поспешил покинуть её, чтобы поскорее сойти на берег, где его должны были ждать жена и дети.

«А ведь Ходжа – это заслуженный человек, – поймал себя на мысли Хан, – даже переводится, по-моему, как *хозяин*. Может быть, мне стать крымским татаринoм. Хотя нет, у них сейчас проблемы в связи с политическими событиями... Буду лучше обычным российским бизнесменом, с узбекскими корнями, эдакий хорезм-шах. В конце концов новая жизнь – это здорово! Хорошо, что этот старик попался мне на пути: сам бы я уже, наверно, не изменил кардинально своей жизни. Да и детям здесь лучше будет: солнце, море, фрукты...».

С этими мыслями он вышел на палубу и всмотрелся вдаль. Корабль уже подплывал к берегу, и Хану показалось, что он узнал среди десятков людей на пристани машущих ему детишек. Неожиданно неприятная мысль промелькнула в его голове – о том, как сложно придётся его ребятишкам привыкнуть к новой жизни, новой судьбе, новой обстановке и школе... Но в тот же миг он вспомнил, что они с супругой, когда-то давным-давно, мечтали переехать на море, чтобы просыпаться от солёного морского бриза и корабельного гудка об отплытии. И эта мысль, это мимолётное воспоминание вдруг невероятно ободрили его. Казавшееся ему неведомым, сложным, даже пугающим – вдруг стало приятным и желанным.

В конце концов удачный, разыгранный как по нотам побег – разве *это* нельзя ли считать даром судьбы. Да, детальный просчёт и потрясающая скоординированность всех участников проекта сыграли определяющую роль. Но ведь стоило одной какой-нибудь незначительной мелочи вторгнуться в подготовленный сценарий – и всё пошло бы прахом. В действительности же всё прошло даже лучше, чем можно было ожидать. Настолько изящно, что данный побег Хан был склонен расценивать не просто как отлично проведённую опе-

рацию, а как настоящее произведение искусства. Ведь жизнь, если только она настоящая жизнь, – всегда и искусство!

С берега ему уже махали соскучившиеся дети – старший Андрей, средняя Маша и младший Миша. Хан улыбался и махал им в ответ, супруге пустил воздушный поцелуй и даже смахнул невольную слезу – совсем не скупую, как принято говорить. Теплоход причалил, и Хан первым сбежал по трапу прямо в толпу встречающих.

– Люба! – он обнял жену, и дети моментально облепили его с радостными криками «папа! папа!». – Люба, как я рад вас видеть!

Он обхватил её щёки руками и страстно поцеловал, не стесняясь чужих взглядов. Затем начал обнимать, поднимать и бросать вверх детей, несмотря на то, что старший уже был, по большому счёту, взрослый: на днях ему исполнилось тринадцать. Прибывающие на пристань невольно потеснили объединившуюся семью, и Хан предложил поехать домой: куда – он сам ещё не знал.

Супруга подвела его к старенькому микроавтобусу, и тот с дизельным рокотом тронулся в неизвестность, по живописному серпантину. Хан ещё не знал, что бизнесмен, миллионер и владелец заводов-пароходов Бахтияр Ходжаев недавно купил что-то вроде целого предместья с роскошным садом, окружавшим почти что настоящий дворец. А супруга хозяина ещё не подозревала, что ему вот-вот предстоит серьёзная пластическая операция, которую понадобится как-то объяснить детям и, в конце концов, принять самой.

Они въехали на крутой подъём, с которого открывалось бескрайнее славное море, а ветер подул вдруг пронизывающим холодком.

– Знаешь, – поделился своей нечаянной мыслью Хан с женой, – а ведь я, если посудить, *поневоле свободный*. Если бы не вся эта история – мы бы, наверно, никогда не выбрались сюда – на юг, к морю! Точнее, может быть, и выбрались – но это бы случилось, скорее всего, когда дети уже выросли, и я бы стал совсем лысым и седобородым, а ты бы, конечно, остался бы такой же прекрасной, как сейчас.

– Ах ты, птица-говорун! – усмехнулась Любовь, как вдруг её искреннюю и восторженную улыбку пересёк тревожный нерв. – Главное, чтобы все мы зажили счастливо. Зовут-то нас хоть не по-новому?

– Вас – нет! – поторопился успокоить её Хан. – А меня – да.

– Да? И кто же ты теперь? – живо поинтересовалась Любовь.

Хан взял паузу, но тут же понял, что отпираться или тянуть время нет смысла.

– Бахтияр, – кротко признался он.

– Бахтияр? – просмаковала это имя супруга Хана, явно испытывая удовольствие от смущения мужа. – А дальше как?

Он уже хотел было произнести «Абдуллаевич Ходжаев», как Любовь вдруг осекла собственное пожелание:

– Впрочем, не хочу пока знать! Пусть нас с семьёй увозит в плен просто Бахтияр!

И она задорно рассмеялась, чем окончательно вогнала в краску нового подневольно свободного в этом новом для неё солнечном и морском раю.

Глава 18

Жизнь удалась

Антон вместе со своей возлюбленной Мариной подошли ко входу в гостиницу.

– И что это за сюрприз такой будет? – весело спросила девушка.

– Самый обыкновенный романтический сюрприз! – признался Антон. – Сейчас мы поужинаем в ресторане, а затем возьмём розового шампанского и поднимемся в номер. Примем ванну, посмотрим фигурное катание или что-нибудь менее эротическое, типа фильмов для взрослых.

– Ах вот у тебя какой план, развратник! – не смогла сдержать улыбки Марина и прошла в открытую дверь отеля, которую для них растворил швейцар с золотистым вензелем на сюртуке.

Ужин прошёл чудесно. Скрипичный квартет играл что-то витиеватое под ненавязчивый аккомпанемент вилок, ножей и бокалов. После десерта влюблённые поднялись в номер на втором этаже, но вместо расслабляющей ванны случился первый увлекательный акт вечера, обоюдный. После пятиминутного лежания на огромной кровати Антон, наконец, встал, чтобы наполнить ванну и откупорить шампанского.

– Мне так хорошо! – с прелестной улыбкой на губах призналась Марина.

– А сейчас станет ещё лучше! – и кавалер протянул ей бокал. – За тебя, любимая!

– За тебя, любимый! – вторила ему девушка и уточнила: – За нас!

– За нас! – подтвердил Антон.

Они чокнулись и сделали по глотку.

– До дна! – настоял молодой человек и вместе с возлюбленной осушил бокал. После чего стал внимательно наблюдать за девушкой.

– Ой! – кротко произнесла Марина. Голова её ослабла, и она вся обмякла на кровати. Спустя пару секунд девушка полностью отключилась.

Антон посмотрел на часы и бережно уложил Марину поудобней, накрыл её одеялом. Выключил воду в ванной и вытащил заглушку. Надел кофту и вылез

из окна туалета на крышу магазина, занимавшего первый этаж и примыкавшего к гостинице со двора. Так как на город уже спустились сумерки, то молодого человека никто не заметил. Выбирая тёмные переулки, он прошёл два квартала пешком, до того места, где припарковал служебную машину. Открыл её с брелока, сел за руль и завёл мотор.

В этот момент огромная ладонь обхватила рот парня, чтобы тот не закричал, а в висок упёрся ледяной ствол пистолета. Сзади справа открылась дверь, и вперёд пересел не кто иной, как Василий Васильевич.

– Здравствуй, Антон! Извини, что пришлось применить крайние меры. Никто не причинит тебе вреда, просто иначе ты бы не понял. Я думаю, можно его приотпустить, – обратился он к двум мордоротам на заднем диване. Однако прежде чем это произошло, огромная рука протянулась, чтобы защёлкнуть дверной замок, а другая – пристегнула водителя ремнём, на всякий случай. Дуло пистолета отделилось на полметра, но не исчезло из видимости всех участников сцены. Зато ладонь полностью растворилась в темноте задней части салона.

В установившейся тишине стало слышно лишь бешеное биение сердца молодого человека. С ужасом он скосил взгляд вбок, откуда с заднего дивана на него в упор смотрел человек лет пятидесяти с такими глубокими морщинами на лице, словно их вырубил топором. Касим по-прежнему целился Антону в нос, но смотрел без вражды, не мигая. Рядом с ним сидел здоровый детина, вынужденный изогнуть шею, настолько он был высок.

– Ладно, давайте перестанем пугать парня! – призвал их Арсений, видя, что Антон вот-вот наложит в штаны от страха. Жестом он указал убрать пистолет и откинуться на диване. И обратился к молодому человеку. – Послушай, я знаю, что ты скажешь, и знаю, зачем ты устроил эту пикантную сцену с усыплением своей девушки.

Антон вспыхнул, но Василий Васильевич предупредил его гнев решительно поднятой ладонью:

– Мы всё знаем! Если тебе интересно, у нас достаточный ресурс, чтобы прослушивать даже таких людей, о которых другие могли бы и забыть. Но лично мне ты очень дорог, и я бы очень *не хотел*, чтобы ты загубил свою жизнь зря.

– Не зазря! – Антон хлопнул ладонью по рулю, так что даже Касим отшатнулся сзади. – Вы прекрасно знаете, как для меня важно отомстить за родного деда!

– Да, да, знаем! – расширил зрачки Арсений и всверлил их юноше в лицо. – Именно поэтому мы тебя и перехватили! Потому что возмездие зачастую приходит с той стороны, откуда меньше всего ждёшь. Заводи машину и поехали по адресу Пушкинская, 12.

– Это где магазин стройматериалов? – удивился Антон.

– Да.

– Так он не работает сейчас, ведь ночь на дворе!

– Давай, заводи и поехали! – с дерзким энтузиазмом приказал Арсений. – Опоздать же можем! Ты думаешь, у троих взрослых мужиков жён нет, чтобы вместо семьи с тобой нянькаться?

Молодой человек послушался, и уже спустя десять минут они подъехали к магазину с вывеской «Строй-мастер». Как и ожидалось, он был закрыт, а на окнах красовались опущенные пластмассовые ставни. Василий Васильевич приказал припарковаться задом, чтобы можно было наблюдать за противоположным зданием. А там, по адресу Пушкинская, 13, располагался элитный английский ресторан «Грифон».

– Теперь смотри! – предупредил будущее представление Арсений. Он достал из тонкой кожаной сумки тонкий ноутбук, раскрыл его и расположил между собой и водителем. На экране показалась барная стойка, как если бы её снимали откуда-то сверху, за головой бармена. Василий Васильевич пояснил: – Картинка передаётся со штатной камеры заведения. Мы подключились к этому каналу, как ты понял, не совсем легально. Зато у тебя есть прекрасная возможность увидеть то, что сотрудники следственного комитета увидят только завтра.

На экране за стойкой восседал гордый Самохин. Он с достоинством потягивал щедро усыпанный льдом напиток янтарного цвета из квадратного стакана, дно которого могло бы соперничать по толщине с бронёй танка. По жестам, поведению и речи капитана было заметно, что он празднует важное событие. И что опустошил далеко не один бокал, прежде чем начать рассказывать бармену рецепт коктейля, испробованного в тайской глуши.

Антон явно заинтересовался поведением следователя, поскольку в иных обстоятельствах тот бы стал лёгкой жертвой, если бы парнишку не перехватил Арсений со товарищи. С другой стороны, зачем-то они его да перехватили...

Ко входу в «Грифон» подкатил шикарный «Мерседес» небесно-голубого цвета, из которого вышли щеголевато одетый молодой человек и мужчина гораздо старше, больше похожий на бездомного. Дверь гостям отворил швейцар, облачённый в наряд придворного бифитера, и через считанные мгновения джентльмены оказались перед барной стойкой в непосредственной близости от Самохина. Щёголь спросил у бармена двадцатипятилетний Лафройг, и капитан недвусмысленно поджал губы: виски по цене его месячного жалованья мог себе позволить только очень успешный бизнесмен. Тот небрежно расплатился картой, взял под мышку деревянную коробку и увлёк странного собутыльника к выходу. Но там тот неожиданно стал препираться, и молодому человеку стоило немалых усилий уговорить его выйти на улицу вместе. Здесь они сели в купе и вальяжно отчалили в неизвестном направлении.

После этой сцены Самохин влил в себя ещё три или четыре бокала, так что наблюдателям пришлось потратить немало времени, прежде чем они дождались его выхода. Капитан жил совсем рядом, буквально в двух минутах ходьбы отсюда. И Антон это прекрасно знал, потому что собирался поджидать своего кровного врага у дома, адрес которого он специально разузнал. Получается, теперь ожидалась развязка, только молодой человек в упор не представлял, что необычного могло сейчас произойти.

Самохин должен был пройти рядом с их машиной, прежде чем завернуть во двор своего дома. Возле тротуара, рядом с которым ремонтники огородили

открытый канализационный люк, к изрядно подпившему капитану подошёл паренёк и спросил огня. Самохин достал зажигалку и, пошатываясь, поднёс зажжённое пламя к сигарете прохожего. Тот закурил, поблагодарил встречного и... тихонько толкнул его в открытый люк. Капитан не успел даже пикнуть, как полностью скрылся из виду в тёмной утробе городского трубопроводного чрева. Закуривший удостоверился в необратимости произошедшего и преспокойно продолжил путь, попыхивая сигаретой. А на район вновь спустилась тишина, которую секунду назад вызвался нарушить последний бессвязный стон отошедшего к праотцам следователя.

Как бы желая развеять все сомнения, Касим с заднего сиденья авторитетно заверил, что колодец очень глубокий, а его люди не подпустят к люку никаких случайных зевак до самого утра. Все четверо ещё немного посидели в тишине. Когда очевидное стало явным, Василий Васильевич обратился к Антону с подробной инструкцией:

– Итак, вот что мы сделаем. Сейчас мы вернёмся к гостинице, только встанем с другой стороны улицы, под липами, чтобы не привлекать лишнего внимания. Ты вернёшься в номер тем же путём, каким и вышел. Заберёшься в окно ванной комнаты и затворишь его изнутри. Ляжешь спать и постарайся заснуть. В любом случае встать раньше Марины ты не должен. Она проснётся первой, пожалуется на головную боль и на то, что ничего не помнит. Ты дашь ей вот это.

И Арсений протянул Антону порошок в маленьком полиэтиленовом пакете.

– Что это? – вспыхнул молодой человек.

– «Алка-зельтцер»! – негодованием на негодование ответил Арсений. – Что за мысли вообще!? Ты-то наверняка ничего не припас, вот я и решил помочь! А в пакете – чтобы лишних отпечатков никто не нашёл, если кто-то вдруг начнёт копать! Ну ты что, вообще, Антон?

Молодой человек извиняющеся поджал губы и взял предложенный пакетик порошка, спрятал его во внутреннем кармане.

– Затем ты расскажешь, как тоже перебрал шампанского, но в целом всё прошло отлично. Вы спуститесь в ресторан, позавтракаете и поедете по домам. Или в торговый центр, – Василий Васильевич развёл руками, – или в парк, или в кино. А в понедельник ты вновь приедешь за мной вот на этой самой служебной машине. И будешь возить меня в психологический центр ещё девять месяцев, по истечении которых сможешь забрать её в лизинг. И тогда, скорее всего, мы расстанемся навсегда, после чего вряд ли встретимся когда-либо. Но главное – чтобы сегодня ночью всё прошло именно так, как я рассказал, без глупостей. Что скажешь, ты справишься?

Антон всё ещё не мог прийти в себя. Сцена, которую он застал, моментально исчезнувший под землёй кровный враг – уже, наверное, начавший остывать, – всё это брандспойтом било ему в голову. Он никак не мог успокоиться и совладать с бешено стучавшим сердцем. Но тем не менее утвердительно ответил на вопрос Арсеньева.

– Вот и замечательно! – тот театрально приложил ладони друг к другу, как если бы приветствовал олимпийскую сборную. – Теперь отвези нас обратно, где мы все разойдёмся – каждый по своим делам. Ну что? кажется, жизнь начала удаваться?

Он хлопнул парня по плечу, и машина неспешно запетляла по пустынным улочкам прочь.

Глава 19

Интервью

Утром понедельника Василий Васильевич вышел из подъезда своего дома, сел в салон ожидавшей его машины и приказал ехать к зданию университета. Антон повиновался, но по его мимике было понятно, что он ожидал большей откровенности при новой встрече.

– Хочешь о чём-то спросить? – поинтересовался в этой связи Арсеньев.

– Нет! – кротко соврал водитель.

Дед Василий окинул его взглядом и после небольшой паузы заметил:

– И правильно. Потому что у всех нас в выходные обычно случается полноценная маленькая жизнь, после чего праздники сменяют будни. С Мариной в хороших отношениях? – не удержался, впрочем, Арсений.

– Да, – откровенно признался Антон. – Вчера утром ей было не по себе, но помог ваш порошок, спасибо за него. Мы, действительно, сходили в кино, погуляли немного в парке, простились непоздно, потому что оба весьма устали. Я выспался.

– Вот и отлично! – одобрил его позицию начальник. – Мама шубу выиграла?

– Мама? шубу?

– А, да! – Арсений небрежно ударил себя по лбу. – Розыгрыш только в следующие выходные. Тогда не забудь проследить, чтобы она на него поехала! Договорились?

– Да, конечно! – закивал Антон. – Спасибо, что напомнили, я сам забыл.

В последовавшем молчании они доехали до университета. Арсеньев показал, где нужно остановиться, и посмотрел на часы. Антон поинтересовался, кого они тут ждут, но начальник ответил туманно, что вскоре он сам всё увидит. Через десять минут народ повалил из дверей главного корпуса, и Василий Васильевич вышел на тротуар, явно кого-то поджидая. Наконец, он узрел свою жертву и подошёл к молодому человеку лет двадцати, крупному, как боец без

правил, и возвышенному, как Бальмонт, ибо носил фривольную бородку, которую нещадно теребил в минуты задумчивости.

Антон не слышал всего, когда молодой человек нахмурился от вопроса Арсеньева и, бросив что-то в ответ, прошёл было мимо. Но тут дед Василий остановился возле машины и кинул во след парню заклинание, напоминавшее пролог Мастера о тьме, накрывшей ненавистный прокуратору город:

– Эмоциональное самонакручивание по типу римских плакальщиц, игра на публику, в том числе попытки нанесения себе физических увечий, включая периоды диссоциативных расстройств.

Молодой человек остановился и поджал нижнюю губу, как удивлённый стафф или хаунд.

– Или мне напомнить про естественную реакцию на введение седативных препаратов? – кинул вдогонку дед Василий.

Паренёк хлопнул себя по лбу и обернулся.

– Точно! Практика у профессора Митрохина недели две назад. Это ведь были вы?

– Да, – подтвердил Арсеньев, – это был я. И знаете, что я хочу вам предложить? Я буду честен: полную перемену вашей жизни вплоть до переезда в другой город и разрыв со всеми знакомыми. Правда, нам ещё нужно удостовериться в ваших способностях. Лично я в вас верю, но вот остальных работодателей придётся ещё убедить. Ну что, решитесь проверить свои силы?

– Вообще-то, у меня встреча с приятелем, – постарался набить себе цену ценный кандидат.

– С тем пареньком с философского? – удивился Арсеньев. – Так у него потанинский конкурс сейчас. Или вы забыли? Прошу ко мне в машину!

И он открыл заднюю дверь, чтобы соискатель на не совсем понятную должность проехал с ним до психологического центра. Спустя десять минут они подъехали к «Сотериусу», и Василий Васильевич попросил Антона проводить их – «помочь донести документы». Так как никаких документов Арсений

своему водителю не доверял, тот понял, что речь идёт о приглашении попри-
сутствовать на собеседовании странного студента.

Все вместе они проследовали в переговорную. Там их поджидала странная
компания. Трое по-простому одетых мужчин: обычные джинсы, майки. И чет-
веро представительных джентльмена в возрасте от сорока до шестидесяти.
Между тем, что-то выдавало в каждом из них человека незаурядного, и Антон
это сразу почувствовал. Соискатель, видимо, тоже, поскольку с нескрываемым
интересом стал рассматривать присутствующих, словно бы искал среди них
единственного настоящего преступника. Арсений распознал этот мотив, и по-
спешил успокоить студента, что это простые интервьюеры.

– Интервьюеры? – переспросил Заусалин – а это был именно он.

– Да, – подтвердил Арсений, указывая гостю кресло во главе стола и па-
раллельно принуждая его туда сесть. – Вас, может быть, смущает термин. Но на
западе все собеседования называются «интервью», фактически это синонимы.

– По ходу это не у моего приятеля потанинский конкурс, а у меня! – весело
заметил студент.

– Да, – с энтузиазмом поддержал его дед Василий. – Пожалуй, это даже
лучше назвать конкурсом. Так что же, вы готовы?

– Конечно. Всегда готов!

Василий Васильевич переглянулся с заседавшими интервьюерами, получил
от них кивковые согласия на собеседование и приступил к делу.

– Хорошо, – бодро начал он и протянул Заусалину предварительно извле-
чѐнный из внутреннего кармана пиджака «Паркер». – Продайте мне эту ручку!

Константин взял перо в руки, повертел его с секунду и ответил:

– Нет, она не продаётся! – и с этими словами спрятал ручку в свою барсет-
ку.

Среди собравшихся раздался глухой смешок. Улыбнулся и Арсеньев.

– Хорошо! – одобрил он первый ответ опрашиваемого. – А если бы она
продавалась, а я в ней нуждался, – сколько бы вы за неё запросили?

– Чтобы подписать договор о приобретении акций? Процентом пятнадцать!
– тут же нашёлся испытуемый. Нынешний ответ также понравился слушателям, и теперь они закивали друг другу по разным орбитальным траекториям, в зависимости от того, чьи взгляды пересекались.

– Что ж, неплохо! – одобрил главный интервьюер. И начал одну за другой протягивать испытуемому карточки с разными картинками. – Как вы думаете, что здесь изображено?

– Это картинка из романа Экзюпери «Маленький принц», – ответил Заусалин, и я знаю, что автор видел в ней скрытого слона, вместо вполне очевидной шляпы. Однако я склонен считать, что здесь кроется мой доступ в бизнес-элиту в качестве некоего консультанта по генерации нетривиальных решений для того, чтобы кто-то мог грамотно распилить миллиард.

– А здесь? – Арсеньев пропустил комментарий студента мимо ушей.

– Здесь изображена девушка, если зрителю меньше двадцати пяти, и старуха, если больше. Я вообще-то психолог, мне все эти картинки прекрасно известны.

– А здесь? – снова проигнорировал его комментарий дед Василий. И положил перед ним новую картинку.

– Господи, да это автобус, который поедет влево, потому что он изображён без входной двери, которая у нас в стране должна быть справа по ходу движения! Ещё тут ошибочно изображена тень, потому что она должна падать под другим углом при таком расположении солнца на небосклоне. А всего я тут вижу не менее двенадцати ошибок из разряда «олимпиада для школьников восьмого класса». Будут нормальные вопросы или я ещё пройду тупой американский тест «назови по буквам слово “овощерезка”»?

– А вот здесь вы не видите ошибку? – и Арсеньев указал на церквушку на самом краю картинки, у которой крест был необычной формы.

– Вы имеете в виду восходящую, а не нисходящую линию на кресте на куполе? Нет, я не вижу здесь никакой ошибки. Судя по расположению алтаря, восток находится справа от автобусной остановки, и тогда крест должен быть по-

вёрнут на 180 градусов. Однако я обратил внимание, что остановка находится рядом с мостом, который очень похож на мост в районе Чулковой засеки. А там, как известно, расположена единоверческая церковь во имя Иоанна Предтечи. Староверы ведут крестный ход в другую сторону и, в отличие от православных, крест на куполе изображают с восходящей перекладиной. Поэтому никакой ошибки я здесь и не заметил.

– То есть вы общаетесь с другом с теологии? – с улыбкой поинтересовался Василий Васильевич, которому очень понравился столь обстоятельный и чёткий ответ.

– Да, общаюсь! – подтвердил Заусалин. – И, судя по тем вопросам, которые вы мне задаёте, если бы я пошёл на потанинский конкурс, то выиграл бы его без проблем!

– Конечно! – подтвердил Арсеньев. – Но нам нужен не потанинский стипендиат, а кто-то уровнем выше. Поэтому давайте от разминки перейдём к более серьёзным вопросам. Итак. Как отмыть миллиард долларов?

Испытуемый на секунду задумался.

– Очевидно, это нужно делать в городе, где живёт миллион человек или больше. Либо в той сфере, где миллиард – это крупница от всех вращающихся там средств.

– Я не спросил «где», я спросил «как»! – надавил на студента Арсеньев.

– Есть сотни способов...

– Примеры! Нам нужна конкретика! И не обычные варианты типа офшоров или подставных фирм, а что-то новое, оригинальное. Вы же ещё второе высшее по экономике получаете и майните криптовалюты, мы знаем! Так что простиимулируйте должным образом вашу фантазию и выдайте на-гора хотя бы первые сто вариантов!

Студент невольно насупился, вены на лбу у него вспухли от напряжения мысли, и он заговорил, как автомат наливает газировку в стакан:

– Хорошо. Первый вариант – создать десяток стартапов и разместить проекты на одной из площадок для поиска бизнес-ангелов, чтобы через них получить средства.

Арсеньев поджал губы, но кивнул в знак того, что какой-никакой, но данный вариант можно засчитать. Испытуемый продолжил:

– Второй вариант – написать дюжину картин и скупить их за бешеные деньги, которые пойдут, конечно же, через подставных художников обратно к вам в карман. Третий вариант – разместить товары на eBay и покупать у самого себя за биткоины.

Собравшиеся эксперты, казалось, только начали вникать в предложения юного дарования. Один из банкиров, с бородой, как у Фрейда, щёлкнул ручкой и начал записывать предлагаемые идеи в свой блокнот. Его примеру последовали остальные, так что в конференц-зале воцарилась атмосфера интересной лекции, вёл которую обычный студент.

– Четвёртый вариант – подача иска организации-должнику с последующей полной выплатой через суд, но тут без конвейера, разовая акция. Пятый вариант – выиграть в нужном казино или в нужную лотерею. Шестой вариант – провести десять тысяч переводов через студентов или нуждающихся в небольшом вознаграждении. Седьмой вариант – корпоративные сделки вне валютного контроля.

Через пару часов все присутствующие выглядели как подтаявшее мороженое. Банкиры всех возрастов растеклись на стульях и продолжали заполнять бессчётное число страниц в своих ноутбуках. Даже Арсений казался не столь бодрым, как обычно. А Антон, которого зачем-то посадили в углу, хотя он менее всего понимал в предлагаемых схемах, и вовсе почти лежал на своём стуле, не в силах бороться с дремотой. И только Заусалин, который за время раздумий начал ходить из стороны в сторону, продолжал с энтузиазмом генерировать идеи. Пусть это получалось уже не так быстро, как в начале, зато он неуклонно шёл к заданной цели: «вариант восемьдесят три», «вариант восемьдесят четыре».

Ближе к вечеру присутствующие стали расходиться. Однако Арсеньев попросил студента задержаться и задал ему вопрос в лоб:

– Константин, я буду откровенен и признаю, что вы произвели потрясающее впечатление. Ваш мозг не только работает как часы, но и на-гора выдаёт множество удивительных и разноплановых идей. Боюсь, в сером мире учёба-работа-дом вам будет сложно найти своё место, которое бы отвечало всем запросам вашей многогранной личности. Поэтому я хочу предложить вам работу, в которой не будет недостатка ни в креативности, ни в волевых решениях, ни в эстетике, ни в деньгах, разумеется. Правда, для этого потребуются крутая перемена в вашей жизни. Вы согласны?

– Да, – коротко ответил соискатель.

– И вы не спросите, какие это перемены и что за работа?

– А я знаю. Работа будет связана с поисками обхода закона для распила бюджета или чего-то подобного. А перемены – я готов переехать в другой город. Или даже страну.

– Это хорошо, – одобрил Арсеньев. – Только вы не уловили весь масштаб перемен. От вас, действительно, потребуется переехать на совсем другую параллель. Но главное – что вам потребуется полностью порвать с вашей прошлой жизнью. Никаких друзей, никаких звонков и тем более встреч, никаких контактов с мамой...

– Даже с мамой? – растерялся Заусалин. По взгляду деда Василия он понял, что тот раскопал про него всё, что можно, и бьёт в самое больное место: мама для Кости всегда была незыблемой святыней и самой близкой подругой.

– Да. Вы сможете помогать ей, инкогнито, разумеется. Но больше никогда не увидите. Сегодня мы организуем вашу госпитализацию с подозрением на атипичную пневмонию, завтра ваш диагноз подтвердится, а через три дня на бумаге вы умрёте. Из-за вскрытия головного мозга хоронить вас будут в закрытом гробу. Последний раз мама увидит вас на опознании тела. После этого ваши останки похоронят, а вы сами будете в этот момент уже за тысячу вёрст отсюда. Отвечайте сейчас: да или нет?

Бедный студент растерянно захлопал глазами, не зная, что и делать. Спросил, можно ли подумать ещё немного. Арсеньев, конечно, разрешил, однако потребовал отдать ему телефон. Через пятнадцать минут сидения в тёмной комнате Константин вышел к Василию Васильевичу и произнёс единственную фразу:

– Я хочу для неё просторный загородный дом и возможность два месяца в году жить в швейцарских Альпах!

Арсений протянул испытуемому ладонь для рукопожатия и ответил:

– От лица твоего работодателя обещаю тебе это!

Они пожали друг другу руки.

– Теперь мне пора в больницу? – спросил студент.

– Зачем? – удивился Арсеньев. – У нас есть прекрасный специалист, он подготовит все необходимые бумаги! А ты пока поживёшь в загородном пансионате, погуляешь на природе, поплаваешь в бассейне. В понедельник привезут твой новый паспорт, настоящий. Ты, кстати, можешь выбрать имя и фамилию, какие хочешь. А в среду вечером у тебя начнётся полностью новая жизнь. Так что переведи часы на ноль часов и ноль минут – сейчас ты родился вновь, и пути назад уже нет. А пока что – делай, что хочешь! Мой водитель в твоём полном распоряжении.

На следующий день Антон жаловался, что странный студент играл с ним в бильярд до семи утра и полностью вынес мозг. Дед Василий дал своему подопечному выходной, а Заусалина отвезли в загородный пансионат, где он не менее чудесным образом проспал двадцать часов кряду.

Глава 20

Покой

Обед подали всего минут десять назад, а Марина уже уснула у иллюминатора. Антон сперва внимательно подмечал все черты её безмятежного лица, но вскоре увлёкся колоссами-облаками, которые, как гигантские подушки, стелились далеко внизу. Здесь, на высоте десяти тысяч шагов от тверди, всё земное казалось если не иллюзорным, то каким-то малозначительным. События последних месяцев калейдоскопом кружились в его голове. Молодой человек вспомнил Новый год, который они провели с Мариной, и день первого января, когда дедушка подарил им сертификат на двухчасовой массаж. «Тот ещё угодник, – усмехнулся про себя Антон, – сам как выжатый лимон был, но нет – сделал подарок романтичнее некуда. Хороший у меня дед...».

Он именно так и подумал: не *был*, а просто – хороший у меня дед. И даже не подметив этой своей мысли, перескочил на сессию в институте, на экзамен по вождению, потом – эта история со сгоревшим домом и приехавшими родственниками. Антон не хотел вспоминать трагедию с бабушкой. Он всегда переходил с неё на что-то другое, как девушки в ювелирном переводят взгляд с одного украшения на другое, минуя центральное – самое дорогое. Конечно, если у них нет человека, который подарит им хоть луну с неба.

Антон вспомнил другую смерть, но приятную – как следователь Самохин был аккуратно сброшен в открытый люк, где он пересчитал себе все кости, прежде чем испустить свой паршивый и зловонный дух. Но на этом моменте парень постарался не останавливаться. Вообще, Арсеньев настоятельно посоветовал в принципе выбросить этот эпизод из головы, как будто его и не было. Как будто Антон не ликовал от будоражающего трепета восторга за свершившееся возмездие. И дело не только и не столько в том, чтобы молодой человек как-то случайно не оговорился в компании о случившемся, и тем более не засвидетельствовал об этом прямо, – сколько в том, чтобы *перешагнуть через всю цепочку произошедшего*. Чтобы забыть обо всём, как о неудачном браке, стерев его из памяти, словно бы ничего не было вовсе.

Дед Василий оказался вообще человеком продвинутым, даже по меркам своей профессии, которая обязывает быть глубоким аналитиком душ. На приём к Арсеньеву люди приходили совершенно разные. В основном, конечно, это были толстосумы с их специфическими проблемами, за счёт них Арсений и процветал. Но были и интересные типажи, которых тот принимал без особого разбора их состоятельности. Антон частенько сидел в соседней комнате, откуда прекрасно просматривалось всё происходящее, на мотив камер для допросов в американских фильмах. Арсеньев иногда пускал своего водителя туда, если для последнего могла быть какая-то помощь или мотивация.

Особенно Антону запомнился редактор модного журнала. В жизни у него вроде всё было отлично: любимые жена, ребёнок, работа. Только его периодического догоняло «горе от ума», и ему начинали мерещиться всякие вещи из разряда теории заговора, ну или просто мозгами много работал, вот и воспалялись иногда. К Арсению он пришёл с необычной проблемой: ему казалось, что он умер, а вся его жизнь – будто бы его собственная фантазия, которая будет длиться до тех пор, пока он не смирится со смертью. В доказательство истинности случившегося он приводил довод, что пришёл на интервью к настоятелю какой-то церкви и там обнаружил себя ни дать ни взять персонажем популярной песни. На основании этого он осознал, что разбился в аварии ещё пять месяцев назад, но ужас оставить жену и сына одних парализовали его мозг и заставили поверить, что он выжил в той катастрофе и продолжает жить, ходить на работу, сидеть с сыном и спать со своей женой.

Антон не стал разбираться, почему именно сейчас ему вспомнился тот редактор. Его это и не интересовало. Ведь сейчас они летели с Мариной на отдых в Египет, а в целом в его жизни всё, по большому счёту, устаканилось. Родители зажили счастливо в новой квартире. Мама, кстати, действительно выиграла норковую шубу в той лотерее, не соврал Хан. Сто тысяч, как-никак, сорок антоновых стипендий.

Да и самому парню грех было жаловаться. У Арсения он верой и правдой отработал полгода и ушёл. Василий Васильевич всё оформил лучше некуда:

ещё три года Антон будет фиктивно числиться работником психотерапевтической студии «Сотериос», с зарплатой, достаточной для выплаты ипотеки по квартире, которую подобрали молодому человеку и куда они с Мариной уже переехали. Всю эту историю оформили как трудовой контракт, так что не возникнет никаких проблем с реальным трудоустройством туда, куда Антон захочет устроиться. Машину тоже Арсений перевёл на подопечного, так что в главных очертаниях жизнь оказалась застрахована от денежных неудач: живи – не хочу!

Впрочем, иногда Антон всё-таки приходил к Василию Васильевичу. Изредка – посоветоваться, но чаще – на лекции и семинары, которые тот устраивал для своих учеников. Особенно парню запомнился краткий курс «Преступление как наказание». В нём Арсений подробно объяснял, что любой гений, не укладывающийся в рамки общества, не находящий отклика собственному таланту, рано или поздно становится преступником. В этом отношении его *переступление* через границу дозволенного само по себе есть последствие, наказание за его психологическое отклонение от нормы. При этом неважно, будет ли это преступление уголовным или каким-либо иным.

Конечно, если человек с детства привык бороться за выживание, то при достаточных для этого условиях он сможет совершить финансовую махинацию или нечто подобное. И это будет уголовно преследуемым деянием. Если же «вопиющий талант» – художник, то он будет переступать границы традиционных рамок: изобретёт новый скандальный стиль, начнёт писать псевдоиконы с вырезанными овалами вместо ликов, чтобы каждый мог сфотографироваться, и так далее. С уголовной точки зрения здесь не будет ничего преступного (если только не будет доказано обратного), но вот в мире традиционного искусства такого художника однозначно провозгласят ренегатом.

Поэт будет писать стихи в новой форме – как жанровой, так и графической, неологической, вторгающейся на территорию других видов искусства. Инженер переизобретёт колесо, совершит революцию в автомобилестроении. Политик провозгласит новую государственную идеологию. И в каждом из этих деяний

субъект творчества будет проносить красной нитью одну простую мысль: это моё естество, и я не могу жить иначе; я скорее приму смерть, чем перестану создавать то, что предназначено мне сознанием, даже если оно ненормальное, нездоровое и противоречащее всем догмам.

Арсеньев приводил ещё много примеров и доводов. Но Антон уловил главную идею и дальше уже не слушал. Пожалуй, только после этой лекции парня по-настоящему отпустило. В какие-то полчаса он переосмыслил всё произошедшее и выронил пустую сеть, которую всё время отчаянно тянул на берег. В конце концов, думал он, окажись я на месте дедушки, поступив так же, как он, – что бы я хотел, чтобы чувствовали мои близкие? Ни в коем случае не жалость. Напротив – гордость за такого крепкого духом и телом старика, который, узнав о неизлечимой болезни, пошёл на смерть подобно древним скандинавским воинам, в бою, и при этом обеспечил всю свою большую семью!

Поэтому, несмотря на всю трагичность календарного года, его окончание, посчитал Антон, должно было как-то подчеркнуть глобальный оптимизм бытия: что всё хорошо, если хороши мотивы, и неважно, что при этом происходит! По принципу средневековых рыцарей: делай, что должен, и будь что будет. Другое дело, что человек сам должен формулировать, что ему надо свершить. И эти формулировки могут идти вразрез с общепринятыми нормами. Но, памятуя о лекции Арсеньева, что поделаться, если ты талант, которому тесно? Особенно, если ты неизлечимо болен.

Иногда Антону закрадывалась в голову кусающая синапсы мысль: а если бы дед не был болен, и ему ещё предстояло двадцать лет жизни? В ответ на эту дерзкую мысленную атаку молодой человек рассуждал так: если бы мне самому в мои скромные восемнадцать пришлось бы пожертвовать собой ради благополучия и процветания любимых и находись я в безвыходной ситуации – я бы пошёл на это не задумываясь!

Правда, затем закрадывались ещё более неприятные мысли, типа той, что вот они с Мариной родят ребёнка, а он, весь такой из себя герой, возьмёт и уйдёт от них ради их «благополучия» и «процветания». Ну оставит он им денег,

достаточных для богатой, безработной жизни на всю жизнь – и что? Станет им от этого легче? Не будет ли это предательством, а не геройством по отношению к ним? И в радость ли им пойдёт даже всё золото мира, если они при этом останутся одни? Понятно, что дедушка жил без жены, его дети и внуки уже выросли, но нельзя ли его поступок считать предательством? Обычно Антон со всей силы бил себя кулаком по голове, когда такие мысли в неё приходили, но сейчас у него на плече спала его любимая, и он позволил себе лишь скрежетнуть зубами и с негодованием обрушить свой взор на беспечные облака размером с положенную плашмя двадцатиэтажку, в которой они с Мариной купили квартиру.

Когда пилот объявил о скорой посадке, девушка проснулась. Она улыбнулась, поцеловала Антона и прилегла на его плечо снова, чтобы понежиться ещё пару минут. Пассажиры, как обычно, бросились вытаскивать сверху свои вещи, в то время как стюардессы с такою же будничностью стали просить всех занять свои места и пристегнуться. Спустя десять минут самолёт благополучно приземлился, а ещё через полчаса все прибывшие прошли таможенный досмотр и расселись по автобусам, которые повезли их к их отелям.

День уже близился к вечеру, поэтому Марине с Антоном удалось только заселиться в номер и сбегать искупаться в теплейшее море, но больше скорее для галочки, чем из любви к талассотерапии. В номере они помылись, переоделись, сходили на ужин и вернулись, чтобы лечь спать. Однако в одиннадцать Антон проснулся и, не зная, как себя занять, вышел на уличную веранду отеля. Здесь веселье шло полным ходом, вокруг смеялись, курили кальян, а нескончаемая вереница каравана шла в бар и обратно с наполненными до краёв стаканами.

У одного из столиков собралась целая толпа. Это даже было скопление столов, потому что многие присоединялись к действию вместе с напитками, столами и стульями. Дирижировал всем происходящим молодой парень, который, очевидно, взял на себя роль ведущего этого вечера. Он рассказывал всякие интересные истории в стиле стенд-ап, чередовал их с шуточками в стиле Монти

Пайтон и показывал нелепые фокусы, вроде того, как мусорное ведро в углу залы открывается не потому, что он нажимает на него ногой, а потому, что делает магические пассы руками. Антон решил присоединиться к компании и взял себе виски с колой, несмотря на то, что обычно не пил спиртного.

– Или вот вам информация для размышления, – вещал самопровозглашённый ведущий. – Сегодня стало модным быть такими напоказ-православными. В каждом ресторане постное меню, все начали интересоваться праздниками, церковными службами, на Афон многие летают. А вы знаете, что во время поста нельзя заниматься любовью?

– Миша... – одёрнула его за рукав девушка, по-видимому, его подруга, но тот и не подумал останавливаться.

– Да, с женой нельзя – вот в чём дело-то! Нет бы церковь сказала: себя удовлетворять нельзя, пока пост идёт, а жена не хочет – это я понимаю: пост! Но нет – с женой нельзя заниматься любовью! Представляете? Вот вы обвенчались, всё честь по чести, теперь сношаться можно напропалую – по семь раз в субботу и по пять в воскресенье, потому что с утра на службе стойте терпите.

Среди слушателей раздался смешок.

– Но вот наступает пост – и всё, ни-ни! Вот, я представляю парня, который вернулся из армии, девушка его два года ждала, терпела. Вот они венчаются. Например, сегодня. А завтра – Рождественский пост начинается, это правда. И до седьмого января продлится. И вот у них, значит, свадьба, гости, целуются пятьсот раз. А домой приезжают – бах, полночь! Ещё полтора месяца нельзя, грех...

Тут уже многие рассмеялись в голос, подогретые горячительными напитками.

– И что это за счастливая супружеская жизнь, скажите мне? – продолжил юморист. – Гармоничная, где все развиваются, интересуются новым, книжки читают, в театры ходят, ну и любовью занимаются, пока не натрут себе всё!

– Миша... – снова осекла его девушка, но выступавшего было не остановить, особенно в звуковом окружении того смеха, который тот вызывал своими речами.

– Почему не изобретут такую религию, где любовь станет предписанием, а? Есть же департамент деградации, вы в курсе?

– Есть? – с удивлением спросил красномордый мужик с необъятным животом.

– Конечно, есть! – даже обиделся оратор. – Вот вы откуда? Из Тамбова? У меня, кстати, знакомый тамбовчанин есть, машинами торгует, я потом про него историю расскажу. У него такая кожа рябая, ну, потом расскажу! Это вы близко к центру просто, у вас наверняка в областной думе всякие там планы развития разрабатывают. А подальше от Москвы отъедешь – как там народ контролировать, а? Вот и приходится министерства деградации организовывать! Сколько в прошлом году пили чистого спирта на душу населения? Четырнадцать литров? В этом году надо семнадцать! Не успеваем? Второй день города надо устроить!

Тамбовчанин вместе с женой расхохотались. Видимо, они сами работали в областной думе или организовывали день города – настолько смешной показалась шутка их накаченным ромом с колой умам.

– Ну так вот я про пост, – вернулся к своей мысли шутник. – Почему церковь не говорит нам: так, сегодня день памяти шестидесяти девяти севастииских мучеников – значит, сегодня всем женатым положен секс в позе 69!

Аудитория загоготала, а столы задрожали от ударов стаканами.

– Почему священник на исповеди не спрашивает: как давно ты удовлетворял супругу языком своим, сын мой?

Кто-то обхватил лицо руками и повалился на мягком пуфике в смехотворном пароксизме.

– Или почему вместо диетических предписаний нам не говорят: среда – только позы лицом к лицу! В четверг секс только без поцелуев. А в пятницу нельзя использовать наручники и сжимать кисти супруги! Почему нам так не говорят? И вот из-за этого вместо того, чтобы удовлетворять законную жену по

десять раз на дню, бедный солдатик идёт на работу и там выполняет суточную норму погрузки-разгрузки. Божие ли это дело, что в его горячей ладони лежит упаковка молока, а не молочная грудь его горячей жены? И что это, кстати, за мода облегчать пакет молока до 970 и даже до 930 миллилитров? Разве не должен пакет молока в горячей ладони пышущего здоровьем мужика стремиться к литру? Давайте все вместе проскандируем наши требования к производителям молока: к литру, к литру!

Вся огромная толпа слушателей в один голос завопила:

– К ли-итру-у! К ли-итру-у!

– Да, дети мои! – подтвердил выступающий, словно он был протестантским пастором. – И дело касается не только молока. Почему мы – мы, пахавшие календарный год, чтобы семь дней отдохнуть в Египте, – не имеем права на литр виски не только в «дьюти фри», но и здесь – в баре при отеле? Давай назовём наше движение «К литру»! Ты – за «К литру»? – неожиданно спросил он у парня, сидевшего поблизости вместе со своей девушкой. Оба рассмеялись, но парень ответил:

– Я – за «К литру»!

– «К литру»! «К литру»! – завопил тамбовчанин, поднимая вверх свой коктейль. К нему присоединились все присутствующие. – К литру! К литру!

– Какая пошлятина! – подумал про себя Антон, но, видимо, из-за накрывшего его смеха произнёс это вслух.

– Совершенно с вами согласна! – кивнула ему женщина лет сорока пяти. – Хорошо, что мы уложили детей, а то бы пришлось уводить их с этой вакханалии.

Не зная, что ответить, Антон поднял свой бокал и чокнулся им с собеседницей.

– Не обращайтесь на неё внимания! – заметил сидевший рядом с ней мужчина с обритым черепом и бородой на манер узбекского торговца. – В своё время мы каждый год отдыхали на Бали, где нам приносили коктейли по щелчку пальцев. Своей фразой моя любимая супруга пытается замаскировать, насколько

ко ей нравится отдыхать в нормальном обществе, без этих толстосумов, которые только и говорят что о яхтах и о курсе акций. Бахтияр!

Он протянул молодому человеку руку, Антон пожал её и назвал своё имя в ответ.

– Любовь! – представилась и супруга Бахтияра, и после стандартного «очень приятно» Антон заметил:

– Теперь понятно, почему рассуждения этого парня вам так не нравятся: вы принимаете на свой счёт все его вирши про «любовь»!

– Ах, да! Похоже на правду! – согласилась она и искренне рассмеялась.

Они ещё долго разговаривали вместе, вскоре покинув искромётного импровизатора. Супруги угостили Антона отличным виски.

– Гм, словно дача сгорела... – пригубив, прокомментировал парень вкус напитка.

– Кхх! – рассмеялся мужчина. – Это «Лафройг», солод для него обжаривают на торфе, отчего виски приобретает настолько выраженный вкус сгоревшего поместья, если угодно. Но именно благодаря этой особенности «Лафройг» отлично провозился на американский рынок во время сухого закона, поскольку его йодистый аромат вполне походил на лекарство. И таможенники, понюхав содержимое тёмно-коричневых бутылок, беспрепятственно пропускали его дальше.

Они ещё долго разговаривали вдвоём, когда Любовь попрощалась, поцеловала мужа и ушла в номер. Антон ещё никогда не чувствовал себя так свободно и легко за прошедший год. Бахтияр рассказывал ему бесчисленные истории из их с женой романтических встреч и событий и убеждал его в том, что жизнь здесь и сейчас, чувства здесь и сейчас – вот это и есть истинный смысл жизни, который и может быть единственным путеводителем в этом долгом и в то же время таком коротком путешествии.

За час они уговорили бутылку десятилетнего «Лафройга» и разошлись по своим номерам. Бахтияр на следующий день улетал. Он передавал «поклон» Марине и желал им отличного отдыха. Антон, со своей стороны, пожелал им

оставаться такими же юными и бодрыми, как и сейчас. Они обнялись и пожали друг другу руки. Сонный и счастливый, Антон вернулся в номер и лёг спать, крепко обняв любимую, вместе с которой им предстояла целая неделя отдыха и вся жизнь впереди. Ночью ему приснился дедушка, который под видом чистильщика бассейна смотрел за ним и Мариной и всячески подмигивал. В этот момент Антон проснулся, но Марина обняла его, сладко улеглась у него на груди, закинула ногу на любимого, и так и заснула вместе с ним. Антон не смог сопротивляться её чарам и тоже заснул, поутру и не вспомнив о дедушке во сне в роли работника отеля.

Бахтияр, вернувшись ночью в свой номер, сладко обнял жену, поцеловал её и заснул почти в тот же момент.

– Ну что, он узнал тебя? – поинтересовалась сквозь зевоту она.

– Нет, – успокоил её супруг и тоже сладко потянулся на кровати. – Пластическая хирургия делает чудеса!

– Слава Богу!

– И хвала!

– Парень хороший? – совсем почти во сне спросила жена.

– Отличный парнишка! Весь в деда. Спокойной ночи!